

ГАСАН ГУЛИЕВ

СМЕРТЬ ДИПЛОМАТА,
ИЛИ
К ИСТОКАМ
КОНФЛИКТА
В КАРАБАХЕ

Документально-публицистический очерк

Издатель Вахид Азиз

Издательство «Эргюн»
Баку - 1995 г.

Г - 94
О 21

Г - 95 Гасан ГУЛИЕВ. Смерть дипломата, или к истокам конфликта в Карабахе. - Баку, 1995 г
«Эргюн».

В книге писателя и литературоведа Гасана Гулиева освещены истоки Карабахского конфликта; они увязаны с деятельностью и смертью дипломата и поэта А. С. Грибоедова, оказавшегося в эпицентре важнейших исторических событий начала XIX века.

Опираясь на факты и документы того времени, автор раскрывает перипетии заговора, жертвой которого стал А. С. Грибоедов - очевиден и участник событий, связанных с переселением армян из Ирана в Карабах. В книге раскрываются также причины и следствия обострения межнационального конфликта.

Книга выпущена на средства Фонда культуры и автора.

000000 95
021

ISBN 58240-0003-4

© ЭРГЮН

Оглавление

ГЛАВА 1. От Туркменчая к Тегерану	4
ГЛАВА 2. Карабах: история и современность	22
ГЛАВА 3. Агрессия; обоснования, последствия, резонанс	28
ГЛАВА 4. Последняя миссия	45
Заключение	66

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ ТУРКМЕНЧАЯ К ТЕГЕРАНУ

1995 год - двухсотлетний, юбилейный для А. С. Грибоедова год. Обычно круглые даты деятелей такого масштаба отмечаются в торжественных очерках-панегириках, критических и литературоведческих одах, представляющих всю широту и полноту содеянного писателем в литературе и общественной жизни своего народа. И Александр Сергеевич Грибоедов, как выдающийся русский поэт и драматург, автор знаменитой комедии «Горе от ума», вполне и заслуженно может претендовать на самые высокие знаки внимания к себе, к своему творчеству, снискавшему ему любовь и восторженное внимание целых поколений русских читателей.

Да и только ли русских? Во всем бывшем Союзе, то бишь в «Красной империи» эта любовь и уважение не только декларировались, но были искренними и самыми естественными проявлениями читательских масс. В частности, в закавказском регионе, с которым тесно связаны жизнь и деятельность А. С. Грибоедова. Здесь его чтители не только за его исключительную роль в развитии отечественной художественной мысли, комедиографии и театра, но и за самые непосредственные личные связи и контакты с местными, кавказскими деятелями культуры и интеллигенцией.

Если перелистать все книги и статьи, посвященные русско-кавказским культурным и литературным связям, в особенности вышедшие в годы Советской власти в России, Грузии, Азербайджане, Армении, то легко обнаружить, какое большое внимание уделено в них Грибоедову, его пребыванию на Кавказе, в частности, в Грузии, в Тифлисе, бывшем административным центром царского правительства на Кавказе, где поэт и дипломат был вхож в самые именитые дома и салоны аристократов, общался со многими представителями интеллигенции, совершенствовался в знании восточных языков (в частности, фарсидского и, тюркского), которые должен был знать по долгу службы в качестве дипломата. Большое внимание в них уделено и факту, связанному с женитьбой на Нине Чавчавадзе, его взаимоотношениям с молодой женой, новыми родственниками и всем окружением, пестрым, в социальном и национальном отношении разнородным.

В дальнейшем эмоционально-торжественный настрой этих книг, и статей, подчеркивающих моменты дружбы и конструктивного сотрудничества Грибоедова с деятелями литературы закавказских народов, сменяется более углубленным в научном отношении, более обстоятельным изучением этих связей.

Одновременно с такой обстоятельностью, как это ни парадоксально, усиливается и методологический прессинг, не позволяющий увидеть «шероховатостей» и «трения», которые могли быть (что естественно) и, конечно же, были в этих связях Грибоедова, как человека неординарного и находящегося на государственной службе, с представителями «инородцев», пусть лояльных к властям и именитым, но все же подчинившихся судьбе и обстоятельствам и знавшим свое место в иерархической системе империи. Словно таких сложностей и шероховатостей не могло быть вовсе в природе.

В советском литературоведении практиковалось такое отношение к классикам, когда считалось дурным тоном указывать на их недостатки, точно это были не живые люди, во плоти и крови, подверженные разным страстям и настроениям, а лица, позирующие перед объективом истории, и потому принимающие благочестивые выражения для галереи иконографических экспонатов.

Даже из воспоминаний современников, писавших о Грибоедове, убирались резкие характеристики и нелестные отзывы, или при этом приводились примечания и комментарии, «извиняющие» эту резкость и объясняющие ее не столько «необъективностью» их авторов (как-никак среди них был и герой Отечественной войны 1812 года легендарный Д. В. Давыдов, например), сколько отсутствием исторической дистанции, не позволявшем таким авторам увидеть масштабность и величие личности этого поэта и дипломата, его место в истории, как отечественной литературы, так и дипломатии.

Что поделаешь: такова была общая тенденция, сложившаяся за 70 с лишним лет Советской власти!.. И вряд ли стоило сегодня упоминать об этом или говорить предосудительно, если бы не события последних лет: крах Советской империи, суверенизация бывших республик, входивших в

Союз, конфликты в Закавказье и, главным образом, армяно-азербайджанский конфликт и, как писали в самом начале его, «события вокруг Нагорного Карабаха»...

Да, именно с таким чисто «кавказским» определением: «вокруг», а не в «самом»! Но в этом «вокруг» (да простится мне такое стилистическое объяснение) кроилось многое, была заложена и «подсказка» вопроса: не в «самом» Карабахе, входившем в состав Азербайджана испокон веков и бывшем тем самым, так сказать, «его собственной проблемой», а в том географическом пространстве, которое входит в это понятие «вокруг», и замышлялись эти события, концентрическими волнами захватывая другие пространства и регионы, распространяясь вширь и вглубь истории, уводя к истокам войн и конфликтов за сферы влияния в Закавказье... Приоткрывая также завесы и над тайными дипломатических депеш, ролью и ответственностью многих исторических деятелей в судьбоносных, ключевых событиях истории Российской империи, закавказских народов...

И, разумеется, уводила к фигуре, делам и роли Грибоедова в проведении политики русского самодержавия на Востоке... Или говоря иначе, ко всему, что было связано с ним, с его деятельностью на Востоке, в частности, в Иране в период подписания Туркменчайского мирного договора (1828 г.), его деятельностью в Тегеране, взаимоотношениями с иранскими властями, его причастностью к переселению армян из Ирана на вновь завоеванные Россией земли. И его трагической гибелью, наконец...

Переселение это осуществлялось на земли «мусульман Карабаха» или, как начинает их называть Грибоедов, «на наши земли», то есть земли, перешедшие в результате Туркменчайского мирного договора к Российской империи. При изучении «Карабахского конфликта», возникшего в процессе горбачевской «перестройки», фигура Грибоедова невольно оказалась в эпицентре изучения вопроса, так сказать, в лучах, направленных на него с разных сторон, должных осветить объективную роль в истории, но при этом нередко искажавших истинные события и обстоятельства, которые происходили вокруг него...

«Вокруг» Грибоедова - такой аспект избран нами намерено, ибо позволяет во многом определить и объективное освещение событий, происшедших в истории (и главным образом в истории) и происходящих «вокруг Нагорного Карабаха» сегодня...

Но при чем тут Грибоедов?! Нельзя ли оставить его в покое хотя бы потому, что не ко времени: все же юбилей, так сказать, круглая дата... И эта трагическая смерть в Тегеране, печальный факт - переведение его останков, которые наблюдал А. С. Пушкин и описал в «Путешествии в Арзрум»: «Два вола, впряженные в арбу, поднимались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу». Откуда вы? - спросил я их. «Из Тегерана» - «Что вы везете?» - Грибоеда».¹

Не довольно ли ворошить прошлое, связанное с трагическим финалом жизни этого незаурядного поэта и дипломата, принявшего мученическую смерть в силу стечения роковых обстоятельств?!

Разумеется, можно было бы оставить в покое личность Грибоедова, воздавая должное лишь вкладу писателя в развитие русской словесности, драматургии и театра, не касаясь вопросов, связанных с политикой и конфликтами на дипломатической почве, тем более на почве межнациональных отношений...

Но оказывается, никак не получается. Даже такое, казалось бы, чисто организационное мероприятие - заседание грибоедовского комитета в Министерстве культуры России, прошедшее в апреле 1994 года в связи с подготовкой к 200-летию юбилею поэта, не обошлось без выходов к теме сугубо политической. Констатируя, что «сегодня у нас горе не от ума, горе - от отсутствия средств», участники заседания заслушали доклад директора «восстанавливаемой уже 26 лет грибоедовской усадьбы Хмелита под Вязьмой», заявившего о том, что «все работы сейчас свернуты», и проявили живой интерес к словам члена юбилейного комитета актера Олега Табакова, который «навел собравшихся на неожиданную мысль: может быть за содействием обратиться к властям Ирана - не поспособствуют ли они восстановлению усадьбы дорогого для России человека, погибшего некогда в Тегеране?.. Вопрос посчитали отчасти некорректным и почти безнадежным. А все-таки, надеясь, что в посольстве Ирана «Известия» читают, не вычеркивая его из заметки», заключает корреспондент, предпослав ей многозначительный

¹ А. С. Пушкин. Из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года». - В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., «ХЛ». 1980 с., 264

заголовок: «Быть может, Тегеран поспособствует восстановлению усадьбы Грибоедова под Вязьмой?»².

К слову, в середине 1988 года, когда отмечалось 175-летие со дня рождения М. Ф. Ахундова, автор этих строк, находясь в Москве, предложил «Известиям» статью по случаю юбилея выдающегося драматурга и мыслителя, которая была принята, но не увидела свет по не зависящим от редакции причинам. Зав, отделом культуры и литературы «Известий» Георгий Меликянц предложил тогда автору убрать из текста статьи казалась бы невинный абзац: «Неотвратимо наступали новые времена. Россия выясняла отношение «традиционными методами» с Ираном и Турцией и, выйдя к Кавказу, окончательно определила свою границу. Она прошла, как скорбно изломанная морщина, по карте Азербайджана, расколов его на северный и южный иранский».

Тогда автору было указано на то, что «Известия» будучи органом Верховного Совета СССР - официальная газета, которую читают и в Иранском посольстве, и такое «выражение» может быть попятно неверно.

Сегодня, в свете происшедших событий видно, что оно могло не устраивать не столько Иран, сколько тех, кто разделил эту границу с Ираном, а также и тех, кто в результате такого разделения оказался на новых землях, переселившись из Ирана в Азербайджан, также в Карабах, а именно - карабахских армян...

Новое обстоятельство, делающее необходимым пересмотр традиционных понятий, связано с процессом распада бывшего Союза, когда наряду с размежеванием границ невольно возникает переоценка ценностей, взгляд на деятельность отдельных, некогда «общих» (в масштабах Союза) классиков литературы. Особенно тех, кто оказался, так сказать, в «пограничной зоне». Рассматривая их в контексте новых взаимоотношений, установившихся между Россией и Азербайджаном, как суверенными государствами, делаются ныне попытки оценить, скажем, роль А. С. Грибоедова, как дипломата, с точки зрения его участия в событиях, связанных с присоединением Азербайджана к России в начале XIX века.

Точно так же делаются (хотя и робко) попытки ревизировать и деятельность целого ряда азербайджанских деятелей истории и культуры, оказавшихся в силу обстоятельств, вовлеченными в этот процесс. Так, ровесник А. С. Грибоедова, выдающийся азербайджанский историк, философ, ученый-энциклопедист и писатель Аббас-Кули-Ага Бакиханов (1794 - 1846), служивший переводчиком при канцелярии Главноуправляющего Грузией в чине полковника и создавший уникальный труд по истории Азербайджана «Гюлистан-и Ирам», знавший А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина, владевший восточными, а также русским и французским языками, бывший свидетелем и участником (в качестве этнографа и переводчика) многих событий и походов того времени, не удостоился сегодня того внимания, которого он, безусловно, заслуживал.

1994 год - юбилейный для А. К. Бакиханова. - Однако 200-летие со дня его рождения не стало событием в культурной жизни республики. Возможно, помешали его генеральские эполеты... И такое отношение было проявлено к автору первого фундаментального исследования по истории Азербайджана, о котором в предисловии к нему академик Зия Буниятов написал: «А. К. Бакиханов использовал огромное количество разноязычных древних и средневековых письменных источников и был знаком с большинством синхронных исследований, в которых имелись материалы по исследуемому им региону. Для времени А. К. Бакиханова это явилось подвигом в науке, ибо ни один исследователь Востока до него такой эрудицией не обладал. Читатель при знакомстве с указателем использованных им источников и литературы сам убедится в колоссальной эрудиции А. К. Бакиханова. Феноменальное для первой половины XIX века творчество!»³

Проявление нигилизма по отношению к Бакиханову дает о себе знать именно в тот момент, когда азербайджанская историография, как никогда прежде, нуждается в фундаментальном раскрытии и описании целых исторических пластов и эпох, в обретении ясности и концептуальной четкости в целом ряде «запутанных» нашими соседями вопросов и событий прошлого, великолепным знатоком которого был этот замечательный историк-эрудит.

Его выдающиеся заслуги историка были признаны официальной русской наукой, а царь Николай I по представлению ему рапорта военного министра России Чернышева А. И., в котором сообщалось, что «Аббас-Кули-Ага Бакиханов написал историю восточной части Кавказа от

² «Известия», 12 апреля 1994 г

³ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и. Ирам. Баку, «Элм», 1991, с. 7.

древнейших времен до Гюлистанского мира, заключенного 12 октября 1813 года», распорядился выдать автору труда «бриллиантовый перстень и 800 рублей».⁴

Возможно, и эта награда не пришлась по душе нынешним политизированным историкам: как-никак подарок от самодержца-императора! Но вчитаемся в строки автобиографии, написанные рукой подлинного историка, объективного летописца и ученого, раскрывающего свое жизненное и научное кредо:

«Несмотря на недостатки средств и некоторые другие препятствия, я успел завоевать некоторую известность в науках. Тогда главный начальник войск и областей Кавказских, генерал Ермолов в 1235 (1820) г. потребовал меня к себе для определения на службу. Находясь в Тифлисе, я занялся изучением русского языка и через него познакомился с европейским просвещением. Состоя всегда при главных начальниках, я осмотрел Ширван, Армению, Дагестан, Черкесию, Грузию, Анатолию и Азербайджан. Везде я знакомился с местностью и учеными людьми.

Во время турецкой и персидской войны, равно как и при заключении мира, я имел честь быть при святейшем князе Паскевиче.

В 1248 (1833) г. я путешествовал по Кавказской линии, Донской земле, Малороссии, Великороссии, Лифляндии, Литве и Польше. Знакомился с государственными лицами и людьми, известными ученостью или искусствами. Я видел много вещей любопытных для сердца и ума и старался извлечь из них пользу. Присматриваясь к делам человеческим я убедился, что нет ничего прочного в мире, что богатство и власть подвержены потере, что высокое происхождение без личных достоинств в чужой земле останется неизвестным, а в своей причиняет стыд и что одна только наука, проявляясь в умственных произведениях, может доставить нам счастье на земле и продлить наше существование после смерти».⁵

Итак, новые времена - новые подходы и оценки... Говорят: для того, чтобы объективно и по достоинству оценить события или деятельность человека, нужна историческая дистанция... Оказывается, дистанция эта, бывает, немало искажает также. Как это имеет место с Бакихановым. И не только с ним одним...

Политизированная наука (историография, литературоведение, философия и др.) может оказать и нередко оказывает дурную услугу обществу, лишая его авторитетов только за то, что порой взгляды того или иного писателя не соответствуют тому идеологическому цвету, который сегодня в моде. Экстремист от литературоведения, например, может «исключить» писателя из литературного процесса за «инакомыслие», точно так же, как в годы засилья коммунистической идеологии писателя могли исключить из членов Союза писателей, объявив диссидентом...

Субъективизм, произвол, диктат политики, идеологическая конъюнктура, - все это есть во всех литературах бывшего Союза, которые еще несколько лет тому назад называли «братскими литературами». Еще недавно, например, литературоведы акцентировали на «взаимосвязях и взаимообогащении» их, расписывали творческие, дружеские контакты «с самого начала» их возникновения. В этих контактах и творческой дружбе упоминались и имена Грибоедова и Бакиханова и все то, что сулило нерушимость традиций.

Однако в свете «карабахских событий» фигура Грибоедова - дипломата заслонила Грибоедова - поэта, знатока Востока и восточных языков... Заговорили о его зловещей роли в проведении политики царского самодержавия в Закавказье. Как будто это может умалить его роль и значение в глазах его читателей?!...

Известно, с какой последовательностью и служебным рвением отличался Грибоедов в делах государственной важности, в служении, как говорится, «царю и отечеству». И не будь его, нашелся бы другой, может быть, не поэт и не интеллигент, а более решительный и жестокий «слуга отечества».

В нынешнем отношении к Грибоедову упускается из виду то обстоятельство, что именно в силу его добросовестного и рьяного служения, его педантичности интеллигента, писательского и научного склада его мышления, он оставил очень ценные для Азербайджана и его истории свидетельства и обстоятельные записки о важнейших событиях, изменивших исторический и политический облик Закавказья, в том числе Карабаха.

Говорят, что уже в наше время (1988), в момент обострения армяно-азербайджанского конфликта, когда представители двух «конфликтующих» сторон в качестве высшего арбитра обратились к М. С. Горбачеву, тот, приняв делегации Армении и Азербайджана, будто бы сказал: «Вот вы, представители Армении и Азербайджана, пришли за разрешением спора, принесли документы и карты, подтверждающие право каждой из сторон на Карабах... Я могу соглашаться

⁴ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и. Ирам. с. 5.

⁵ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и. Ирам. с. 205 - 206,

или не соглашаться с доводами каждой из сторон... Но вот с доводами и фактами, который приводит в своих записках знаменитый русский дипломат Александр Сергеевич Грибоедов, я не согласиться не могу...»

И после этого будто бы процесс «миацума» вроде бы был замедлен. Нет, не решен однозначно, а «продолжал идти» своим ходом. Но уже в «затяжном» режиме... И будто бы именно в этот период был разрушен памятник Грибоедову в Армении. Впрочем, возможно, это произошло и потому, что были обнаружены и обнародованы его высказывания об армянах. Ведь в своем рапорте от 11 -13 сентября 1819 года поверенному в русских делах в Персии Мазаревичу С. И. Грибоедов писал: «Что за подлое отродье эти армяне. Никто из них и знать меня не хотел, а при этом всегда на ухо шепчут, что мы их будущие покровители. Хороши протеже. Они нас продают тем самым персам, которые готовы их распинать и варить под любым соусом»...⁶

Впрочем, в ряду «антигрибоедовских акций» последнего времени можно считать срыв экранизации романа Юрия Тынянова «Смерть Вазира-Мухтара». Об этом говорил кинорежиссер Никита Михалков в одной из передач «кинопанорамы»... Но о том, кто или что помешало ему экранизировать известный роман замечательного писателя, коснувшегося интересного пласта истории взаимоотношений России с Ираном и Кавказом и давшего выразительный и реалистический портрет Грибоедова, как дипломата и писателя, кинорежиссер не упомянул.

Какой же «криминал» обнаружился в содержании романа? Какие факты и события власть придержащие (а это имело место незадолго до крушения советской власти, в период раскручивания центром «Карабахского маховика») не посчитали «своевременным» или «желательным» для показа средствами «самого массового из всех искусств?..»

Вот как объясняет это Юрий Помпеев в своей книге «Юдольные дни».

«Уже на что дерзок кинемастер Никита Михалков и тот решил остановиться. Корреспондент газеты «Созвездие» обратился к нему с вопросом:

- Если бы сейчас какой-нибудь богатый продюсер предложил вам большие деньги, чтобы снять задуманный фильм «Александр Грибоедов», вы бы согласились работать? Или эта тема уже отболела?

- Нет, не отболела - отвечивал Н. Михалков. - Но для работы над фильмом о Грибоедове сейчас нет возможности. Ведь одна из самых главных акций Александра Сергеевича Грибоедова - перевод двадцати пяти тысяч пленных армян через Нахичевань в Карабах. Если начать это снимать, можно закончить, как Грибоедов...

Мстительные дашнакские идеологи наказывают тех, кто вспоминает записку А. С. Грибоедова «О переселении армян из Персии в наши области» и его опасения насчет того, что «армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили».

Это же бьет по обеим щекам авторов Карабахского текста и собирателей мифической «Великой Армении».⁷

Лучше, как говорится, не скажешь...

Разумеется, круг вопросов, связанных с деятельностью Грибоедова - дипломата в один из наиболее значительных и важных периодов в истории Закавказья и Азербайджана, значителен и требует внимательного и объективного рассмотрения. Мы ставим себе целью здесь то, что продиктовано современными обстоятельствами, о которых было сказано выше. И, прежде всего, пытаемся ответить на ряд вопросов, из которых выделим следующие: а) сыграл ли Грибоедов как дипломат негативную роль по отношению к истории Азербайджана и его народа; б) какие обстоятельства и факторы привели его к столь трагическому жизненному финалу; в) наше современное отношение к нему и его дипломатической деятельности с точки зрения осмысления Карабахского конфликта и другие.

На первый из поставленных выше вопросов ответ может быть только однозначен: Грибоедов, как поданный дипломатический посланник царя, будучи честным мнительным чиновником Российской империи, стремился по-возможности наилучшим способом защищать интересы этой самой империи, краеугольным камнем политики которой было расширение своих территорий за экспансий и войн. Рецидивы такого имперского мышления и сегодня находят проявления в разных межнациональных конфликтах и войнах, проходящих на территории бывшей империи.

Участвуя в осуществлении Туркменчакского трактата, в результате которого часть азербайджанских ханств, в том числе Карабахское и Эриванское, отходили к России, Грибоедов прежде всего руководствовался интересами Российского государства, которым подчинял и все

⁶ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки. Б., 1989, с. 271

⁷ Юрий Помпеев. Юдольные дни. С-Петербург, 1993, с. 47

свои личные пристрастия, симпатии и антипатии, судьбы остальных людей, и свою собственную жизнь.

В своих письмах, да и в воспоминаниях современников, Грибоедов предстает, как человек, всецело тяготеющий к искусству. Поэзия, театр, музыка, - это не просто развлечения, отдых для души, но и сферы его духовного самовыражения и приложения его многостороннего таланта. Он музицирует, играя на фортепьяно, создает стихи, сочиняет пьесы и сюжеты для театра, пишет статьи и заметки, делает наброски своих произведений, видя в подобной деятельности свое главное призвание.

Об отношении молодого Грибоедова к службе и карьере красноречиво свидетельствует фраза из письма его (апрель 1818 г.) к близкому другу С. Н. Бегичеву, которому он поверял свои самые сокровенные мысли:

«Не переходи в армию; там тебе бог знает когда достанется в полковники, а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести».⁸ То есть по необходимости или ради карьеры, а не по призванию, - по-видимому, так надо понимать заключение автора письма, участь которого во многом соответствовала этому принципу также.

В этом же письме он говорит о «непритворной своей печали», о предложении министра иностранных дел Нессельроде К. В. отправиться в Персию, на что он ответил: «то не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тейеран» (т. е. Тегеран, - Г. Г.).⁹

И далее он пишет: «Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия. ... Всего забавнее, что я ему (т. е. министру - Г. Г.) твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение... Обещают тьму выгод, поощрений, знаков отличия по прибытии на место, да ведь дипломаты на посуле, как на стуле. Кажется, однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть коллежским асессором или ничем».¹⁰

Из этого письма, да и из других его высказываний видно, что свою дипломатическую работу он воспринимал именно как жизненную необходимость, обеспечивающую ему материальное благополучие.

Герой его комедии «Горе от ума» Чацкий, духовно близкий автору, четко сформулировал свое кредо: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».¹¹ Но именно на государственной службе Грибоедову пришлось испытать на себе все сложности и конфликты, которые подстерегали неискушенного в чиновничьей среде, душой открытого всему свету молодого человека. Оказавшись при штабе Ермолова А. П., главнокомандующего в Грузии, а затем в свите сменившего его близкого родственника Паскевича И. Ф., назначенного главнокомандующим на Кавказе, Грибоедов невольно оказался в эпицентре подобных интриг, вызвав по отношению к себе неоднозначные, порой прямо противоположные мнения современников.

Сам он тяготился службой, считая ее вынужденной из соображений материальной выгоды, отвлекающей его от участия в делах, где он чувствовал себя наиболее свободно и непринужденно: поэзии, театра, музыки. Общению с друзьями и единомышленниками, удовлетворению своих интеллектуальных и духовных запросов он отдавал явное предпочтение. В его письмах, а также в воспоминаниях современников содержится немало указаний на этот счет. Вот небольшая подборка из писем, написанных к друзьям и близким и представленных здесь в хронологической последовательности.

27 января 1819. Из Тифлиса Я. Н. Толстому и Н. В. Всевожскому («любезным моим приятелям»...):

«Сделайте одолжение, не забывайте странствующего Грибоедова, который завтра опять садится на лошадь, чтобы трястись за 1500 верст. Я здесь (т. е. в Тифлисе. - Г. Г.) обжился, и смерть не хочется ехать, а нечего делать».¹²

Пока это всего лишь сетование на неудобство дорожной жизни, нежелание покидать ту среду, где он уже имел круг новых знакомых и приятелей, привычный уклад жизни, хотя по

⁸ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 259.

⁹ Там же, с. 260.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 29.

¹² А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 265

общему настроению писем можно ощутить и любопытство, и интерес к тому неизведанному, экзотическому и новому, что открывалось взору для всякого путешественника на Кавказе.

Февраль 1819. С. Н. Бегичеву по пути из Эривани в Тавриз:

«Судьба... рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года», - сетует он на холод и зимние дороги.¹³

В дальнейшем жалобы на климат, который подорвал его здоровье, станут частыми, что также становится причиной, побуждающей его терпеть и эти, и другие неудобства, как временные.

Февраль 1820 г. Писателю П. А. Катенину (из Тавриза):

«Скажу о моем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день, разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! - И этот человек будто я? Положим, однако, что еще я не совсем с ума сошел, различаю людей и предметы, между которыми движусь»...¹⁴

Ноябрь 1820 г. Неизвестному (полный текст письма-прошения, написанного в Тавризе, предположительно адресованного К. В. Нессельроде, министру иностранных дел):

«Знания, которыми я обладаю, сводятся к владению языками: славянским и русским; латинским, французским, английским, немецким. В бытность мою в Персии, изучал я персидский и арабский. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще весьма недостаточно иметь несколько разных слов для одной идеи, как говорит Ривароль (французский писатель, - Г. Г.): чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить своему отечеству. Именно для того, чтобы получить возможность их приобрести, я и прошу увольнения со службы или отозвания меня из унылой страны, где не только нельзя чему-либо научиться, но забываешь и то, что знал прежде. Я предпочел сказать Вам правду, вместо того, чтобы выставлять предлогом нездоровье или расстройство состояния, общие места, которым никто не верит».¹⁵

По существу это - прошение об отставке, его «черновой» набросок, подготовленный или в минуту отчаяния и невозможности продолжать утомительную службу или в момент зрелого размышления о своем будущем и всей дальнейшей жизни, которая виделась без особых радостей, даруемых привычным кругом друзей и знакомых, всей той атмосферы, которая его сформировала для творчества. Это искреннее и честное обращение к начальству, не дошедшее однако по какой-то причине до адресата, позволяет увидеть истоки личной трагедии человека незаурядного и разностороннего, энергия и ум которого использовались явно не по назначению, что очевидно и самого автора прошения.

31 августа 1824 г. С. Н. Бегичеву (из Стрельни - имения писателя В. Ф. Одоевского, друга Грибоедова).

«Брат любезный. Не еду к тебе, и не пишу тебе, совесть мучит... Проклятый недочет в прогонах (нехватка дорожных денег, - Г. Г.) все испортил, взять было неоткуда. Лев и Солнце (орден, пожалованный Грибоедову шахом Ирана, - Г. Г.) давно уже покоятся в ломбарде, а Чебышеву (театрал, знакомый Грибоедова, - Г. Г.) задолжать - сохрани боже!»¹⁶

Материальные затруднения, которые испытывает Грибоедов в условиях, позволяющих вести светский образ жизни в Петербурге - не единственный мотив, вынуждавший его возвращаться к службе в «чужих краях».. В эти периоды пребывания в «родных пенатах» обостряют прежние чувства неприязни и раздражения, которые сопровождают автора «Горя от ума» в связи с необходимостью соприкасаться с «фамусовским обществом».

К числу причин, усугублявших его желание оставить неблагоприятные для его здоровья и настроения климат Востока, следует отнести и нижеследующие столь же невыносимые, которые уводили его из родных мест в другие края, где он надеялся получить желаемые отдохновения и радость.

17 октября 1824 г. П. А. Катенину (из Петербурга в Кострому):

«Боже мой! Когда вырвусь из этого мертвого города! (т. е. Петербурга, - Г. Г.) - знай, однако, что я здесь на перепутье в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собой: отсюда в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу

¹³ Там же, с. 222

¹⁴ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 273.

¹⁵ Там же, с. 283

¹⁶ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 397.

несколько приморских городов, Италию, и Фракийским Воспором (Босфором – Г. Г.) в Черном море и к берегам Колхиды».¹⁷

Подобные настроения, характерные для Грибоедова следует рассматривать в связи с состоянием всего общества в канун выступления декабристов, разочарованием передовой ее части и ожиданием грядущих перемен. Именно о застойном состоянии, наблюдаемом поэтом в Петербурге, и желании вырваться на простор свидетельствуют письма этой поры, написанные незадолго до его поездки в Киев и Крым.

4 января 1825 г. С. Н. Бегичеву (из Петербурга):

«Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонение и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетениях мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я еще не совсем погряз в этом трясином государстве. Скоро отправлюсь и надолго».¹⁸

Как не вспомнить заключительные строки знаменитой комедии?!

«Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,

Где оскорбленному есть чувству уголок!...

Карету мне, карету!»¹⁹

Желание покинуть «трясиное государство» усугубляется внутренней неудовлетворенностью, состояниями уныния и обреченности, которые становятся навязчивыми состояниями, преследующие Грибоедова вплоть до трагической его смерти. Возможно, современные психологи, прояви они интерес к жизни и состоянию автора «Горе от ума», смогли бы заново прочитать его бессмертную комедию, а заодно и по-новому объяснить то состояние фатальной обреченности и даже какой-то предопределенности, ведущей его к столь трагическому финалу, на которую он указывал сам и свидетельствовали его друзья в своих воспоминаниях о нем. Во всяком случае это представило бы определенный интерес и для современной науки (если учесть насколько, например, можно идентифицировать автора и его, несомненно, автобиографического героя Чацкого), и для изучения биографии Грибоедова. В еще большей степени такое исследование пролило бы дополнительный свет на трагические события в Тегеране зимой 1829 года, столь осложнившие отношения между Россией и Ираном.

Мрачные предчувствия, предшествующие его последней поездке в Иран, проявились гораздо раньше, в периоды, казалось бы самые безмятежные, например, его 12 сентября 1825 г. С. Н. Бегичеву (из Феодосии): путешествия по Крыму.

«Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старше, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».²⁰

Вскоре, однако, когда участники декабристского движения были арестованы, а сам Грибоедов также был привлечен к делу по подозрению, заботы о выживании и преодолении материальных невзгод становятся основными мотивами его записок.

19 марта 1826 г. Писателю Ф. В. Булгарину (написано под арестом в связи с делом декабристов, находясь в Главном штабе):

«Любезный друг. Одолжи мне 150 рублями, а коли у тебя нет, то извести о моем голодном положении Жандра (драматурга и близкого друга Грибоедова, - Г. Г.). В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я через подателя этой же записки передам тебе мой алмазный крест, а ты его по боку. Прощай».²¹

Выйдя из-под ареста и вернувшись к службе, Грибоедов снова мечтает о полном освобождении от обязанностей, тяготивших его.

16 апреля 1827 г. Ф. В. Булгарину из Тифлиса: «Не ожидайте от меня стихов; горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится компания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща».²²

Впрочем, в 1828 году, после поражения Ирана в войне Россией и заключения Туркменчайского трактата, в письмах Грибоедова появляются новые нотки: удовлетворения, превосходства; стремление ненавязчиво подчеркнуть свою собственную роль в событиях

¹⁷ Там же, с. 299.

¹⁸ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 307

¹⁹ Там же, с. 120

²⁰ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 313

²¹ Там же, с. 324.

²² Там же, с. 331

проскальзывает в его письмах и докладных начальству. По-видимому, он начинает входить во вкус дипломатической работы, ощущает определенное удовлетворение от переговоров с побежденным противником - шахом и его придворными, от результатов своей работы и военных побед.

Но, пока отправляясь в свою очередную (и последнюю) миссию в Иран, он все еще не может скрыть своей печали, вызванной расставанием с друзьями и близкими.

5 июня 1828 г. Е. Н. Булгариной - из Петербурга:

«Прощайте! Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть, навсегда. Боже мой! Неужели должен я буду всю мою жизнь провести там, в стране столь чуждой моим чувствам, мыслям моим...»²³

Однако в официальном обращении к непосредственному начальнику он подчеркивает свое бескорыстное служение государю, даже самопожертвование, на которое его побуждает долг. Если бы не частные письма к друзьям и близким, в которых доминировали иные, как мы видели, мотивы и чувства, могло сложиться впечатление о чрезмерной рьяности и служебном рвении, побуждающих его забыть о собственных интересах и интересах семьи и близких.

30 октября 1828 г. К. К. Родофикину (директору Азиатского департамента министерства иностранных дел) из Тавриза:

«Мало надеюсь на свое умение, и много на русского бога. Еще вам доказательство, что у меня государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю. Я как два месяца женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю ее здесь одну, чтобы поспешить к шаху за деньгами, в Тегеран, а может быть и в Испаган, куда он на днях отправляется».²⁴

О некоторых переменах в его отношении к делам дипломатическим, а также к представителям побежденного лагеря может свидетельствовать нижеприводимый отрывок, в котором также декларируются мотивации его служебных действий, звучат нотки превосходства над поверженным противником.

3 декабря 1828 г. И. Ф. Паскевичу из Тавриза:

Слава богу (не приписываю моему умению, но страну, который нагнали на всех успехи нашего оружия), я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею, и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям, вот мне что нужно».²⁵ Впрочем, эти новые по существу нотки, появившиеся в его дипломатических реляциях, можно рассматривать и в контексте победоносного завершения войны с Ираном и всех последствий, с ним связанных. Ощущение превосходства и осознание важности своей миссии в новых условиях обусловлены победой и пунктами Туркменчайского трактата, сыграли свою немаловажную роль и в трагических событиях, происшедших в Тегеране.

Хотя в представлении широкого читателя облик Грибоедова сложился, можно сказать, окончательно, причем при активном воздействии трудов советских исследователей, рассматривавших его жизнь и деятельность в контексте «трех этапов освободительного движения в России» (В. И. Ленин), портрет его, можно сказать, оставляет впечатление незавершенности. Он нечеток не только в вопросе его участия в декабристском движении (а именно это одно должно было компенсировать, по мнению советских исследователей его творчества, многие противоречия и сложности, которыми отмечены его жизнь, взаимоотношения и умонастроения), но и в отношении к ряду непосредственных начальников по службе в дипломатическом корпусе (Н. П. Ермолову, И. Ф. Паскевичу, К. К. Родофиникину и др.), а также в главном, ставшем роковым для него, событии на этом поприще.

При всей обстоятельности изучения его эпохи и окружения, творческого пути, всего литературного наследия и высказываний современников о нем, нельзя не согласиться с исследователем С. Фомичевым, который заявляет о том, что «личность его представлялась загадочной и странной».²⁶ К этому можно добавить, что в целом его творческий и личностный портрет как бы незакончен. Ему не хватает каких-то штрихов, методологически четко определяющих его жизненные позиции, собственное кредо.

²³ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 351.

²⁴ Там же, с. 372.

²⁵ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 379.

²⁶ С. Фомичев. Личность Грибоедова. В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, М., 1980, с. 8.

А противоречий же в его жизни немало. Своей сатирически острой комедией «Горе от ума» он - возмутитель спокойствия в «фамусовском обществе» и одновременно как дипломат - верный защитник устоев государства. Связан с декабристами, но полностью оправдан царем. Делая блистательную по тем временам карьеру на дипломатическом поприще, одновременно тяготится своим служебным положением. Обладая могущественным положением посланника императора при дворе шаха Ирана, проявляет непопустительную слабость в защите своей собственной жизни...

Но сперва об отношении А. С. Грибоедова к декабризму... Официальную точку зрения советского литературоведения на этот вопрос выразил, в частности, А. И. Ревякин в своей монографии «История русской литературы XIX века», в которой заявил следующее:

«Неизвестно был ли Грибоедов конституционалистом или республиканцем, но совершенно ясно, что он разделял ведущие идеи освободительного движения своего времени. Его расхождения с декабристами относились, по-видимому, к вопросам осуществления этих идей, к способам борьбы за них».²⁷

Чтобы дать объективную оценку этим и такого рода суждениям о мировоззренческих и идейных обоснованиях участия Грибоедова в освободительном движении своего времени, следует учитывать общую тенденцию советского литературоведения по отношению не только к нему, но и к Пушкину, Лермонтову и другим выдающимся писателям того времени: прежде всего акцентировалось на революционно-освободительных мотивах их поэзии, на всем, что говорило бы о близости к декабризму. Поэтому неудивительно, что Грибоедов оказался причисленным к движению декабристов даже вопреки фактам, которые опровергали его непосредственное или косвенное участие в заговоре против царя.

Вот образец такого рода «обоснования», изложенного А. И. Ревякиным.

«Ближайшие друзья Грибоедова не сомневались в его передовой идейности. На вопрос Д. А. Смирнова, племянника Грибоедова, о степени участия Грибоедова в декабристском заговоре А. А. Жандр, друг Грибоедова, прогрессивный драматург и переводчик, ответил: «Да какая степень? Полная». А когда Смирнов, слышавший об *иронической фразе* Грибоедова, что «100 человек спорщиков хотят изменить весь правительственный быт России», с удивлением переспросил: «Полная?», то А. А. Жандр подтвердил свои слова: «Разумеется, полная он и говорил о 100 человек прапорщиков, то только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела, он верил вполне».²⁸

Но, во-первых, Д. А. Смирнов говорил не об «иронической фразе», а о том, что «Грибоедов сам же смеялся над заговором, говоря, что 100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России».²⁹ Ведь «ирония» и «смех» не одно и то же. О причинах ареста Грибоедова по делу декабристов же А. А. Жандр свидетельствует: «Когда 14 декабря бунт вспыхнул, заговорщики были взяты, по непонятным причинам, Бестужев-Рюмин стал прямо указывать на дедова, упирая все более на то, что Грибоедов с Сергеем Муравьевым-Апостолом жил сыздетства душа в душу.... По этому только случаю Грибоедова и взяли...»

- Что же за выгода была в этом Бестужеву-Рюмину? - спросил я. - Что за цель, что за отрада?

- Не понимаю. Но мало того, что *против Грибоедова нашлось, как вы уже знаете, никаких, доказательств* - в пользу его (вот что замечательно!) были свидетельства самих заговорщиков, потому что и Сергей Муравьев, и Рылеев, и Александр Бестужев (Марлинский), которые не могли уже в то время в чем-нибудь сговариваться, сталкиваться, сказали одно и то же; *что Грибоедов в заговоре не участвовал и что они не старались привлечь его к заговору*, который мог иметь исход скорее дурной, чем хороший, потому что берегли человека, который своим талантом мог прославить Россию».³⁰

О том, как заговорщики «берегли» Грибоедова, упомянуто в этом же свидетельстве Л. А. Жандра, указывающего на то, что «по непонятным причинам» Бестужев-Рюмин «стал прямо указывать на Грибоедова»...

Впрочем, если внимательно перечитать текст беседы, то в самом ее начале Д. А. Смирнов отчасти приподнимает завесу над тайной ареста своего дяди и, возможно, причину того, почему заговорщики «подставляли» не причастного к бунту Грибоедова. Итак, Д. А. Смирнов (А. Л. Жандру):

²⁷ А. И. Ревякин. История русской литературы XIX века (первая половина) М., 1977, с. 175.

²⁸ И. Ревякин. История русской литературы XIX века (первая половина), с. 175, (курсив наш - Г. Г.).

²⁹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 243

³⁰ Там же, с. 244, (курсив наш - Г. Г.)

- «... Но позвольте прежде этого другой и очень важный для меня, да и не для одного меня, вопрос: скажите, какое впечатление произвел на публику арест Грибоедова? *Это обстоятельство гораздо важнее, нежели кажется с первого поверхностного взгляда*, и ваше на этот раз показание вполне драгоценно.

- Огромное, - ответил мне Жандр, смотря на меня прямо, как бы желая «вразумить» меня - огромное, - повторил он. - По городу пошла молва, толки: «Грибоедова взяли. Грибоедова взяли».

- ...Стало быть, имя было слишком громко, слишком народно.

- Еще бы!...».³¹

Итак, заговорщики в критическую минуту не остановились даже перед наветом на Грибоедова ради придания громкого резонанса своему делу, а не то, чтобы «берегли» - его...

Впрочем, это всего лишь наше предположение, которое однако, будь оно верным (и доказанным документально, на основе показаний привлеченных по делу декабристов, по их свидетельским показаниям), могло бы позволить по-новому осветить отношение декабристов к Грибоедову, и его самого к декабризму.

В этой связи приведем один, но весьма показательный факт, раскрывающий истинное отношение Грибоедова к заговору. Со слов близкого друга Грибоедова - Степана Никитича Бегичева рассказ Д. Л. Смирнова о первом заявлении и поведении Грибоедова на допросе дает ценную информацию: «Вот как было дело. На первом же допросе Грибоедов начал было писать: «В заговоре я не участвовал, но заговорщиков всех знал и умысел их был мне известен»... и проч. в таком роде. Иванковский (следователь - Г. Г.), видя, что Грибоедов сам роет себе яму, подошел к столу, на котором писал, и, перебирая какие-то бумаги, как будто что-то отыскивая, наклонился к нему и сказал ему тихо и отрывисто: «Александр Сергеевич, что вы такое пишете... Пишите «знать не знаю и ведать не ведаю». Грибоедов послушался».³²

К сказанному можно лишь добавить, что Иванковский сочувствующий Грибоедову, возможно, спас и его репутацию перед историей, когда предотвратил его показания, которые могли бы навредить арестованным декабристам. «Я говорил им, что они дураки» - вот слова Грибоедова, который всегда повторял Степан Никитич (Бегичев, - Г. Г.), говоря об отношениях его к заговорщикам».³³ Это свидетельство весьма красноречиво говорит об отношении Грибоедова к заговору и его участникам. Убедительными представляются в этой связи и сами факты его биографии. Получив от Николая I полное оправдание («полную аттестацию») он был откомандирован на Кавказ не в «политическую ссылку» в почетном звании полномочного посла в Персии», как пишет А. И. Ревякин,³⁴ а для участия в самых важных и значительных для империи событиях русско-иранской войны всех дипломатических актов, с ней связанных. Для такого дела «неблагонадежных» и «заговорщиков» не посылают более, награждая «почетным званием...»

И если мы коснулись этого вопроса здесь, то только для того, чтобы еще раз отметить некоторую расплывчатость и нечеткость характеристик, данных на основе существовавшей официальной версии, искажающей порой не только образ человека, но и сами факты, с ним связанные.

Теперь о роковом событии в его жизни...

Тема гибели Грибоедова, оставаясь самым впечатляющим по своему трагическому характеру эпизодом его биографии, вызывающем к нему, как человеку, поэту, особое читательское сочувствие, долгое время оставалось «темным пятном» в силу какой-то недосказанности, какой-то тайны, окружающей это событие, хотя имелось достаточно фактов и объяснений, содержащихся в различных докладных и свидетельствах очевидцев, системное и научное рассмотрение которых могло бы привести к определенной ясности.

Почему же этого не произошло? Официальное советское литературоведение, относя всё с этим связанное к царской цензуре и «запретам», и не пыталось быть объективным в исследовании этого вопроса, по-существу законсервировав его в удобной и приемлемой для него форме: гениальный поэт и безупречный по своим служебным качествам дипломат был убит в результате интриг врага - иранского шаха и фанатической черни...

Вот образец такого подхода. В предисловии к книге «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» (М. 1980 г.) С. Фомичев пишет: «О гибели Грибоедова Бегичев только

³¹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 219. (курсив наш - Г. Г.)

³² А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 222.

³³ Там же, с. 208.

³⁴ А. И. Ревякин, История русской литературы XIX века, с. 196.

обмолвился: «всем известна его трагическая кончина», и четверть века спустя эта тема была запрещенной для печати».³⁵

Однако это заявление нуждается в уточнении. Во-первых, в самой фразе уже содержится опровержение: «обмолвку» Бегичева, его лаконизм в этом вопросе можно понять, если, действительно, «всем известно» об этом. Во-вторых, есть публикации других, не менее авторитетных современников поэта, затрагивающих тему «трагической кончины». Так, писатель Фаддей Булгарин, одним из первых написавших о своем друге («Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове»), опубликовал свои заметки уже в 1830 году в журнале «Сын Отечества»), то есть через год после смерти поэта и дипломата.³⁶ Впоследствии, в 1844 году, эти воспоминания вошли в собрание сочинений писателя.³⁷

«В воспоминаниях Ф. Булгарина так упоминается о «трагической кончине»:

«Сбылись предчувствия Грибоедова: он погиб жертвою народного неистовства в Тегеране. Не имея официальных известий о сем ужасном происшествии, я не могу писать об этом. Знаю только, что вражда возникла за армян, русских поданных, которые укрывались в доме посланника. Не только русские, но и добрые персияне Грибоедова, сожалеют о нем. Целая Грузия оплакивает Грибоедова».³⁸

Ещё в двух публикациях цитируемого сборника содержится упоминание о гибели Грибоедова. Это – заметки российского полномочного министра в Персии. И. О. Симонича «Убийство русского посланника» (впервые опубликованы в 1867 году в газете «Москва», №145, под заголовком «Смерть Грибоедова») и письмо генерального консула в Тавризе А. К. Амбургера к Паскевичу от 4 мая 1829 года (опубликовано в журнале «Русская старина», 1872 г., стр. 200 - 202).

Обе эти публикации не вошли в сборник 1980 года - («А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников»), автора предисловия, которого С. Фомичева мы цитировали выше. Почему? Не потому ли, что они фактически опровергают утверждение С. Фомичева?! Не только.

Дело и в том, что эти публикации, и в особенности заметки Симонича, раскрывают достаточно четко и аргументировано причины гибели Грибоедова. Ведь как никто другой, Симонич, назначенный посланником в Иране после гибели своего предшественника, обладал достаточно широкой информацией, возможностью опросить на месте большое количество людей - очевидцев и участников событий. И его выводы должны были носить относительно компетентный характер, каковыми они и в действительности. Однако эти выводы «не ложились» в русло общепринятой за годы советской власти концепции, созданной официальной наукой, и потому свидетельства, как, впрочем, и интересные заметки Фад. Булгарина «не вошли» в новое издание 1980 года - («А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников»).

Впрочем, С. Фомичев вынужден обмолвиться «о существовании официальной точки зрения на гибель Грибоедова, сохранившейся вплоть до советской власти и выраженной в письме министра иностранных дел командующему Кавказским корпусом от 16 марта 1829 года:

«При сем горестном событии его величеству отрадно была бы уверенность, что шах персидский и наследника престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие *должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведения свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской...*»³⁹

И если, как пишет С. Фомичев, «сомневаться в такой трактовке событий впоследствии не позволялось, (имеется в виду режим самодержавия), то и усилиями советского литературоведения, пытавшегося сделать Грибоедова едва ли не жертвой международной (российско-персидской) реакции, его жизнь и деятельность трактовались в духе господствующей «марксистско-ленинской» идеологии. При этом акцентировалось, прежде всего, на его связи с декабристами, на его свободолюбии и демократизме, противостоянии общественному консерватизму. При этом исключалось всякое иное отношение к Грибоедову, как-то ссылки на его ошибки и слабости, на психологические и иные мотивации поступков. Игнорировались противоречивость отдельных высказываний, несоответствие его действий его же, высказанным в письмах и заметках, настроениями и т. п. Все это приводило в конечном итоге к формированию иконописного образа поэта, отодвигавшего на второй план его деятельность как дипломата.

³⁵ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

³⁶ «Сын Отечества», 1830 г. № 1.

³⁷ Полн. собр. соч. Фад. Булгарина, СПб. 1844, т. VII.

³⁸ Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников, Ленинград, 1929 г. с. 30

³⁹ Журн. «Русская старина». СПб, 1872, № 8, с. 194 - 195. Цит. по изд. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», с. 7. (курсив наш – Г. Г.)

А между тем, хотя эти две ипостаси (поэт и дипломат) тесно связаны, являются составляющими сторонами его личности, следует разграничивать их, чтобы оценить характер и итоги его деятельности на этих двух поприщах.

И хотя исследования поэтического и драматического творчества Грибоедова с учетом новых представлений, возникающих в постсоветском обществе, может представить существенный интерес, в данной работе мы не ставим себе целью этот аспект деятельности Грибоедова. Для нас главное здесь - понять характер поступков, движущие стимулы его деятельности как дипломата, с тем, чтобы оцепить ее значение для Азербайджана, его истории и современных притязаний на его территориальную целостность.

Период войны России с Ираном для Грибоедова и его продвижения по службе оказался наиболее благоприятным. Всю компанию он находился при главнокомандующем Паскевиче, к фамилии которого после падения крепости Эриванского правителя Гусейн-хана была добавлена почетная приставка «Эриванский».

Падение Эриванского ханства, помимо показателя успехов русской армии в этой войне, свидетельствует о факте очень значительном для понимания территориального, статуса и сегодняшних притязаний Армении на азербайджанские земли.

В годы советской власти мало что говорилось о том, что Эриван (т. е. г. Ереван - столица нынешней Армении) были центром Эриванского ханства, во главе которого стояли азербайджанские ханы, находившееся в зависимости от правителей Ирана.

И только лишь благодаря этой победе, а потом и по Туркменчайскому мирному договору (трактату) он был передан (как, впрочем, ранее по Гюлистанскому трактату 1813 г. Карабахское и ряд других ханств) России, которая, ограничив вначале власть всех ханов на завоеванных землях Азербайджана, постоянно вводила новые имперские формы правления. В последующем, после Октябрьского переворота, именно на землях, некогда составляющих земли Эриванского ханства и была создана Армянская ССР с административным центром в Эривани (г. Ереван).

Об этом, впрочем, старались не упоминать ни в советской центральной печати, ни, естественно, в армянских источниках. Справедливости ради следует отметить, что и азербайджанские наука и органы печати также старались «не обидеть» своих соседей. Но это к слову.

По представлению Паскевича-Эриванского Грибоедов был наконец-то удостоен чина коллежского советника в декабре 1827 года, затем для переговоров о мире был послан в лагерь Аббас-Мирзы, являвшегося принцем-наследником Фатали-шаха, его наместником в Азербайджане, он принял деятельное участие в заключении Туркменчайского мирного договора, за что ему было поручено поднести поднести мирный трактат государю императору. Начинается новая полоса успехов и наград: император Николай I жалует ему чин статского советника, орден святой Анны 2-й степени с алмазами, медаль за персидскую войну, а также деньги в сумме 4000 червонных. И, наконец, Грибоедов назначается полномочным министром при дворе шаха Ирана (апрель 1828 года). Это кульминационный момент в карьере Грибоедова дипломата.

Затем будут: последняя поездка на Восток, женитьба на Нине Чавчавадзе в Тифлисе, прибытие в Тегеран, где ему предстояло осуществлять выполнение всех пунктов Туркменчайского трактата, и неожиданная катастрофа...

Таковы звенья последнего периода жизни дипломата, оказавшегося помимо своей воли в эпицентре большой политики, связанной с завоеваниями России на Востоке.

А теперь о самих договорах - Гюлистанском (1813) и Туркменчайском (1828), за короткое историческое время закрепивших за Россией территории, ряда азербайджанских ханств, находившихся дотоле в сфере влияния Ирана, в борьбе с которым ханы Азербайджана в условиях феодальной раздробленности упорно стремились отстоять свою независимость. Военное столкновение России и Ирана, проходившее большей частью на азербайджанских территориях, не могло не вовлечь эти ханства в военные действия, поставив ханов в зависимость от той или иной из воюющих сторон.

Гюлистанский договор разрушил территориальную целостность Азербайджана, полностью входившего в состав Ирана. Заключая между собой договор, Россия и Иран игнорировали поэтому подлинные интересы Азербайджана. Иран отдавал, а Россия получала азербайджанские

территории - земли азербайджанских ханств; Карабахского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышского. Граница между Ираном и Россией отодвигалась на юг и разрезала теперь Азербайджан надвое. Этот договор закреплял военную победу России над Ираном. Согласно одной из статей договора Россия могла участвовать в делах, связанных с престолонаследием в Иране, должна была оказывать содействие лишь законному претенденту на иранский престол и «если по делам Персидского Государства произойдут споры между Шахскими сыновьями: то Российская Империя не войдет в оные до того времени, пока владеющий тогда Шах не будет просить об оной».⁴⁰

По существу этот пункт договора открывал возможность непосредственного вмешательства в дворцовые дела побежденного государства, что своеобразно было использовано впоследствии и Грибоедовым-дипломатом, приведя к роковым для него последствиям.

Если Гюлистанский мирный договор «завершил первый этап присоединения северной части Азербайджана к России»,⁴¹ то Туркменчайский договор, заключенный спустя пятнадцать лет, после поражения Ирана во второй русско-иранской войне, оказался более кабальным для Азербайджана. К тому времени, в результате ряда побед, русская армия заняла Тебриз, а также Урмию, Ардебиль и другие территории так называемого «Иранского Азербайджана». Последствиями этого поражения для Ирана и было подписание Туркменчайского мирного договора, в подготовке которого самое деятельное участие принял Грибоедов - начальник дипломатической канцелярии царского наместника на Кавказе.

Согласно статьям этого договора, помимо большой контрибуции, Иран «уступает Российской Империи в совершенную собственность Ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса, и Ханство Нахичеванское».⁴² Иранское правительство не должно было чинить препятствия для переселенцев, главным образом, армян «для свободного перехода со своими семействами из Персидских областей в Российские».⁴³ О роли Грибоедова в переселении армян, в судьбе перемещенных лиц вообще, будет сказано особо. Здесь же следует отметить очень важный момент, связанный с участием Грибоедова в переговорах в Туркменчае. Как сказано в «Истории Азербайджана», «русская дипломатия ставила вопрос о *присоединении к России также южных областей Азербайджана. Эта мысль была высказана и участником переговоров А. С. Грибоедовым, который считал необходимым обеспечить независимость южных областей Азербайджана от Ирана. ...Представители России настаивали на полном присоединении к ней Тебризского, Марагинского, Хойского и Урминского ханства*».⁴⁴

Это требование однако, вызвало противодействие, не только Ирана, но и Англии, не желающей усиления влияния России на Востоке, а также царского министра иностранных дел К. В. Нессельроде, проводившего проанглийскую политику.

Можно по-разному оценивать деятельность Грибоедова в этой связи. Но одно не должно вызывать сомнения. Сумей он добиться своих требований, которые безусловно, были требования его правительства, сегодня не было бы проблемы «двух берегов», разделивших один народ. По существу это была одна из первых попыток дипломатическим путем воссоединить Азербайджан. Воссоединить сразу же после его расчленения. Утвердить усилиями дипломатического искусства статус «единой территории», которая возникла бы благодаря силе оружия. Однако осуществлению этого замысла не суждено было сбыться. Россия спешила закончить переговоры с Ираном, ввиду надвигающейся войны с Турцией... Так во всяком случае трактовалось в официальной историографии.⁴⁵

Но что же было действительной причиной этому? Было ли это следствием дипломатической слабости Грибоедова, который, безусловно, стремился закрепить за Россией все азербайджанские земли? Или здесь проявилось нечто более существенное, а именно сговор двух правительств, осуществляющих имперскую политику «разделяй (в данном случае Азербайджан) и властвуй»?!. Конечно, каждая из договаривающихся сторон считала вопрос о территориях Азербайджана открытым для себя: сила оружия играла в таких спорах решающую роль... Что бы там ни было, однако «единый азербайджанский народ оказался насильственно разделенным на две части. С того времени историческое развитие северной и южной частей Азербайджана пошло по разным путям».⁴⁶ Можно лишь представить, зная историю развития этих двух частей

⁴⁰ Гюлистанский договор. Статья четвертая. Цит. по журн. «Хазар». 1990, № 2, с. 137.

⁴¹ История Азербайджана. В 3-х т., III том. Б, изд. АН; 1960 г.

⁴² Туркменчайский договор. Статья III. Цит. по журн. «Хазар». 1990, с. 141.

⁴³ Там же, статья XV, с. 145.

⁴⁴ История Азербайджана, т. II, с. 44. (курсив наш – Г. Г.).

⁴⁵ См.: «История Азербайджана», т. II, с. 45.

⁴⁶ Там же.

Азербайджана в последующие десятилетия, к чему могло привести воссоединение страны, если бы оно осуществилось в 1828 году!..

Для нас же и понимания роли Грибоедова в этих делах существенным должно быть то, что он стремился объединить (хотя и в пределах Российской империи) Азербайджан, о чем свидетельствуют и его письма-рапорты начальству. Но об этом - подробнее.

Итак, яблоком раздора стал Азербайджан. Или, лучше сказать, - азербайджанские земли, оказавшиеся в «пограничной зоне» столкновения двух держав – Ирана и России в момент, когда первая, испытывая затруднения от необходимости сдерживать в их стремлении к самостоятельности азербайджанские ханства в границах ослабевшей от войн империи, а вторая пробовала крепнувшую военную мощь в расширении своих южных рубежей.

Историческая наука, отражающая в советское время русско-азербайджанские, ирано-азербайджанские, русско-иранские, русско-турецкие и прочие отношения, несколько искаженно представила характер этих отношений, начиная с конца XVIII века. Она представила их в одностороннем освещении, с точки зрения лишь Российской империи, для которой Азербайджан оставался территорией, отходившей к ней в результате победы над Ираном. Даже в трудах, написанных азербайджанскими историками, интересы азербайджанского народа отходили как бы на второй план, растворяясь в интересах Российской империи.

Можно уверенно сказать, что у азербайджанской историографии не было своей, чисто национальной точки зрения на собственную историю. И это было связано, в первую очередь, с ослаблением своей государственности за более чем полуторавековой период, предельной идеологизированностью самой науки в советское время. И если возникала необходимость выявления подобной национальной точки зрения, то, естественно, она большей частью совпадала с общепринятой методологией и принципами рассмотрения истории других народов СССР.

А между тем реальная история сводилась к тому, что сильная держава, используя все трудности, которые имелись у ослабевшей, стремилась захватить части ее территории, название которой - Азербайджан. Разумеется, историки, писавшие об этом позднее и в особенности в советское время, были правы, когда утверждали, что благодаря такому захвату (позднее это называлось также «вхождением»), а затем и «добровольным вхождением Азербайджана в состав России») северная часть Азербайджана или «Советский Азербайджан» оказалась в более благоприятных условиях, чем «Южный» или «Иранский Азербайджан», так как, находясь под покровительством России, не испытала ни войн (за исключением лишь тех, которые вела сама Россия с использованием потенциала своих «окраин», позднее «союзных республик»), ни национального подавления, ни ограничений в развитии культуры, искусства, языка и т. п.

Действительно, много позитивных моментов знает история русско-азербайджанских межнациональных, культурных и других связей, о чем и было написано множество книг и научных работ. Ни в коей мере не оспаривая их значение, мы имеем в виду лишь реальную картину отторжения части Азербайджана от Ирана, в составе которой он находился в качестве его «провинции», разделенной на отдельные ханства, о которых упоминалось выше. В условиях феодальной системы эти ханства нередко враждовали между собой или присоединялись то к одной, то к другой сильной державе, умело использующих, в свою очередь, этот «местный антагонизм».

Только в этом контексте отношений и можно понять характер дипломатической деятельности Грибоедова, дать ей объективную, а не «идеологическую» или политическую оценку. Вместе с тем документы (письма, рапорты, записки и т. п.), связанные с этой его деятельностью, помогают понять и представить особенности сложившейся ситуации, реальные предпосылки, условия и конкретные обстоятельства этой «битвы за Азербайджан».

Большую информацию в этом смысле несет обстоятельное донесение Грибоедова генералу Паскевичу о переговорах с наследником престола и наместником шаха в Азербайджане Аббас-Мирзой, которое дает представление и о характере взаимоотношений между двумя воюющими сторонами, и о различных дипломатических ухищрениях, к которым прибегали стороны, а главное, отражают исторические реалии, связанные, как пишет дипломат, с обоюдными «неудовольствиями» «по случаю спора о границах».⁴⁷

⁴⁷ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 335.

Встретившись с принцем Аббас-Мирзой в лагере иранских войск при селении Карабабы в конце июля 1827 года, Грибоедов предъявил ему требования российского командования о передаче новых территорий, аргументируя их следующим образом:

«- При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаем наши пределы и, вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот чего в настоящих обстоятельствах требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской».⁴⁸

В «Истории Азербайджана», на которую мы ссылались выше, приведены факты сотрудничества азербайджанских ханов с русской армией и администрацией, а также участие азербайджанского населения, испытывавшего гнет и притеснения со стороны иранских властей, в военных действиях на стороне русских.⁴⁹ Успешное продвижение армии Паскевича вглубь Ирана, взятие Тебриза и других городов Иранской провинции – Азербайджана во много было обусловлено поддержкой азербайджанского населения, надеявшегося на более благосклонное отношение к нему со стороны русской администрации.

Это отмечает и Грибоедов в своем донесении, подчеркивая, в частности, что «армия их (т. е. иранцев – Г. Г.) во время войны, даже в собственном краю, кормится сколько можно даром, на счет поселян беззащитных»,⁵⁰ что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев... для отдаления из Хоя шаха, двора его войска, от которых обнищала вся провинция».⁵¹ Один из приближенных принца, докладывает Грибоедов Паскевичу, «уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12000 кальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману (денежная единица - Г. Г.) кальвар, тогда как он продает по 5-ти между народом».⁵² Все эти поборы и притеснения ложились тяжелым бременем именно на азербайджанское население, выбиравшее между двух зол наименьшее. Во многом поражение иранских войск объяснялось именно этим фактором: отсутствием поддержки у населения азербайджанской провинции и помощью, какую оно оказывало в передвижении русской армии. Это обстоятельство признавало, как пишет Грибоедов в своем донесении, и иранцы

«Аббас-Мирза сказал мне, между прочим: - Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани, - солдаты, никого не обижали и он всех принимал дружелюбно. Это способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, - жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе, и прошлого года. С другой стороны, Гассан-Хан усердствовал вам, сколько мог, и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингиз-Хан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей; велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадетя, - и тогда, об эту пору, у меня *две трети адзербайджан (азербайджанцев, - Г. Г.) стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормления*».⁵³

Это признание - свидетельство дипломата, показательно во многих отношениях: во-первых, оно характеризует методы привлечения на свою сторону «чужого народа», в данном случае азербайджанцев в русско-иранской войне. Игнорирование этого «способа приобрести доверие» и подвело иранскую сторону. Во-вторых, армия Ермолова и Паскевича наилучшим образом использовало этот «способ» по отношению к азербайджанцам. В-третьих, расчеты принца Аббас-Мирзы поставить под ружье «две трети» азербайджанцев именно за счет «притеснения» их со стороны иноверцев не оправдались. В-четвертых, и это, может быть, едва ли не самое главное для нас признание того, что население Азербайджана, несмотря на разное отношение к воюющим странам со стороны их правителей-ханов, сознательно делали свой выбор в пользу гуманных и справедливых завоевателей.

Таким образом, народ не безмолвствовал, хотя и не сделал своим знаменем борьбу за собственную государственность и независимость своих территорий.

Русско-иранская война совпала с усилением центробежных сил феодализма в Азербайджане. И даже такое могущественное в военном отношении ханство, как Карабахское, выделявшееся среди остальных ханств Азербайджана и претендовавшее на роль сильного государства во всем Закавказье, неизбежно должно было потерять свою самостоятельность сперва

⁴⁸ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 338

⁴⁹ См.: «История Азербайджана», т. II, с. 33 - 49.

⁵⁰ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 338.

⁵¹ Там же, с. 342.

⁵² Там же, с. 347

⁵³ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 334. (курсив наш - Г. Г.).

под давлением Ирана, и в результате колониальной политики, проводимой Россией в этом регионе.

Азербайджанская «карта», разыгрываемая в порядке приготовления к Туркменчайскому трактату, была одновременно и картой военных действий, которая, со всеми землями и ханствами, на ней обозначенными, приносилась Ираном в жертву России-победительницы. В донесении надворного советника Грибоедова акцентируется на этом «униженном» состоянии иранской стороны, ОКРУЖЕНИЯ принца Аббас-Мирзы и его самого, который, свидетельствует автор донесения, готов отправиться в Петербург и «целовать руку великого государя (т. е. некого императора - Г. Г.), престол его, - мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен, захочет областей (речь идет о Эриванском и Нахичеванском ханствах - Г. Г.), денег - и деньги, и весь Азербидзан (Азербайджан - Г. Г.), и самого себя отдам ему в жертву; но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство российского императора».⁵⁴

На всем протяжении многочасовых переговоров Грибоедов настаивал, а Аббас-Мирза пытался уйти от необходимости оставить и закрепить тем самым за Россией Эриванскую и Нахичеванскую области (ханства). Иранской стороной используются все возможные средства в этом торге-споре за азербайджанские земли: от возмущения и неприкрытого протеста до униженной просьбы получить разрешение отправиться Аббас-Мирзе или его сыну - наследнику в Петербург для переговоров с самим императором. Аббас-Мирза (с возмущением) - Грибоедову:

«Так вот ваши условия. Вы их предписываете шаху иранскому, как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами! Но когда вы слышали, чтобы шах Персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла».⁵⁵

Далее, но, уже пытаясь обосновать свое несогласие русскому дипломату:

«Теперь, если мы вам отдадим область, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? Новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира (по Гюлистанскому трактату - Г. Г.) мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на все согласились, что от нас хотели, - англичане тому свидетели, и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых! Мир во сто раз хуже войны!»⁵⁶

Со своей стороны, Грибоедов, оставаясь в рамках дипломатической корректности, использовал все свое умение и знания обстановки, чтобы добиться поставленной его начальством цели. Умело играя на противоречиях внутри иранского двора, связанных с взаимоотношениями между собой сыновей Фатали-шаха и его наследника престола Аббас-Мирзы с братьями, Грибоедов выставляет главный довод, решающий исход переговоров. И этот довод связан с возможностью для Ирана в ходе войны, если она продолжится, потерять «весь Азербайджан». Он выставляет его в неофициальной, по-существу тайной беседе с сыном Аббаса-Мирзы Мирза-Мехмет-Али-Мустафой, который посетил русского дипломата. Вот как описана эта встреча в донесении Паскевичу:

«22-го июля, рано поутру, я сверил подлинник (Договора о мире - Г. Г.) с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмет-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахады (т. е. принца Аббаса-Мирзы, - Г. Г.), отца его и вообще всей Персии в отношении к ним. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмет-Али то, что не договорил накануне самому Шахаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его: *когда весь Азербидзан (Азербайджан - Г. Г.) будет в руках наших, - какое лицо представит он из себя между братьями, лишаясь удела, ему от шаха пожалованного, и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометчивости. Все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишут ему же, - и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от престола.*

Мирза-Мехмет-Али во всем соглашался и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом».⁵⁷

Этот же довод, высказанный через два дня для обсуждения статей договора о мире, оказался, по словам дипломата, решающим:

⁵⁴ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 339.

⁵⁵ Там же, с. 337.

⁵⁶ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 339.

⁵⁷ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 342. (КУРСИВ НАШ - Г. Г.).

«Говорили очень долго; я, наконец, *подействовал на воображение персидских чиновников* тем, что мы, *когда далее и завладеем Азербидзаном (Азербайджан – Г. Г.), то обеспечив независимость этой обширной области* со стороны Персии на десять ферсангов никому не позволим селиться близ границы, - сама провинция прокормит 20 тысяч милиции, образованной из народа, *известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении*, и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персией».⁵⁸

В этом заявлении привлекает внимание одна фраза, высказанная дипломатом, откровенно раскрывшем намерения командования «пойти далее и завладеть Азербиджаном», что не могло не сказаться на уступчивости его оппонентов в конечном итоге, а именно: «обеспечение независимости этой обширной области», т. е. всего Азербайджана. Как бы не воспринималась эта фраза - как угроза Ирану предоставить ее «провинции» полную независимость от него или стремление обеспечить себе поддержку со стороны азербайджанских ханов, - важно что это было *признание существования Азербиджана, как единого государства*, подпавшего в результате феодальной раздробленности под зависимость другого государства, что и констатировал Грибоедов. От него, как дипломата, ведущего трудные переговоры в стане неприятеля (в течение 5-ти дней, во время которых в связи с перепадами температуры от 40° жары днем до 8-ми градусов холода вечером он к тому же «слег в постель со всеми признаками горячки» и в состоянии болезни продолжал вести переговоры) зависело многое: понимание реального соотношения сил, состояния противника, его возможностей и пределов уступок, на которые он мог пойти, а главное - прогнозов, которые мог дать дипломат своему начальству. Понимая, что иранская сторона тянет с переговорами, чтобы выиграть время и что в стане Аббас-Мирзы усиленно сопротивляются передаче Эриванского ханства России его правитель Гусейн-хан и его брат Гассан-хан, которые «с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства», Грибоедов предлагает Паскевичу: «Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербидзама («Азербайджана», то есть в городе Тебризе, - Г. Г.), если какое-нибудь непредвиденное обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем».⁵⁹

Донесение было послано 30 июля 1827 года. А 1 октября русские войска после 6-ти дневных боев взяли Эривань - владения Гуссейн-хана. Затем 13 октября «русские войска без единого выстрела вступили в Тебриз. Здесь было организовано временное правление, в состав которого вошли представители русского командования и местных жителей. Комендантом Тебриза был назначен полковник Бурцев, близкий к декабристам. Инструкция по управлению Тебризом и южными областями Азербиджана была составлена великим русским писателем А. С. Грибоедовым».⁶⁰

Шахскому правительству не оставалось ничего другого, как продолжить переговоры и подписать Туркменчайский трактат (10 февраля 1828 года), в соответствии с которым были выполнены требования о передаче России Нахичеванского и Эриванского ханств.

К слову, оба договора - и Гюлистанский и Туркменчайский утратили свою правовую и юридическую силу. Как верно отмечает специалист по международному праву профессор Алескеров М. Н., «указанные договоры, заключенные без участия Азербайджана и без волеизъявления азербайджанского народа, никогда не были правомерными с точки зрения международного права. К тому же они утратили свою юридическую силу после Великой Октябрьской социалистической революции на основе Ленинских декретов».⁶¹

Заметим к месту, что распад Советского Союза и образование независимой и суверенной Азербайджанской Республики сделали недействительными и отдельные декреты, по которым бывшие и исконно азербайджанские земли (Зангезур и др.) были отданы Армении.

И сегодня не трудно было бы представить реакцию народной общественности, если бы Азербайджан заявил о необходимости возвращения своих земель: Зангезура, бывшего Эриванского ханства, то есть города Еревана с окружающими территориями... К чему это могла привести, не трудно представить! Хотя мы видим упорство наших соседей в желании закрепить за собой земли Карабаха, которые никогда им не принадлежали...

⁵⁸ Там же, с. 342. (Курсив наш - Г. Г.).

⁵⁹ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записи, с. 348.

⁶⁰ История Азербайджана, т. II, с. 42.

⁶¹ Алескеров М. Н. Международная противоправность Гюлистанского и Туркменчайского договоров - Журн. «Хазар». 1990, №1, с. 134.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАРАБАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хроника войны, идущей на Карабахской земле, не может затмить нашу память о том, что Карабах - это родина поэтов, композиторов, певцов и музыкантов. Поистине народная консерватория, давшая миру Узеира Гаджибекова, Ниязи, Бюль-бюля, Рашида Бейбутова, целые «музыкальные династии».

Есть в Шуше дом, который для автора этих строк означает нечто большее, чем просто памятник архитектуры. Он стоит в самом центре Шуши, охраняется государством... Вернее, охранялся до недавнего времени. До того, как город был захвачен армянскими вооруженными формированиями. Этот дом – караван-сарай стоит на краю обрыва, выходит с одной стороны на главный проспект Шуши, с другой - его двор с двухэтажными строениями вовсе не оберегался, а был превращен в хоздвор... А между тем он был построен в 80-е годы XIX века известным купцом Ага Гахраман Мирсиябовым - прадедом автора этого очерка и, как писал один из летописцев Карабаха - Бахарлы в своей хронике «Карабахские события»,⁶² составлял одну из примечательных особенностей архитектурного облика Шуши...

В своей обстоятельной книге «Шуша», посвященной истории и достопримечательностям города, Фиридун Шушинский сообщает:

«В конце XIX века в Шуше насчитывалось 10 караван-сараев. Среди них выделялись караван-сарай «Хаджи Аббаса», «Катырчи Мурада», «Мирсияб оглы», «Шейтанбазар» и «Ханлыг Мухтара». Но лучшим все-таки был караван-сарай Мирсиаб оглы Мешади Шукюра. Он отличался от всех остальных городских караван-сараев и красотой, и размерами. Это величественное здание было построено в 80-х годах XIX века. Архитектурный ансамбль здания невольно привлекает к себе внимание.

Караван-сарай «Мирсиаб оглы» построен в западной городской площади, на видном месте. На втором же имелось 25 комнат для купцов и путешественников, а также мечеть. Здесь размещалось несколько купеческих контор и около 30 больших и маленьких лавок. Кроме того, здесь работали парикмахерская, сапожная, портняжная, шапочная и другие мастерские.

Из караван-сарая «Мирсиаб оглы» вывозились товары во все концы Карабахского уезда. Сюда съезжались купцы не только со всего Закавказья, но и из Ирана и России».⁶³

Сведения и описания этого торгового дома караван-сарая Мирсиябовых даются и в ряде других работ, посвященных архитектуре Шуши.⁶⁴ Впрочем, таких домов в Шуше было немало...

Основанный еще в 1750 году Панах-ханом, Шуша славилась своей красотой и культурой, влекла к себе путешественников. Так, побывавший в 1865 году в Шуше художник В. Верещагин оставил ряд интересных зарисовок города и его жителей.

Во второй половине XIX века были построены дворец: Хуршид-бану Натаван, мечеть, торговые дома, театр, здания летнего и зимнего клубов, реального училища и другие. В этот период по уровню развития торговли, ремесел, культуры и количества населения Шуша считалась первым городом в Азербайджане и вторым после Тифлиса в Закавказье. Не случайно Шушу называли тогда «Маленьким Парижем».

Еще в начале XIX века Шуша вела торговлю со многими странами Запада и Востока. Сюда приезжали купцы из городов Кавказа, Ирана, России, Турции, Ирака, Индии. Высокое развитие ремесел и торговли позволяли торговым домам Шуши вывозить шелковые ткани, сухофрукты, ковры, знаменитых карабахских скакунов, изделия искусных мастеров в Тавриз, Тегеран, Исфаган, Лейпциг, Лондон, Марсель, Манчестер, Москву, другие города мира.

Шуша - крепость, стены и сооружения которого могли бы поведать о многих, и о многом... Например, о том, как в результате Туркменчакского договора Ирана с Россией - Карабахское ханство отошло к России и тогда стараниями Грибоедова тысячи семей армян было переселено из Ирана в Карабах, который русский дипломат в своих донесениях уже называл «нашими, то есть русскими, областями». Один из служебных документов, написанных Грибоедовым, так и

⁶² См.: в кн.: Назим Ахундов. Хроника Карабаха (на азерб. яз.). Б., 1989, с. 171

⁶³ Фиридун Шушинский, Шуша, Б., 1968 г., с. 29.

⁶⁴ Элтуран Авалов. Архитектура города Шуши, Б. 1977 г., с. 51, с. 63. с. 85; Севда Дадашева. Прошлое, настоящее и будущее Шуши. В журн. «Гобустан» (на азербайджанском языке), 1989, № I, с. 38 – 39.

называется «Записка о переселении армян из Персии в наши области», где он, радея за своих единоверцев - армян, сообщал:

«Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами. Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно.

...Много должно ожидать от старения тех, которые ныне заведывают водворением пришельцев, особенно от князя Аргутинского... Также мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должны делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили».

Спустя 150 лет благодарные потомки тех армян, которых Грибоедов называл «пришельцами» или «переселенцами» соорудят памятник в честь этого события, который уже в наши дни, на волне спровоцированного ими же требования «миацума» сами же и разрушат как лишнее свидетельство несостоятельности их требований, как улику, идущую вразрез с их притязаниями на Карабах...

Был сооружен и другой памятник с претенциозно-провокационным названием - «Мы и наши горы». На это название тогда не отреагировали у нас. А жаль... Ведь это «молчание», возможно, также подтолкнуло армянскую общину Карабаха к решительным действиям за отторжение этой территории от Азербайджана...

Над высокими горами и плодородными равнинами Карабаха всегда довлела угроза. И это было связано с его геологическим и стратегическим положением: Карабах был ключом на Восток. И это понимали два могущественных соседа: Россия и Иран, ведущие между собой соперничество за владычество над этим краем. Панах-хан также знал об этом, когда закладывал новую свою столицу - Шушу в неприступном месте.

После Панах-хана, оказавшегося заложником Иранского правителя Керим-хана Зенда и умершего (в 1758) в неволе, в Ширазе, правителем Карабаха становится его сын Ибрагим Халил-хан (1760 - 1806 гг.), который расширяя свои владения, успешно сохранял свою независимость от соседних держав.

В условиях постоянной угрозы со стороны южного соседа Ибрагим Халил-хан в 1783 - 1784 гг. искал союза с Россией. Екатерина II в письме к Г. А. Потемкину (1784 г.) писала:

«Кажется, письмо Ибрагим-хана гораздо вежливее написано, нежели турецкие, иные персидские, когда до моих глаз дошли. Пожалуй, дай мне знать, кто он такой и как учинился ханом? Молод или стар, силен или бессилен...»⁶⁵

Правитель Ирана - Ага Мухаммед Каджар, вознамерившись захватить и вернуть свое былое влияние на земли Кавказа, начал поход на Карабах. Однако несмотря на многократное военное превосходство он потерпел поражение. Все попытки шаха овладеть Шушой окончились впустую. Спустя два года (1797) начался новый поход шаха Ага Мухаммед Каджара на Шушу. Во главе 100-тысячного войска он приблизился к городу и без особого сопротивления вошел в Шушу, население которого испытывало экономические трудности и лишения. Однако взятие города оказалось роковым для иранского правителя, который был убит в Шуше в результате дворцового заговора, а его войско, оставшееся без предводителя, бросилось из Карабаха в беспорядочное бегство.

Летописцы Карабаха Мирза Джаваншир, Рзагулу-бек, Ахмедбек Джаваншир и другие - очевидцы и свидетели многих событий - довели до нас историю борьбы, которую вели Панах-хан и его сын Ибрагим Халил-хан за независимость Карабаха.

В их трудах, написанных в разное время, приводятся подробности, связанные с закатом самого могущественного на Кавказе ханства, с трагической судьбой тех, кто оказался жертвой политического противостояния и роковых страстей. Летописи рассказывают, в частности, о последних днях поэта и визиря Карабахского ханства Моллы Панах Вагифа, много сделавшего для того, чтобы уберечь свой край от разоренья. Но то, что не мог сделать с ним шах Каджар, приговоривший его к смерти, сделал новый правитель Карабаха - Мамед-бек. По его приказу за верность Ибрагим Халил-хану Вагиф и его сын Касум-ага были убиты (1797). Летописи рассказывают также о возвращении в Шушу Ибрагим Халил-хана и о том, как несмотря на то, что 14 мая 1805 года во время своей встречи с генералом Цициановым он принял покровительство России, однако подвергся неожиданному нападению со стороны майора Лисаневича и его солдат в своем доме, где он вместе с членами семьи был зверски убит (2 июня 1806 года).

⁶⁵ Цитирую по кн.: Араз Дадашзаде «Певец жизни». Б, 1968, с. 25 - 26

Как сказано об этом в «Истории Азербайджана», «Это убийство, которое даже многие представители русских военных властей в тот период рассматривали как бесцельное и жестокое, ярко характеризовало колонизаторские методы действий царских офицеров».⁶⁶ Однако, если учесть не только «методы», но и стратегические цели самодержавия по отношению к азербайджанским ханствам, самым могущественным из которых к этому времени оставалось Карабахское ханство, способное возглавить сопротивление могущественным империям, станет понятной причина уничтожения Ибрагим Халил-хана и членов его семьи. Шла ликвидация ханств как самостоятельных государственных образований эпохи феодализма. А заодно и их правителей и будущих претендентов на ханство.

Пуля, выпущенная Лисаневичем, уже убила Джавад-хана во время осады Гянджи войсками генерала Цицианова (в 1804 г.).⁶⁷ Затем наступила очередь и Ибрагим Халил-хана - правителя Карабаха; вместе с ним были зверски убиты жена Тубу-ханум, дочь Салтанет-бегим, 12-летний сын Абаскулу-ага, другие родственники и домочадцы хана, взрослые и дети. Всего 17 человек.⁶⁸ Империя Романовых жестоко расправилась с ханской семьей. И эта акция должна была утешить всех остальных - дотоле непокорных и сомневающихся ханов и правителей, должна была вселить ужас и лишить возможности возрождения в будущем сильной и независимой государственности.

Это преступление не только не было осуждено начальством, но вскоре майор Лисаневич получил чин генерала, что, очевидно, свидетельствовало о его особых заслугах. Находящийся в крепости сын убитого хана Мехти Кули-хан, по свидетельству автора «Истории Карабаха» Мирзы Джамала, оставался верным русскому командованию, более того, всячески успокаивал испуганное население Шуши, не допуская никакого конфликта с «господином майором»,⁶⁹ за что также впоследствии был отмечен начальством, получив чин генерал-майора и правление (как оказалось, обреченным на ликвидацию) Карабахом.

Повествуя об этом злодеянии и ссылаясь при этом на описание убийства, данное Мирзой Джамалом, «История Азербайджана», опускает имеющееся в тексте оригинала выражение «по неумолимости предначертания судьбы»...⁷⁰

Действительно, при чем здесь «судьба» или «фортуна»?! Скорее здесь можно усмотреть определенную историческую закономерность в ее самых зловещих и жестоких проявлениях. Ту самую, которая век спустя приведет к точно такой же по характеру и жестокости расправе над семьей последнего царя из династии Романовых - Николая II..

Карабахское ханство шло к упадку. После побега Мехти Кули-хана в Иран (1822 г.) Карабах был присоединен к России, а затем завершилось окончательное присоединение Закавказья к Российской империи.

Это случилось в результате ряда военных побед русских войск над иранской армией. В большом сражении, происшедшем под Гянджой (Елисаветполем) 13 сентября 1826 года отличился и азербайджанский отряд всадников, «прикрывавший левый фланг, русских войск. 58 воинов-азербайджанцев, особо отличившихся в этой битве, были награждены орденами и медалями»⁷¹.

Спустя девять месяцев А. С. Грибоедов, проезжая места, связанные с этим сражением, сделает следующую лаконичную запись в своем дневнике:

«26 июня. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули (Бакиханова, - Г. Г.), что Елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами».⁷²

Казалось завершилась военная летопись Карабаха. Начиналась новая страница, связанная с деятельностью его лучших умов, художников слова, поэтов и музыкантов. И, разумеется, одной из самых крупных фигур того времени был поэт и дипломат Молла Панах Вагиф. Были хотя и менее известные, но не менее трагичные фигуры в этой летописи культуры и искусства. Одна из дочерей Ибрагим Халил-хана поэтесса Агабегим была выдана за Фатали-шаха - правителя Ирана и отправлена на чужбину, в Тегеран. Ее стихи, выражавшие любовь к родине, стали крылатыми в народе.

⁶⁶ «История Азербайджана», том II, с. 6.

⁶⁷ Мирзэ Адыекэзэл бэј. Гарабағнамэ. В кн.: Гарабағнамэлэр. Б., 1989, с. 66.

⁶⁸ Мирэ Чамал Чаваншир Гарабағи. Гарабағ - тарихи. В кн. Гарабағнамэлэр, Б., 1989, с. 138.

⁶⁹ Там же, с. 138.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «История Азербайджана» том II, с. 38.

⁷² А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 254.

Я люблю мой Карабах,
Шеки, Ширван, Карабах,
Тегеран хоть раем стань,
Не забуду Карабах.

Земля Карабаха взрастила и другую азербайджанскую поэтессу - Хуршид-Бану Натаван. Дочь последнего Карабахского хана Мехти Кули-хана, прозванная в народе «Хан кызы», создала литературный меджлис - собрание поэтов, в котором звучали и ее стихи. Французский романист Александр Дюма-отец, автор «Трех мушкетеров», в 1858 - 59 годах путешествуя по Кавказу и Азербайджану, познакомился с ханом Уцмиевым и его женой поэтессой Хуршид-Бану Натаван в Баку, в доме главы Городской управы М. Пигулевского. Он пишет, что в его доме были помимо хозяев, две азербайджанки: жена «последнего Карабахского хана - Мехти-хана», ее дочь Натаван с супругом Хасай-ханом Уцмиевым и двумя их детьми: малолетним сыном и дочерью. Дюма подробно останавливается на описании внешнего вида и нарядов супругов, упоминает о прекрасном владении французским языком Хасай-ханом, обращает внимание на его безукоризненное письмо на французском языке, говорит о его дружеском к нему расположении и учтивости. Не забывает упомянуть о своем подарке пистолете Хасай-хану, называет также и подарки, полученные от него: кисет, вышитый рукой Натаван и два архалуга.⁷³ Карабах, его деятели и его история притягивали к себе многих и в самом Азербайджане. Действие одной из 6 своих комедий «Мусье Жордан ботаник и дервиш Мастали-шах» (1850) М. Ф. Ахундов переносит в Карабах, где оказался его герой-француз мусье Жордан. В действительности этот персонаж имел реального прототипа ученого-естествоиспытателя Александра Жордана; (1814 - 1897), который приезжал в Закавказье, в частности, изучил флору Карабаха. Восторженную оценку флоры Карабаха М. Ф. Ахундов вкладывает в уста своего персонажа - мусье Жордана:

«До сих пор наши ученые и естествоиспытатели, господа Линней, Турнефор и Бертрам, полагали, что эти травы растут только в Альпах, в Америке, в Африке и в горах Швейцарии, но теперь, после того как я съездил на Кавказ, я докажу Парижской Академии Наук, что все перечисленные ученые, безусловно, ошибались, что эти растения широко распространены также в горах Карабаха. Определив значение этих трав и исследовав на опыте их природу, я издам новый труд, руководство для врачей, и прослаблю эти травы на весь мир».⁷⁴

Сам М. Ф. Ахундов оставил путевые записки о посещении Карабаха. Этот малоизвестный до сих пор очерк назывался «По пути» и сообщал:

«По одной экстренной нужде, а нужда, сама собою, всегда очень экстренна и безотложна, должен был я очень недавно из Гянджи (Елисаветполя) прокатиться на станцию Ходжалы Шушинского уезда. Не нужно было мне никакой подорожной, никакой тройки, никаких чемоданов... ибо я полагался на старого доброго моего коня...»⁷⁵

В сопровождении слуги писатель переправился через бурный Тертер-Чай, проехал мимо крепости Шахбулаг и Аскеранскую крепость, построенные в XVIII веке, и направился в Ходжалы. Публикация осталась незавершенной. По пути в Карабах писатель оставил замечательные по своей яркости и выразительности описания природы, навеянные воспоминаниями детства, связанными с направлением на учебу в гянджинскую медресе.

«Далеко, далеко на севере величаво тянулись цепи Кавказские гор с темными ущельями в синеве дымчатых облаков; ближе перед нами и около нас глухая, выжженная зноем, песчано-каменистая степь, оживляемая по временам трелями и свистом едва проснувшегося и вспорхнувшего жаворонка. Местами у дороги попадались поливные посевы; аромат пахучих трав, покрытых росой, сливаясь с чистым прохладным утренником, бил в лицо и щекотал обоняние...

Глубоко парившая тишина навеяла на меня задумчивость и первыми воскресли в памяти воспоминания детства: когда-то по этой же дороге, вот недалеко от шихского кюмбаза (могила с аркою или сводом шиха), также на лошадке, за седлом вез меня татарин в первый раз в училище».⁷⁶

Во время своего путешествия он нашел в Карабахе «ряд творений Молла-Панаха Вагифа», имел еще встречу с Касум-беком»...

Широко известна дружба и переписка М. Ф. Ахундова с Касум-беком Закиром, который создал «поэтическую летопись» Карабахской действительности своего времени. В живых и выразительных образах поэт запечатлел быт и нравы, сложности и противоречия, обнажил

⁷³ Александр Дюма. Путешествие на Кавказ. Б., 1985, с. 45-46.

⁷⁴ М. Ф. Ахундов. Комедии, Б, 1987, с. 40.

⁷⁵ Газета. «Кавказ» от 25 июля 1875 г

⁷⁶ Газета «Кавказ» от 25 июля 1875 г.

социальные язвы и пороки, создал галерею мини-портретов своих современников карабахцев. Он сам испытал на себе власть чиновничества и различные гонения со стороны царских прислужников в Карабахе.

Внимание к собственной истории, стремление внести свой вклад в процветание края, развитие его культуры становятся важным фактором в деятельности интеллигенции Шуши и в начале 20-го века. Так Юсиф Везир Чемазминли в своем романе «В крови» воссоздал драматические эпизоды в истории Карабаха. После возвращения из Франции, где он находился в эмиграции в 1922 - 25 г. г., писатель публикует ряд художественных произведений и научных трудов, посвященных истории Карабаха и его деятелям. Выходец из Шуши, видный общественный деятель публицист Ахмед-бек Агаев, после получения образования в Париже, возвращается в Шушу, преподает французский язык в местном реальном училище, открывает здесь читальню и библиотеку, которая была очагом культуры нового типа.

Взаимное знакомство, сближение культур... Все это было и в прошлом, и многие выходцы из Карабаха своим искусством внесли в это дело свою благородную лепту... Среди них и комедия «Аршин мал алан» великого шушинца Узеира Гаджибекова, которая была создана в 1913 году в Петербурге и, по признанию самого автора, содержала в себе сценки, взятые из шушинской городской среды. Комедия была переведена на 66 языков мира свыше ста раз показана на сценах театров всего мира, в том числе в 13 штатах США, в Польше, Китае, Болгарии, Франции, Греции, Турции, Ирана и других стран. Широко известно и то, с каким триумфом прошел и фильм «Аршин мал алан» по экранам кинотеатров мира...

Но мало, кто знает истинную историю создания этого замечательного фильма. Еще до войны (1936) американский режиссер армянского происхождения Р. Мамулян экранизировал «Аршин мал алан», не упомянув однако имени ее истинного автора в титрах; сама же комедия была объявлена «королевой армянской оперетты»... Случайно узнав об этом в середине 40-х годов, возмущенный Узеир Гаджибеков пишет письмо министру иностранных дел Молотову В. М., который докладывает об этом Сталину. И Сталин сразу же дал указание (а это было в самый разгар Великой Отечественной войны) экранировать комедию и показать ее всему миру. Так появилась мудрость, остановившая возможные последствия в области межнациональных отношений. К сожалению, такой, мудрости не хватило последующим руководителям Советского Союза. И первым это почувствовали в Карабахе...

Бережное отношение к собственной культуре, к истории своего народа - есть показатель зрелости народа.

Разумеется, эти заметки - лишь напоминание о том, что было в истории, названной ее летописцами просто: «Карабахнаме».

Сегодня в ее летопись вписываются новые страницы: разворачивается битва за Карабах. Будущая же страница Карабахнаме покажет возрождение края из руин и разрушений, причиненных войной...

...Разумеется, всех этих катастрофических последствий переселения армян из Ирана в Карабах не мог представить себе даже Грибоедов, у которого, как мы видели, было обостренное предчувствие трагического. Не мог представить себе тогда, когда после очередной войны, прошедшей по земле Азербайджана и оставившей следы пожариц и разорения, он задумал широкомасштабный план экономических преобразований края, в котором «природа все приготовила для человека».

С целью использования природных богатств Закавказья, присоединенного к России, он составляет «Проект учреждения Российской Закавказской Компании», в котором нашел место и для проблем переселенцев. В 3-ей статье Проекта «В позволении водворить на своих (т. е. «российских» - Г. Г.) землях всякого рода переселенцев на особых условиях» он и привлеченный им к составлению проекта П. Д. Завелейский сообщают:

«Нижеподписавшиеся почитают долгом при сем коснуться состояния армян, вновь перешедших в российские пределы из-за Аракса. Многочисленная сия эмиграция хотя побужденная словами Тюркменчайского трактата, но при подписании оного никак не могла быть предвидена. Стечение обстоятельств, в отношении к тому предмету побочных, как-то: продолжительное занятие нашими войсками Хойской провинции и т. п., немало сему способствовало. Исполнена же она была в первые четыре месяца по замирении; ничего не было и не могло быть приготовлено к их принятию. Для сего денежных пособий недостаточно; собственное их незнание края, для них нового, может быть для них губительно; перемена воздуха из

знойного в суровый, при возвышенной полосе наших областей и наоборот, все сии затруднения могут еще продлиться».⁷⁷

Исходя из экономических соображений и из интересов будущей Российской Закавказской компании, авторы Проекта предлагали: «Компания охотно берется разрешить их»,⁷⁸ то есть «сии затруднения» армян, если «по утверждению устава тотчас была выдана достаточная сумма заимообразно на счет компании, для обеспечения существования означенных армян, и дозволено было их принять немедленно в ведение компании, на известных условиях. Сумму же сию компания обязывается возратить скоро подписки на акции и взнос денег произведены будут к окончанию».⁷⁹

Как видно из текста 3-ей статьи Проекта, акция по переселению армян во многом была связана с коммерческими интересами будущей компании, должна была принести известные дивиденды, на которые рассчитывали авторы проекта, поскольку они готовы были возратить средства, затраченные на эти цели администрацией края. Не подвергая сомнению утверждение С. В. Шостаковича о том, что «Проект отразил и симпатии его автора (т. е. Грибоедова - Г. Г.) к народам Закавказья, соединившимся с Россией»,⁸⁰ мы хотели бы лишь отметить, что в основе Проекта предполагаемой компании лежали главным образом экономические интересы империи, а «гуманитарные вопросы» связывались с ними для обоснования важности данного мероприятия. И если мы коснулись этого вопроса, то лишь затем, чтобы отметить следующее: хотел того или нет А. С. Грибоедов (а заодно и начальник Казенной экспедиции в Тифлисе П. Д. Завелейский как соавтор Проекта), но он оставил очень ценное для потомков свидетельство о факте опровергающем исторические притязания армян на Карабах и документально подтверждающем «многочисленную сию эмиграцию» армян, «перешедших в российские пределы из-за Аракса».

⁷⁷ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 186.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 186.

⁸⁰ С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960, с. 193

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АГРЕССИЯ: ОБОСНОВАНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ, РЕЗОНАНС

Пламя войны в Карабахе вспыхнуло не сразу, а было тщательно спланировано, как это подтверждают события и факты, обнародованные в последнее время; оно стало следствием начавшейся неожиданно информационно-пропагандистской атаки, предпринятой нашими соседями, осуществивших одновременно ряд провокационных акций: в Аскеране, Гугарке, Сумгаите, Баку с целью вызвать негативную реакцию мировой общественности по отношению к Азербайджану и его народу. В значительной степени результаты этой атаки оказались на руку армянским экстремистам, со временем при поддержке проармянских и имперских сил России, развернувших настоящую войну против Азербайджана, который с первых же дней конфликта оказался в отступлении, потеряв одну пятую части своей территории, включая и Карабах. Свыше миллиона его граждан, а также 200 тысяч соотечественников, изгнанных из Армении, оказались беженцами.

Эпопея этой войны, будь она написана когда-нибудь, отразит не только самоотверженность людей, отдельных разрозненных отрядов ополченцев, сельчан и горожан, вставших на защиту своих земель, но и измену, предательство, продажность, бездарность командования и руководителей, превративших в разменную монету в борьбе за власть целые районы и города, земли своей родины.

Отсутствием регулярной армии, слишком медленно формирующейся в условиях ожесточающихся день ото дня боев с агрессором, а также четких ориентиров и планов в войне с хорошо подготовленным противником, коррумпированность и бездарность командования - все это не способствовало, а мешало проведению уверенной внешней политики с целью привлечения международного сообщества к факту агрессии и захвата чужих земель со стороны Армении.

Военные поражения и сдача Шуши, Лачина, Кяльар, Агдама, Физули, Зангелана и других городов и районов республики выявили не только нацеленность противника на присвоение азербайджанских земель, но большей степени уязвимые и порочные стороны общественного уклада, в котором определяющими были возвращены еще партийно-административной системой явления, как коррупция, активность теневой экономики, приоритет групповых и партийных пристрастий беспринципность в борьбе за власть, продажность и цинизм, проявляемые отдельными руководящими деятелями во имя удовлетворения собственных амбиций. Кризис по всем направлениям усугублялся информационной блокадой, искусно созданной армянскими и московскими средствами массовой информации вокруг Азербайджана. С самого начала было видно, что конфликт «вокруг Карабаха» организован и управляется из определенного центра, что руководители республики даже в этой кризисной для всех ситуации по-прежнему остаются послушными центру, управляются как марионетки.

Редкие голоса возмущения, прозвучавшие в то время с высоких трибун, не доходили до общественности республики. Так было, например, с выступлением Г. Гасанова на партийно-хозяйственном активе ЦК КП Азербайджана (8 января 1990 г.). Оно было записано на диктофоне одним из участников совещания, а потом распространялось неофициально, в нарушение секретности. В нем, в частности, сообщалось то, что так и не проросло в центральные средства массовой информации:

«Мы недоумеваем, почему страна не знает, что карабахский конфликт возник в силу исторических территориальных амбиций Армении, что первыми погибшими жертвами были азербайджанцы, что первыми беженцами стали, азербайджанцы, и, наконец, что наряду с СУМГАИТОМ, был и кровожадный армянский геноцид в Гугарке. Эта система необъективной информации приводит к тому, что в стране складывается стереотип отрицательного образа азербайджанского народа.

... Самолетами, вертолетами, рефрижераторами, невзирая на наличие там военной комендантуры, в НКАО завозится оружие. Оно активно используется. Происходят вооруженные агрессии (советской армии - Г. Г.)».

Хорошо организованная и подготовленная провокация под названием «Миацим» возникла как-то вдруг, неожиданно для многих, обнаружив неподготовленность общественности республики и всего народа к защитным действиям. В то время, как давно уже разворачивалась

идеологическая обработка всех армян, проживающих, так сказать, «от моря и до моря», в Азербайджане не делалось ничего, чтобы пресечь экстремистские устремления соседей хотя бы в печати. И когда вышла книга Зория Балаяна «Очаг» - «первая ласточка» «Миацума», а точнее - зловещий опус, напоминающий худшие образцы геббельсовской пропаганды, в республике осведомленные об этом люди шепотом, с оглядкой и, озираясь по сторонам - «неужели такая антисоветская пропаганда возможна в Советском Союзе?» - вопрошая и ужасаясь, сообщали об этом друг другу.

Помню, один из моих студентов подошел ко мне на перемене и спросил: знаю ли я что-нибудь о книге З. Балаяна, а получив отрицательный ответ, сообщил в нескольких словах о ее содержании, проверяя, настороженно, мою реакцию... Некоторое время спустя знакомый журналист передал мне книгу, выразив надежду, что я, как критик и публицист, не оставлю ее без внимания...

Такую книгу и впрямь нельзя было оставлять без, внимания, убедился я, после первых же прочитанных страниц. Я написал статью отзыв. Конечно, она, как и некоторые другие отзывы, разоблачающие деяния режиссеров «Карабахского конфликта», не увидела свет. А потом, в разгар войны, и вовсе исчезла необходимость в ней.

В последующем, в разное время, автору этих строк, хотя и не часто, но приходилось писать о событиях конфликта, перешедшего в кровопролитную войну. Эти выступления большей частью блокировались и с трудом пробивали себе дорогу в печать. И хотя переживания автора в связи с этими трудностями и остались позади, однако тематика их дает и сейчас представление о перипетиях и хронике противостояния, могут представить интерес с точки зрения воссоздания решающих событий, происходящих на путях к обретению Азербайджаном независимости и суверенитета.

Составив основное содержание этой главы, выступления последних лет как бы хронологически, быть может пунктирно, прочерчивают кривую перепадов отношений ко многому, так сказать, кардиограмму умонастроения общества. Они - многотомны, как сама действительность. В них содержатся и история «обоснования» агрессии против Азербайджана, как это, например, было представлено в «исследовании» З. Балаяна, адресованном не только к своим соотечественникам, но и, главным образом, «широкому читателю», точнее простодушным и доверчивым россиянам и гражданам Советского Союза, не знающим «истории вопроса». Проще сказать, «непросвещенным» и «темным»...

Чтобы сохранить колорит времени и своеобразия момента текст статьи - отзыва на книгу З. Балаяна дается здесь в том виде, в каком она была написана и представлена к опубликованию. Но, увы, так и осталась «вещью в себе»...

Любовь к родине... Она облагораживает того, кто несет в себе это светлое чувство. И если он к тому же в состоянии внушить его другому - своему соплеменнику, то он - истинный поэт, достойный почитания. Ведь высокая поэзия испокон века несла в себе большой заряд патриотизма, любви к родной земле. И все жанры литературы соперничали с ней в утверждении этого чувства, включая, разумеется, публицистику.

Но вот вопрос: можно ли безмятежно любить свой край и любоваться собственным домом, хвалить родной очаг, внушая одновременно ненависть к соседу или соседям, исторгая на их голову хулу и брань; злиться на них за что-то?... Оказывается, можно. Так, видимо, решили армянские издатели, выпустив книгу Зория Балаяна «Очаг» (Ереван, изд. «Советакан Грох», 1984),⁸¹ которая построена на своеобразной антитезе любви-ненависти. Любви, разумеется, к своему - Армении и ее народу. Ненависти же - к соседям, тем тюркоязычным народам, которые имеют или даже не имеют с Арменией общие границы.

Через всю книгу, созданную в наше советское время, проходит мысль, которая, варьируясь, составляет как бы ее лейтмотив: мы, армяне, - благородный, гордый, древний народ, а наши соседи - тюркские народы, включая азербайджанский народ, - «варвары», «кочевники», «враги», даже «аборигены», каким-то образом оказавшиеся с ними по соседству!... И хотя автор книги прямо не называет какой именно народ он имеет в виду, валя всех, как тюркоязычных, в одну кучу, ссылки на географические названия, намеки на исторические события или явления

⁸¹ Ссылки на это издание даны в тексте.

наших дней явно указывают, кого он имеет в виду. Это - Азербайджан, Турция, Казахстан, среднеазиатские народы.

Предав забвению ученье марксизма-ленинизма, идей интернационализма и дружбы народов, закрепленные в Советской Конституции, автор внушает молодому и взрослому читателю, - мы самый древний народ, исторически нам принадлежит огромная, больше чем мы имеем сейчас, территория, так сказать «от моря до моря» (одно море, должно быть, Каспийское, другое - Черное, что указывает на притязания и на грузинские земли); нас окружают варвары, враждебные к нашей истории, культуре, религии; они захватили наши земли, надругаются над нашими святынями и т. д. и т. п.

«Великодержавные» амбиции не покидают автора книги даже тогда, когда он пишет о своем воистину замечательном современнике - капитане Тихоокеанского рыболовного траулера Армо Амирбекяне.

Вот, например, какой «поворот» в изложении темы ожидает читателя:

«Об Армо Амирбекяне говорили: даже в мертвом море он вытащит полный трал. Пожалуй, не было такого журналиста на Дальнем Востоке, который не писал бы о человеке-легенде. И, наверное, не было такого журналиста, который в очерке об Армо непременно не отметил бы тот факт, что «уроженец горной Армении никогда ранее не видел моря...» Те же авторы (?), которые неплохо знали историю Армении (?) вставили в очерк такую деталь (!): «Древние *армяне, владевшие территорией от моря до моря*, были отменными моряками. И не удивительно, что в Армо, так сказать, пробудился моряк. Зов крови...» (с. 174). Мы не знаем на каких это «знатоков» истории Армении ссылается при этом, автор (в тексте ссылки на них нет). Однако «деталь», вклинившаяся в текст и подчеркнутая нами, скажем прямо, очень выразительна, если учесть, что она слово в слово воспроизводит главный лозунг армянских буржуазных националистов-дашнаков, претендовавших некогда на господство в Закавказье. Неужели и здесь дает о себе знать «зов крови?»

Автор то «хватается за сердце», то «исторгает слезу» или даже «рыдает» (стр. 18), когда по ходу задуманного путешествия по Армении оказывается в пограничной зоне с тюркоязычными соседями: ему, видите ли, не хватает той земли, которую его народу дала Советская власть, потому он «с болью в сердце» вспоминает не раз на страницах своей книги «великую Армению» (может быть Урарту?), некогда, как он считает, владевшую огромными территориями нынешних соседей и на которых каким-то «неведомым образом» оказались теперь «пришельцы-кочевники»...

А между тем речь идет о территориях, которые на протяжении последнего двухсотлетия четко разграничены договорами, подписанными еще до революции, а потом уже в Советское время!.. Уже не хочет ли автор пересмотреть эти договора, считая их «несправедливыми?!».. Так и напрашивается параллель с пресловутой идеей «жизненного пространства», осуществление которой на практике в свое время не привело, мягко говоря, ни к чему хорошему.

В своих «территориальных притязаниях» автор идет дальше: он объявляет и горы, лежащие на территории тюркоязычных соседей «армянскими», а Карабах – одной из исторических областей Армении» (стр. 43) даже при этом не смущает то, что «Карабах» - тюркоязычное слово, означающее в переводе «черный» или «темный сад», как впрочем и само слово «очаг», вынесенный им в заголовок книги и также объявленный автором исконно армянским словом (стр. 418). Река Аракс, значительная часть которой протекает через Азербайджан, также объявляется армянской (стр. 21); автор пытается даже «заговаривать» с рекой на армянском языке!

Со ссылкой на дореволюционный словарь «Брокгауза-Ефрона» (советские источники и словари, а также исторические труды при этом не принимаются в расчет) территория Нахичеванской автономной области Азербайджанской ССР объявляется исконно армянской территорией, а г. Нахичевань - «священным городом Великой Армении, отнятым у них татарами» (стр. 15). Автор пишет: «Здесь мы приближались к Нахичевани. А по преданию (!) город этот основан самим Ноем. В сороковом томе энциклопедического словаря «Брокгауза-Ефрона» сказано о Нахичеване: «*Нахджаван* у древних армян Наксуана... По преданию (!) основан Ноем, гробница которого показывается местными армянами. Некоторые персидские и армянские историки относят основание его к 1539 году до Рождества Христова. По распоряжению армянского царя Тиграна...» (с. 14).

Какое отношение царь Тигран имел к Нахичевани, о чем он хотел «распорядиться» читателю приходится лишь гадать...

Но давайте внимательнее в смысл этой «справки»: ведь то, что название города имеет и армянскую транскрипцию, еще не говорит о его «армянском» происхождении. Тем более, что в начале идет его явное тюркское название (нами подчеркнуто). Точно так же ни о чем «армянском

не говорит то, что город этот основан Ноем (Ведь библейский Ной, как известно, не был армянином!), если вообще был такой человек, как то, что «местные армяне» указывают на гробницу Ноя, которую, как известно, до сих пор никому обнаружить не удалось (включая и неоднократные, предпринимавшиеся американцами экспедиции на гору Арарат, находящуюся на территории Турции).

Таковы исторические «справки», к которым прибегает автор на протяжении всей книги, или «легенды», в которые, как говорится, верится с трудом.

Да, З. Балаян явно заговаривается и когда он «говорит» с рекой Аракс, и когда пытается приписать «себе» чужие территории, реки, горы и даже воздух!..

Несмотря на сомнительность подобного рода источников, которые он тшится подогнать под собственные, прямо скажем, нездоровые и вредные суждения, выдавая при этом себя за «истинного патриота», этакое «армянского идеолога», он уверенно излагает свое кредо:

«Из всех прав человека я превыше всего ставлю право на расцвет нации. И только тот есть настоящий гражданин и патриот, кто претворяет в жизнь это право. Все остальное - это предательство. Это безнравственно» (стр. 9).

Заметьте, главное для автора - не утверждение коммунистических и интернациональных идеалов, советского образа жизни, а «право на расцвет нации». Ну что же, в этом ничего плохого. Но при этом становится очевидным, что автор исключает такое право у своих соседей. Их интересы и территории не играют для автора никакой роли. Так от «национального чувства» к национализму худшего образца оказывается даже не шаг, а всего полшага.

В то время, когда Советское правительство делает все, чтобы укрепить дружеские связи и отношения со всеми южными соседями (о чем свидетельствует, в частности, недавний визит Председателя Совета Министров СССР тов. Тихонова в Турцию, воспринятый с удовлетворением всей мировой общественностью) советский журналист З. Балаян использует бранную легенду в отношении всего турецкого народа, называя Турцию «вековым врагом русского и армянского народов» (277), а современных турков - османскими рецидивистами», «выкормышами современного неофашизма» (22), «вандалами» (16), «варварами, именуемыми детоубийцами» (161), «дикими кочевниками XX века» (361), «вечными кочевниками» (347) и т. д.

Игнорируя труды советских историков, а также знаменательные факты и события азербайджанской истории, связанные, в частности, с добровольным вхождением Азербайджана в состав России, З. Балаян откровенно фальсифицирует целый ряд положений, признанных и закрепленных в солидных монографиях по истории Азербайджана (см. с. 42 - 43). При этом автор преследует явно провокационную цель - породить сомнение в искренности тех азербайджанских правителей Карабаха, которые искали дружбы со своим великим северным соседом, спасаясь от притязаний Персии и Турции на исконно азербайджанские земли. В частности, автор задает ряд далеко не риторических, но явно провокационных вопросов по отношению к истории азербайджанского народа, его дружбы с русским народом, вопросы, которые по мнению его, должны «пролить свет» на отношение к России карабахских ханов, названных здесь пренебрежительно «горсткой кочевых пришельцев» (43). Автор пишет:

«Вызывает только недоумение тот факт, как некоторые «ученые» пытаются «доказать», что чуть ли не Панах-хан и его наследники были инициаторами присоединения Карабаха и Зангезура к России. Хотелось бы спросить: от кого это спасались? Ну, карабахцы (имеется в виду карабахские армяне) и зангезурцы - это понятно. Они освобождались от турецкого ига. А так называемые ханы, от какого такого ига хотели избавиться? Ведь ханы и не скрывали, что у них есть один заклятый враг - русские. И вдруг ханы добровольно решили войти в состав России. Не слишком ли оскорбительна подобная фальсификация в первую очередь для русского народа, чьи сыновья тысячами погибали в бесконечных войнах, спровоцированных ханами да пашами?»

Есть ведь и другие аргументы, с которыми нельзя не считаться. В начале прошлого века в Карабахе, в одной из исторических областей Армении, насчитывалось девяносто восемь процентов армян. Даже в 1913 году - 90 процентов. Каким же образом горстка кочевых пришельцев вдруг решила добровольно включить чужую страну в состав России?» (стр. 43).

Без возмущения эти строки читать нельзя. Впрочем, подобное произвольное обращение автора с фактами и событиями истории и «объектами» путешествия можно объяснить, если понять его, так сказать «творческую методологию», суть которой он сам же раскрывает несколькими страницами позже. Так, вспоминая другое свое путешествие по Армении, предпринятое им совместно с московским коллегой, З. Балаян пишет: московский коллега «предложил организовать у нас нечто вроде «круглого стола», за которым могли бы высказаться сами архитекторы. Нам осталось бы, как он сказал, *только «похулиганить, задавая провокационные вопросы»* (стр. 95, курсив наш - Г. Г.).

Не для оживления ли националистического духа у своего читателя понадобилось автору и «задаваемые» им ныне вопросы?..

Вопреки истории и здравому смыслу армянскому читателю внушается, что он имеет, чуть ли не «арийское» происхождение: ведь если верить автору «армяне в древности были светловолосыми и голубоглазыми» (132). Помилуйте, а может это были вовсе и не армяне, а турки или иранцы, среди представителей которых действительно и сегодня можно встретить «светловолосых» и голубоглазых»?!..»

3. Балаян не только учит национализму и ненависти, стремится вбить клин во взаимоотношения народов страны, подвергая сомнению узы братской дружбы, интернациональной общности советских людей. Явно с провокационной целью он выдумал и воображаемый «моллой» (стр. 296 - 297), в котором он ставит с ног на голову проблему исламской религии. Не жалея красок и с целью представить воображаемого «мусульманского оппонента» махровым пантюркистом, он пугает читателя какой-то «некой силой», «воинствующей и довольно опаснейшей пропагандой», будто бы исходящей от «бродячего муллы».

Как бы между прочим упоминается и известный писатель Олжас Сулейменов, который, оказывается, своим интересным научным изысканием о «Слове о полку Игореве» стремится якобы угодить панислазму и «современным муллам, которые так яростно ненавидят все русское, все славянское» (с. 297).

Мы знаем, что в современных условиях и в Армении, и в Азербайджане (да и других республиках) исламское духовенство не имеет сколько-нибудь существенного влияния на наши идеологию и культуру. Тем более невозможно встретить среди них людей которые, как об этом «свидетельствует» 3. Балаян, великолепно знали бы одновременно несколько языков сразу: русский, армянский и один из тюркских. Не говоря уже о том, что были так прекрасно осведомлены в вопросах славянской идеологии. И что совсем невероятно, открыто занимались бы пропагандой пантюркизма и панисламизма.

Если бы «современные муллы», свободно разъезжающие и пропагандирующие религиозные идеи по Закавказью, действительно были бы похожи на того, с которым «беседовал» автор книги, то их можно было бы уже не называть «муллами», а как-то иначе, скажем, «интеллектуалами», «учеными» или что-то в этом роде.

А может это был вовсе и не «мулла», а современный интеллигент - врач, учитель и т. д. Тогда все, что говорит 3. Балаян в связи с ним, нужно воспринимать как намеренную клевету, должную опорочить в глазах русских и всех «славян» советских тюркоязычных интеллигентов. Клевету, также задуманную в провокационных целях.

И все это, взятое вместе, оказывается необходимо автору для завершающего аккорда:

«Дикие орды кочевников (имеется ввиду среднеазиатские народы, в том числе казахский народ), уничтожившие на своем пути храмы и книги, вдруг выясняется, принесли в мир цивилизацию» (298). И далее - в таком же духе!

Но пусть нас не вводит в заблуждение нетерпимость автора к мусульманской религии. Он - не такой уж поборник «советской идеологии». Это видно, когда речь заходит о григорианской вере и ее храмах, которые так умиляют автора. Особенно же он восторгается центром «своей» религии - Эчмиадзином, куда он непременно привозит всех своих гостей, надо полагать гостей - «христиан».

Для 3. Балаяна Эчмиадзин - не просто архитектурный памятник, а священный очаг «родной» веры:

«Подобно тому, как семь дорог в Древней Греции вели к Олимпу, подобно этому семь дорог ведут сегодня в Эчмиадзин (стр. 374).

И далее: «Повторяю, я часто привожу своих гостей в Эчмиадзин. Это как закон. Наверное, иначе просто нельзя» (377).

Почему «нельзя» об этом автор, спохватившись стыдливо умалчивает.

Человек, проявляющий беспощадную нетерпимость к исламской религии, теряет всякое чувство меры, когда речь заходит о христианской, с умилением и восторгом говорит не просто о памятнике старины, а о действующем и поныне религиозном центре - Эчмиадзине, которому посвящается настоящий гимн. Гимн григорианской вере и религиозному центру - активному проводнику религиозных предрассудков:

«Эчмиадзин - лучшая книга армянского народа-творца. Лучшая симфония и лучшее полотно армянского народа-художника» (стр. 369, курсив наш).

С нескрываемой гордостью автор сообщает и о том, что «Армения первой в мире приняла и узаконила христианство, как государственную веру» (369).

Чувство патриотизма только тогда плодотворно и жизненно, когда оно лишено примесей национализма и вражды к другим ⁸² народам. Много, очень много вреда могут принести книги, подобные «Очагу» З. Балаяна. Семена ненависти, отчуждения, национальной розни сеет она, внушая армянскому читателю не столько любовь к своей родине, сколько ненависть к своим соседям, включая тюркоязычные народы Советского Союза.

Автор книги придает забвению традиции дружбы и братства народов, которые были утверждены всем советским строем и закреплены в Советской Конституции.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ, МУЖИКИ.. (или ответ нуйкиным)

Тот день - 18 октября 1991 года войдет в историю Азербайджана, как день исторический. Впервые за время существования нового парламента представители так называемого до недавнего времени «комблока» и «демблока» с воодушевлением приняли акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики».

Это происходило в тот же день, когда в Кремле делалась попытка реанимации бывшей советской империи, которая, распадаясь, возвещала о возникновении новых суверенных государств.

В тот момент, когда ликующие азербайджанские парламентарии поздравляли себя и свой народ с обретением независимости, перо Андрея Нуйкина, обмакнутое в традиционные черные, как и для многих его коллег из центральной прессы, чернила антиазербайджанской темы, уже строчило небылицы о Карабахе, азербайджанском ОМОНе, о «зверствах» кровожадных мусульман по отношению к кротким «карабахцам», под которыми, разумеется, подразумевались лишь армяне...

Зная повадки отдельных авторов, специализирующихся на «карабахской теме» с четко выраженным антиазербайджанским, то бишь армянским акцентом (А. Нуйкин, И. Беляев, Л. Графова, Г. Старовойтова, Е. Боннер и др.), я не стал бы придавать большого значения очередному пасквилю, если бы не одно обстоятельство: статья появилась буквально на следующий день после того, как Президента Муталибова не оказалось среди подписывающих «Договор об экономическом сообществе».

Ясно, что проявлено непослушание центру, который, как и надо было ожидать, словно наполеоновский гвардеец, «умирает, но не сдается».

И Центр «выстреливает». Нет, на этот раз не БТР-ами и танками, не подразделениями спецназа, устроившими кровавый шабаш в январе 1990 года в Баку ПО приказу лидера Центра и бывшего генсека и с участием бывшей «его команды» - Язова, Крючкова, Пуго и других... А стреляет из испытанного не раз на практике оружия клеветы и шантажа, «регулирующего», «сбалансирующего», а по существу провоцирующего и обостряющего межнациональный конфликт... Так сказать, подливающего канистру бензина на затухающий было костер вражды между соседями...

На сей раз стреляет ружье А. Нуйкина. И этот выстрел ничуть не слабее, чем залп из автомата Калашникова или «стингера», которыми напичканы бандформирования армян в Нагорном Карабахе. Тем более, что его слышат во всем формирующемся «экономическом пространстве», а также азербайджанские читатели, весь народ, которого оскорбляют «вдоль и поперек»...

Ведь еще А. С. Грибоедов признавал, что «злые языки страшнее пистолета»... Он был не только великий поэт, но и, по признанию историков (русских, разумеется) выдающимся дипломатом, усилиями которого часть азербайджанских ханств, включая Карабахское, окончательно отошло к России.

Справедливости ради надо признать, что его предостережения своему правительству были вещими и, к сожалению, оправдались. Именно он, Грибоедов, предупреждал, что армяне, переселившиеся в Карабах после Туркменчайского мирного договора России с Ираном (1828 г.),

⁸² Это - полный текст статьи-ответа на антиазербайджанское выступление в «Известиях» Андрея Нуйкина; опубликована в газете «Панорама Азербайджана» под названием «У демократа Нуйкина рефлекс: стрелять на слово «Азербайджан» (от 7 - 13 ноября 1991 г.). Публикуя статью, редакция предупреждала в своей «ремарке» - «Персональное мнение». Так, на всякий случай... Ведь газета выходила не где-нибудь, а в Москве, где, известно; проармянские силы могли не простить...

«большой частью поселены на землях помещичьих мусульманских». Опытный дипломат доносил начальству о внушениях, «которые должно делать мусульманам (т. е. азербайджанским ханам - Г. Г.), чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили».

Это было написано о Нагорном Карабахе, где 150 лет спустя армянами был установлен (а впоследствии, уже во время межнационального конфликта, дабы уничтожить следы былой дружбы, самими же разрушен) памятник в честь этого переселения армян в Карабах.

«Россия от друзей не отрекается», - заявляет А. Нуйкин, ссылаясь при этом на «договор 1813 года о добровольном вхождении (?) Нагорного Карабаха (?) в состав Российского Государства». И этот договор, по Нуйкину, «был заключен не на определенный срок, а «на вечные времена» и не раз «ратифицирован» совместно пролитой кровью».

Мы знаем, с какой целью внедрялись армяне в «земли мусульман». И знаем также, что «совместно пролитая кровь» христиан (русских и армян») служила именно имперским захватническим целям.

Мы помним: согласно Гюлистанскому договору, заключенному в 1813 году в результате поражения Ирана в войне с Россией, отошли к Российской империи огромные территории, включая Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства Азербайджана (см. Гюлистанский договор, статья 3 в ж. «Хазар», 1990, № 1, с. 136).

И этот договор, унижительный и кабальный для азербайджанского народа, заключенный с позиции силы, А. Нуйкин называет «добровольным вхождением Нагорного Карабаха в состав Российского государства». Справедливости ради следует признать, что до недавнего времени «законопослушное» руководство Азербайджана, искажая историю и не желая «дразнить гусей», чаще говорило о «добровольности» вхождения Азербайджана в «состав России», чем о принудительной передаче азербайджанских земель, как это было на самом деле.

Но при всем этом, должен был знать «специалист по Карабаху» А. Нуйкин: и 178 лет тому назад, и сегодня, Карабах - территория исконно азербайджанская. Ее название - «Карабах» - слово также азербайджанское, переводимое как «черный сад»: «кара» - «черный», «бах» - «сад». А Нагорный Карабах - лишь часть Карабаха. А «карабахцы» (по А. Нуйкину) вовсе не армяне, а азербайджанцы. Армяне же, живущие в Нагорном Карабахе, предпочитают называть себя «арцахцами», которые, как было засвидетельствовано еще А. С. Грибоедовым, переселились из Ирана после 1828 года...

Однако «специалисты» вроде А. Нуйкина не придали особого значения такого рода «мелочам». Как и тому, что весь Карабах территориально находился всегда и находится сейчас в середине Азербайджана и с Арменией нигде не граничит. Факт, о котором мало кто из читателей на которых ориентированы писания нуйкиных, осведомлен.

Любопытно, как за маской «демократа и гуманиста» приоткрывается подлинное лицо шовиниста и империалиста. Чего стоит, например, заявление о том, что Гюлистанский договор закреплен якобы «на вечные времена». Но разве с Февральской революцией 1917 года договор этот не утратил свою силу? Или же, по мнению А. Нуйкина, к России (советской) автоматически переходят права на владение Азербайджаном и его неотъемлемой частью - Карабахом?!..

Вы, г-н Нуйкин, конечно, знаете, что по этому договору от Ирана России передали «при этом весь Дагестан, Грузию с Шурагельской провинцией, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения земли, находящиеся между постановленной ныне границей и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами (там же, стр. 136).

Эти факты, которые Вы сейчас игнорируете, как говорится, вещи упрямые. А что же Армения? Почему в договоре не упоминаются «территории Армении»? А потому что, к тому времени, когда заключался договор, таковых просто не было. Уже после 1828 года начинается расселение армян на территориях азербайджанских ханств (включая Карабахское и Эриванское ханства).

Советская же власть дала армянам государственность, а заодно и честь азербайджанских земель, включая Зангезур, Эриванское ханство, озеро Севан (по азербайджански Гейча) и другие земли. В обстановке проявления дружеских отношений азербайджанского народа к армянам, заселившим Нагорный Карабах, большевистскому руководству Закавказья и Центра удалось также провести решение об автономизации Нагорного Карабаха, где азербайджанцы и армяне должны были жить дружно и счастливо...

Должны были...

Однако (и этого А !Нуйкин, заявляющий о геноциде по отношению к армянам, нигде не скажет своим читателям) жертвами подлинного геноцида стали сотни тысяч азербайджанцев, изгнанные, начиная с 50-х годов нынешнего столетия, с территории Армянской ССР. Последние 200 тысяч, спасаясь от преследовавших их вооруженных до зубов головорезов, армянских милиционеров и районных руководителей, в течение нескольких дней 1988 года прошли по горным тропам, со стариками и грудными детьми на руках в Азербайджан. Они не поехали в Москву, другие города России, не требовали статуса беженца, чтобы отправиться в заманчивую Америку, не пикетировали парламент страны, чтобы обратить внимание на свое ужасное положение изгнанных со своих земель...

В это же время тысячи азербайджанцев бегут из Степанакерта в Шушу от зверств и издевательств, учиненных над ними их армянскими соседями, воспитанными на зоологической ненависти ко всем тюркам, а следовательно, и к азербайджанцам. Бежали, так сказать, из Азербайджана в Азербайджан.

А. Нуйкину, расписывающему «чудовищные деяния» азербайджанского ОМОНа, не мешало бы, будучи в Карабахе, отправиться и на «другую сторону», чтобы хотя бы соблести видимость объективности, а заодно воочию убедиться в злодеяниях, чудовищных зверствах, убийствах и пытках, которым подвергаются со стороны армян - этого, по выражению А. Нуйкина, «доброе мирного народа» азербайджанцы Карабаха. Посмотреть на пожарища, прошитые автоматными очередями остовы автомашин, взорванные мосты и дома, выслушать людей, которые стали жертвами армянского геноцида. Увидеть своими глазами места, где погибли от пуль армянских бандформирований его единоверцы и сородичи – солдаты и офицеры Советской Армии. Каждый день от руки этих бандитов в Карабахе погибают азербайджанцы и русские, военные и местные жители, старики и дети.

Так что и без Вашей статьи, г-н Нуйкин, положение остается здесь напряженным. Впрочем, мы можем лишь догадываться об истинной цене Вашего расположения к одной из сторон. Один из депутатов в тот день, выразив общее мнение и назвав Вас «платным агентом армянских экстремистов», потребовал вновь привлечь Вас к уголовной ответственности за разжигание межнациональной вражды. И я думаю, что этот депутат также исходил при этом из мысли, которую Вы вынесли в подзаголовок: «Демократия - это не анархия, демократия - это порядок». Но в отличие от Вас, который требует «приступить, наконец, к жестоким, властным акциям по наведению демократического (?) порядка в стране» (что-то похожее мы уже читали в Обращении к народу членов ГКЧП), я считаю, что нужно на первое время не давать в печати слово всяким некомпетентным и вроде Вас предвзятым «болельщикам» одной из конфликтующих сторон.

Межнациональный конфликт, г-н Нуйкин, не футбольный матч, во время которого вы можете кричать с трибуны все, что вам заблагорассудится с целью поддержать «свою команду».

Вам, как человеку, претендующему на роль «третьей стороны» в «карабахских делах» не помешало бы познакомиться и с материалами другой, азербайджанской стороны. Я знаю, что после одного из необъективных выступлений в центральной печати «по Карабаху» Вас вместе с другими соратниками по «Апрелю» Союз писателей Азербайджана пригласил в Баку, чтобы помочь Вам лучше разобраться в том, о чем Вы пишете. Но Вы не приехали, и это красноречиво выразило Вашу позицию и Ваши пристрастия.

Несколько недель назад я видел (впервые) Вас в одной из передач ЦТ. Вы говорили очень интересно и всем своим обликом интеллигентного человека излучали, казалось, доброту, стремление к правде и объективности. Но, увы, внешность бывает нередко так обманлива...

Другой Ваш коллега, также претендующий на роль демократа и гуманиста - кинорежиссер Говорухин, приехавший в Баку в трагические дни после января 1990 года и видевший результаты «боевых действий» Советской Армии, недавно с экрана ЦТ заявил о своем несогласии с «коммунистом Назарбаевым», который в отличие от Саддама Хусейна уже обрел атомную бомбу, поставив тем самым под угрозу «православное христианство»...

А как же... Ядерное оружие может иметь лишь «русское православное христианство». А вот «мусульманско-назарбаевское - ни-ни. Не моги...

Ничего себе «демократы» и «миротворцы», «гуманисты» и проводники «нового мышления!»...

Эти и подобные рассуждения не могут увести в сторону от того, что известно всему миру, а именно: какую ядерную державу боялись и продолжают бояться и сегодня, какая страна держала в страхе вселенную и многие народы, так сказать, внутри и вовне... Нет, это была не держава Дж. Буша, посылающая не ядерные ракеты, а гуманитарную помощь некогда великой в силу своих

накачанных за семьдесят с лишним лет военных мускулов стране, или, говоря сегодняшним языком, «экономическому пространству»...

Но вернемся к статье А. Нуйкина, точнее его выстрелу по Азербайджану, его лидерам и проблемам. Подобно спецназовцу, ворвавшемуся январской ночью в спящий Баку и открывшему беспорядочную стрельбу по улицам, домам, окнам, балконам, всему, что попало в поле его зрения, А. Нуйкин бьет в своей статье по всему, что называется «Азербайджан», честь и достоинство народа, защищающегося на два фронта: от агрессивных соседей замаскированных империалистов из Центра.

Кстати, можно ли в этих условиях оставаться беззащитным? Вообще может ли быть суверенной республика без своей армии? Особенно тогда, когда идет самая что ни на есть необъявленная война с соседней республикой? Не преступление ли в этих условиях оставлять целый народ без средств к защите своих земель, своего, наконец, достоинства?!.. Почему, в самом деле, должны гибнуть русские, украинцы, казахи и представители других НАРОДОВ на границах Азербайджана и Армении, в Карабахе?!..

Может ли г-н Нуйкин и его коллеги – сторонники Союза и нерушимости Центра дать верные, объективные ответы на эти вопросы. Если смогут, то это неизбежно будет означать: каждая республика должна иметь свои вооруженные силы, чтобы его граждане в случае внешней угрозы могли бы быть призваны в национальную и с табельным оружием в руках (а не с охотничьими ружьями, возвращенными несколько дней тому назад их владельцам в республике) смогли бы защитить свою родную землю. Так обстоит дело во всем мире... И почему бы не должно быть так и у нас?

Почему бы азербайджанскому народу (равно как украинскому, казахскому, грузинскому, киргизскому и другим), внесшему немалый вклад в создание Советской Армии, не получить своей доли вооружений в критический момент его истории?! Когда он защищает свои земли от вооруженной (кем?) до зубов армянской армии!

Почему бы азербайджанским юношам (да и не только азербайджанским) не проходить военную службу на своей территории? Разве не для защиты своей родины, которая, как известно, начинается «с родного порога», молодежь призвана нести воинскую повинность?

Так позвольте же, господа, каждой республике, тем более суверенной и независимой, иметь свою армию и призывать свою молодежь нести службу по охране собственных границ!

Можно по каждому случаю опровергнуть все положения статьи А. Нуйкина, ибо она - своего рода «лапша, которую вешают на уши» читателя, у которого и без того много своих забот.

Но и пусть не думают наши соседи-армяне, что их так сильно любят нуйкины... Они, нуйкины, могли бы так же сильно вдруг полюбить и нас, азербайджанцев. Представьте на секунду, что не Л. Тер-Петросян, президент республики, которая согласно референдуму объявила о своей самостоятельности и независимости от Союза, а А. Муталибов оказался бы в тот день за круглым столом, выставленном в Георгиевском зале на виду у телекамер всего мира... Поняли?...

И вообще неужели непонятно, что с самого начала Карабах сделали «яблоком раздора» именно в момент, когда вслед за Прибалтикой и перед республиками Закавказья (Азербайджаном, Арменией? Грузией) открылся шанс к независимому и суверенному существованию? Именно армяне и азербайджанцы, осетины и грузины, турки-месхетинцы и узбеки, словом, представители разных национальностей были принесены на алтарь имперских амбиций в соответствие с уже испытанным в истории самодержавным принципом: «разделяй и властвуй».

Можно было бы «не замечать» оскорблений нуйкиных в адрес азербайджанского народа. Ведь гласит же азербайджанская поговорка «собака лает, а караван идет»... Мы знаем, как злонамерена и тенденциозна бывает пресса, когда ее сверху науськивают на «образ врага». Вчера таким же объектом был Б. Ельцин, сегодня - Н. Назарбаев и А. Муталибов. Завтра, быть может, Кравчук...! Ведь он может вдруг объявить о своем желании иметь часть ядерного вооружения.

Кстати, в тот субботний день был произведен по Азербайджану еще один залп: неожиданно «отменили», а потом «изменили» время демонстрации по ЦТ кинофильма «Низами», приуроченного к 850-летию азербайджанского классика. Так, мелочь, маленький укол или, если придерживаться зловещей метафоры, «негромкий выстрел», могущий однако задеть цель, точнее нервы... Словно кто-то хотел намекнуть: что хотим, то и делаем с вами, с «суверенными»...

Не все понимают одинаково. Ведь люди - такие разные по своему уровню: есть мудрые и все понимающие, а есть и наивные, простодушные, неискушенные в политических и межнациональных «играх». Этим вторым не объяснишь, что нуйкины, Говорухины и К - это еще не русский народ. Это - всего лишь «патриоты» Союза, Центра. Говоря проще, перекарасившиеся империалисты, разделившие мир по этому принципу на «наших» и «не-наших» (по терминологии Невзорова). Иными словами на тех, кто за «Союз», и тех, кто за «суверенные государства».

А их слова о «демократии», «едином экономическом пространстве» - всего лишь камуфляж, риторическая маскировка, преследующая одну цель - удержать народы в империалистическом и колониальном ярме. И они, эти «демократы», готовы открыть пальбу из всех видов оружия по любому объекту, устроить любой катаклизм, лишь бы остановить распад Союза, а то и повернуть колесо истории вспять...

Будем настороже: ГКЧП может иметь свою модификацию. И не одну. И для будущих путчистов судьба и интересы простых людей - будь то русские, украинцы, азербайджанцы, грузины, армяне, казахи и т. д. всего лишь своего рода «межнациональное пространство», которое накладываясь на понятия «экономическое», «экологическое», «союзное» и т. п. должна подразумевать лишь одно - центр и подчиненные ей республики, или, говоря проще, «Союза советских социалистических республик».

Но есть и обратная связь: кто сегодня готов спустить курок, целясь в суверенитет и независимость других, не может рассчитывать на счастье и благоденствие для себя... Ибо, как это доказано историей, не может быть свободным народ, который угнетает другие народы...

СВОБОДА СЛОВА И НЕСВОБОДА ВЫБОРА

(Статья, которая никогда не будет опубликована
в «Литературной газете»)

Написав заголовок, который, как мне представлялось, отражал основную мысль задуманной мной статьи для «Литературной газеты», я подумал и приписал этот подзаголовок, данный в скобках. И вот почему. Когда статья уже сложилась в сознании и оставалось ее только изложить на бумаге, я прочитал помещенную в «Литературной газете» статью Сильвы Капутикян. И понял, что должен ответить. Ведь ее основные положения касались моего народа. А, значит непосредственно и меня тоже.

А задуманная вначале статья не имела никакого отношения ни к С. Капутикян, ни к межнациональным отношениям. Она была о том, что уже давно волнует меня как человека, вынужденного обивать пороги издательств и учреждений, ходить на приемы к высокопоставленным чиновникам, курирующим литературу, а значит и издательское дело. Ибо написать книгу - полдела, может быть даже «четверть» дела. Главное - суметь издать ее. А это - не каждому под силу и не зависит вовсе от прямых результатов твоего труда. И так было, есть и...

«Типун тебе на язык», - мысленно выругал себя, и фраза «будет всегда» как бы застыла на кончике пера.

Да, подумалось, ведь и сегодня, когда казалось бы воцарилась «гласность», пиши о чем хочешь и что хочешь, свобода слова отнюдь не означает свободу творческого самовыражения. Не адекватна, так сказать... Ведь тогда, в недавнем прошлом, и Госкомиздат, и «Союз писателей», и Отдел пропаганды и агитации ЦК, и директор издательства, и Главлит, и еще бог знает что составляли своего рода «технологическую цепочку» движения рукописи к читателю. И там, в этом прошлом, были свои «правила игры» и свое табу, свои «любимые сынки» и «пасынки» тоже...

А теперь как? Коммерческий подход, диктат одного издательства, который развязав себе руки от всевозможной «опеки» сверху, отстранился также и от писательской «массы»... И никто: ни «Союз писателей», ни какое другое учреждение, не может «помешать» ему, издательству, формировать свои темпланы. Так сказать, свобода слова... И неожиданно для себя самого мысль от примеров, намеченных в качестве иллюстраций к тезису, свернула к статье С. Капутикян...

Да, «Литературная газета», претендующая в последнее время, подумал я, на освобождение слова от диктата власти, уж что-то очень много места уделяет выступлениям, в которых так или иначе бросается тень на Азербайджан, его народ, его историю. И так, собственно, поступают и некоторые другие центральные издания, в которых ощущается влияние армянского экстремизма.

Может быть, в этом мы виноваты сами? В том смысле, что сами мало пишем о себе, мало приводим фактов и примеров, показывающих наше душевное состояние, точнее, смятение, вызванное конфронтацией с соседней республикой. Да вот еще одна статья - Сильвы Капутикян, в которой она говорит о духовности, благородстве человека, разумеется, армянина по национальности. И - наоборот. И если, оговаривает автор статьи, она обнаруживает жестокость, дикость у своего соотечественника, то это - опять-таки происходит по вине «другой стороны»: ведь нужно же, в самом деле, защищаться от врагов, ведь есть, наконец, необходимость в «ответных действиях»...

Здесь я хочу обратить внимание на два момента. Во-первых, на более утонченную, чем год - два назад, пропаганду антиазербайджанских идей, в которой поэтесса очень поднаторела в последние годы, являясь с самого начала армяно-азербайджанского конфликта одним из лидеров и идеологов перестройки «на карабахский манер».

Во-вторых, в ее рассуждениях все перевернуто кверху ногами: следствие выдается за причину, зачинщики драки оказываются жертвами, и наоборот. И опять же «Сумгаит», за который, как сетует С. Капутикян, не было «принесено извинений»... Как будто Сумгаит был причиной, а не следствием массового прессинга на Карабах и перманентное изгнание («очищение») азербайджанцев из Армении, которую некогда Советская Россия и Ленин подарили армянам за счет азербайджанских земель, компенсируя как бы им потерю «исторических земель», находившихся не на территории бывшей Российской империи.

Кстати, о Сумгаите... У меня возникает вопрос к С. Капутикян: а знает ли она, что одним из «вожачков толпы», устроивших погром, был ее соотечественник Григорянц, армянин по национальности. Он, как зафиксировано уголовной хроникой, убил 6 армян, насильствовал армянок и

издевался над ними... Может быть его жертвой стала та самая армянка, которая безжалостно начала убивать азербайджанцев, изгоняемых с их земли? В связи с этим С. Капутикян не может сдержать своего возмущения: «Мне стало жутко. Это было поражение. Поражение ее, мое, наше». Я скажу одно: для меня стало ясно, что Вы, поэтесса, и те, кто с вами вместе начали раскладывать Карабахский пасьянс, с самого начала обрекли себя на это поражение! Кто-кто, а Вы, как поэтесса, должны были знать, что покушаетесь не на что-нибудь, а на чужую землю, родную для азербайджанцев территорию, породившую десятки деятелей культуры, известных во всем мире. То есть покушаетесь на честь и достоинство людей, всего народа, который никогда не отдаст того, что высоким поэтическим смогом называется «родина».

«Откуда, когда пришло оно ко мне, это такое чужое до сих пор чувство, это отстранение от самой себя? После Сумгаита ли?... Да, после Сумгаита!... - вопрошает, отвечает сама же С. Капутикян и продолжает - В этот самый день - 26 февраля 1988 года - мы с Зорием Балаяном были у Михаила Сергеевича Горбачева... Генеральный секретарь произнес лестные слова в адрес армянского народа, обещал, что под его личным контролем наступит там, в Арцахе, «маленький ренессанс». На следующий день мы улетели в Ереван, почти прямо с самолета отправились на Театральную площадь, где более 500 тысяч человек ждали привезенных нами вестей».

Не правда ли, очень оперативно: и 500-тысячная толпа на Театральной площади Еревана, и приезд З. Балаяна и С. Капутикян к Горбачеву, заметьте, в тот же день?! И, добавим, видеокассеты, запечатлевшие оперативно с сумгаитских балконов «зверства азербайджанцев» и тотчас же отправленные на телестудии европейских столиц...

Впоследствии З. Балаян сделал такое, весьма красноречивое, признание в газете «Голос Армении» (привожу по памяти, но ручаюсь за точность передачи мысли):

«Всеми миру известно, что спустя день после Сумгаита, Карабахский вопрос должны были решить в Москве. Но этого не случилось».

Не правда ли очень «своевременным» мог бы оказаться Сумгаит для кое-кого?! И как мило со стороны З. Балаяна, что он пролил свет на «этот вопрос»?! Но этого опять-таки «не заметили», чтобы указать на саморазоблачение депутата-provokatora, ни азербайджанская печать, ни тем более центральная. И даже редакция «Голоса Армении» пропустила на страницы своей газеты такое признание, видимо, потому, что привыкла слепо доверять всему, о чем вещает их «карабахский лидер».

Вот только ни С. Капутикян, ни З. Балаян, ни центральная печать, которая еще недавно требовала сурово наказать виновных, не могут мне ответить: так кто же такой этот Григорянц - «Паша», убивающий своих же армян в Сумгаите? Я тоже не могу понять, почему ни словом о нем не обмолвилась ни центральная печать, ни названные выше идеологи аннексии Карабаха.

Я не могу также поверить в искренность признания, вынесенного в заголовок статьи - «Не хочу ненавидеть». И хочу обосновать это личным наблюдением. Много лет назад, находясь в качестве гостей на очередном съезде писателей Армении, мы - члены делегации от Азербайджана - известный прозаик, критик-литературовед и я как-то вдруг, в один из вечеров, обнаружили настоящий вакуум вокруг себя. Обычно любезные и гостеприимные хозяева (среди которых, к слову, были писатели-азербайджанцы, жившие тогда в Ереване) неожиданно оставили нас. Мы оказались как бы в одиночестве. Лишь на следующее утро наш знакомый московский писатель - один из гостей съезда обмолвился, что все гости были приглашены к Сильве Капутикян и удивился, почему мы там не оказались.

Я тоже был удивлен и спросил у своих коллег, а было ли такое приглашение? Оказалось, что никто из нас его не получал. Один из моих товарищей, усмехнувшись, произнес: «Ну, все ясно. Обычная тюркофобия, которая дала знать о себе и здесь»... Признаюсь, внутренне я никак не хотел поверить в это. В разгаре «праздника литературы», каким был и этот съезд писателей-соседей, как-то даже было больно представить такое... Я старался не думать об этом. Но теперь я знаю, что мой товарищ был, безусловно, прав. И последующие события доказали его правоту.

Из памяти не выходят и другие фразы, произнесенные в другой обстановке. В начале 80-х годов. Во время Дней советской литературы на Украине (да, литература иногда, повторяю, устраивала себе такие праздники, в которых ничего, на мой взгляд, зазорного не было) я вместе с некоторыми участниками Дней оказался во Львове, куда стремился попасть и по личным мотивам: в этом городе учился на художественном факультете мой сын. Помню, в обществе Серо Ханзадяна, который мне тогда казался воплощением интернационализма, особенно приятно было осознавать общность интересов и дружеские связи закавказских писателей...

Узнав о моих отцовских проблемах, вызванных разлукой с сыном, который оказался на другом конце страны, он спросил меня: почему я отправил его так далеко? Я вынужден был признаться с горечью, что это произошло из-за меня. Ректор института, в котором я преподавал,

не принял документы сына, мотивируя отказ «официальной моралью», не позволяющей сыну учиться там, где работал его отец. Разумеется, как потом я понял, это была оговорка. Однако, простодушно поверив ректору, я позволил единственному сыну отправиться в далекий от Баку Львов...

Серо Ханзадян тогда посочувствовал мне, и у меня нет основания сомневаться в его тогдашней искренности. Более того, он предложил мне перевести сына в Ереван, на художественный факультет, где деканом был его сын. Я до сих пор с благодарностью помню это его предложение. Ведь это была поддержка. Моральная, отцовская, человеческая. Такие вещи человек забывать не должен. И хотя я не воспользовался его любезностью, но никогда этого не забуду.

Во время одной из дружеских бесед мы говорили о чем-то. Признаюсь, содержание беседы стерлось из памяти. Осталась лишь одна фраза. И то потому, что я тогда не понял своего собеседника, не понял, что он хотел сказать, на что намекал... Серо Ханзадян, помню, вздохнув, произнес неожиданно: «Знаешь, все было... Этот Зангезур...» К стыду своему я не знал тогда, что было в Зангезуре. И потому промолчал.

Лишь впоследствии под воздействием карабахских событий, как и большинство азербайджанцев, я проникся повышенным вниманием к моментам межнационального конфликта, имевших место в прошлом. Узнал и о том, что было в Зангезуре, где с азербайджанским населением жестоко расправились отряды Андраника. И мне непонятно, не верится: почему вообще надо ненавидеть азербайджанцев, как то «заложено» в названии статьи С. Капутикян?! Ведь история тем хороша, что она учит. Мудрые люди, а писатели принадлежат к их числу, должны не только знать историю, но и извлекать из нее уроки и выводы...

И вообще, как можно ненавидеть того, кто не проявил к тебе ненависти, не изгонял тебя из своей же земли, не убивал тебя, сам становясь жертвой твоей патологической ненависти, не нападал на тебя на твоей же территории, расстреливая из автоматического оружия всех подряд, не устраивал минных засад на твоей земле, не кричал о твоих зверствах на страницах мировой печати, не требовал тебе наказания за то, что ты не хочешь отдать свою землю в подарок?!

Я тоже считаю, что Сильва Капутикян «не должна хотеть ненавидеть», ибо у нее для этого просто нет веских оснований...

Моя совесть и совесть моего народа чиста перед соседями. Мне не в чем себя упрекнуть. Разве что в безоглядном интернационализме, который помешал вовремя увидеть неожиданно возникшую опасность - национализм и экстремизм в их самых чудовищных проявлениях.

До сих пор помню вопрос, с которым репортер ЦГ (в передаче Генриха Боровика) обращался на улицах Баку к прохожим - молодым людям, женщине с ребенком, пожилому мужчине... Он спрашивал: «Как вы объясняете требования армянского населения Карабаха? Какова ваша реакция на подобные требования, митинги в Ереване?» И хорошо помню растерянные, улыбающиеся, недоумевающие лица и взгляды бакинцев, их ответы: «Не знаю... Ничего не понимаю! Чего они хотят?» и т. д. Но не было на этих лицах ни ненависти, ни негодования... И помню: первая кровь, пролитая из-за Карабаха, была кровью двух убитых армянами азербайджанских подростков в Аскеранском районе Азербайджана...

Ненависть, злоба, месть всегда были плохими советчиками. Уважение, доброжелательность, дружеское расположение - можно безошибочно строить на этих принципах свои отношения с другими. Здесь тоже, конечно, могут быть раскаяния, но «поражений» - никогда. И те же добрые чувства, когда ими руководствуются, должны взывать к благоразумию: ты хочешь отобрать, обидеть, проявить неуважение?... Тогда ты заведомо обрекаешь себя на такое же неуважение, обиду и зло, которые неминуемо будут проявлены по отношению к тебе же, вернуться бумерангом. Ибо, учит народная мудрость, добро порождает добро, зло умножает зло!..

Агрессия против Азербайджана с самого ее начала сопровождалась мощной пропагандистской «поддержкой» средств массовой информации России и тех стран, где доминировало армянское лобби. Очень редко, для поддержания видимости баланса между публикациями «за» и «против», появлялись и робкие, написанные с оглядкой на центр, статьи и заметки «за Азербайджан».

В самой республике одновременно с повышенным интересом «к истории вопроса», выпускались ставшие раритетами книги и работы, которые несли в себе какую-либо информацию о территориальных притязаниях и агрессивности соседей, правду о Карабахе. Постепенно складывалась даже целая «библиотечка», посвященная армянским притязаниям на чужие

территории: «Армянские ученые и вопиющие камни» И. Г. Чавчавадзе (Б., 1990 г.). «Очерки закавказской жизни» И. К. Канадпева (Б., 1990 г.), «Кавказ» В. Л. Величко (Б., 1990 г.) и другие.⁸³

И в числе этих и других работ, изданных на русском и азербайджанском языках, едва ли не самым значительным и первым можно считать издание произведений и переписки А. С. Грибоедова, осуществленное в 1989 году Бакинским издательством «Маариф». Его записки «о переселении армян» и другие важные свидетельства очевидца и участника событий, человека, стоявшего у истоков конфликта, должны были открыть правду... И, как мы знаем, открывали. Они были переизданы в ряде публикаций, посвященных Карабахской теме: в специальном выпуске «Известий» Академии Наук Азербайджана (1988 г. 3.), в книге Н.Ахундова «Хроники Карабаха» (Б., 1989 г.) и других.

Разумеется, эти издания, рассчитанные для «внутреннего пользования» в самой республике, не могли повлиять на общественное мнение в Советском Союзе, в России, в остальном мире в пользу пострадавших от агрессии азербайджанцев... А книг и работ, несущих правду о Карабахе, объективную и аналитическую информацию об армяно-азербайджанском конфликте, написанных политологами и журналистами и изданных вне Закавказья, просто не было.

Создавалась парадоксальная ситуация: со времен А. С. Грибоедова и так же объективно, как это сделал великий русский поэт и честный дипломат в свое время, до настоящего времени его соотечественниками не было создано ничего, что несло бы объективную и непредвзятую оценку событиям, связанным с Карабахом.

Заговор молчания нарушен книгой публициста Юрия Помпеева «Кровавый омут Карабаха», изданной в 1992 году... в Баку! Так сказать, нам - о нас же. Опять для «внутреннего пользования». Впрочем, и на том спасибо. Тем более, что книга получилась добротной и аналитичной, в лучших традициях грибоедовского письма-документалистики. И когда она была представлена в республике на одну из престижных премий, появилась возможность дать ей заслуженную оценку, что и сделал автор этих строк, опубликовав статью-рецензию в газете «Азербайджан».

Думается, что книга могла бы прорвать информационную блокаду, появившись она своевременно в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и СНГ. Во всяком случае, она содержит ряд интересных фактов и наблюдений, на которые автор этих строк и хотел бы обратить внимание читателей данного очерка, публикуя свой отзыв об этой книге полностью и под заголовком:

ГЛАЗАМИ ОБЪЕКТИВНОГО ЛЕТОПИСЦА

Писать по свежим следам событий - трудно. Нужно время, чтобы проверить свои впечатления. Нужна дистанция, чтобы увидеть события в полном масштабе. Нужны знания «истории вопроса», источников и документов, чтобы соотнести свои наблюдения с фактами, интерпретируемыми другими... А главное - авторская объективность и честность, которые, увы, в наше время - тоже дефицит.

И все же писать по горячим следам можно. Писать хорошо, ярко, впечатляюще. Так, чтобы заставить читателя думать, сопереживать. Как это сделал Юрий Помпеев в своей книге «Кровавый омут Карабаха».

Конечно, взгляд со стороны (не «с той» и не «с этой») - эти точки зрения тоже интересны в такой жгучей теме, какой является Карабах) позволял занять автору бесстрастно объективную, нейтральную позицию. Чтобы разобраться в том, «кто есть кто» и «что получилось»...

Но в том-то и дело, что быть объективным, оставаясь одновременно бесстрастным, анализируя события в Карабахе и «вокруг него», невозможно даже с отдаленного расстояния, находясь, так сказать, «над схваткой»... Особенно если ты - сочувливый русский интеллигент, для которого дороги понятия справедливости, добра, объективности, интересы собственного народа, своей родины. Книга эта - о нас, о наших событиях и проблемах. О начале «Карабахского конфликта», событиях, с ним связанных: в Аскеране, Сумгаите, о кровавом январе 1990 года, о Ходжалы и других... Но не только об этом. Автор широко обзрывает все то, что им предшествовало, обосновывает их первопричины, вводит в контекст глобальных процессов мировой политики, рассматривая Карабахскую тему как часть геополитического противостояния сверхдержав, дает ретроспекцию событий с самого их возникновения до момента открытой и

⁸³ Позднее я узнал, с какими трудностями сталкивался их издатель Вахид Азиз - секретарь Союза писателей Азербайджана.

целенаправленной атаки - идеологической, информационной, военной - на Карабах, осуществленной объединенными силами армянских националистов всех мастей и их покровителей из «центра».

Книга оживляет в памяти события вчерашнего дня. Но ее проблематика и сегодня остается актуальной. Ведь события имеют продолжение. Маховик войны набирает обороты и, кажется, нет просвета в «карабахском тупике».

Трудно охватить все аспекты и проблемы книги. Выделим лишь некоторые. Например, армянскую информационную экспансию в средствах печати, на радио и телевидении Советского Союза, затем России... Но обратимся к самой книге:

«Мне, русскому литератору, ровно за месяц до ходжалинского разбоя стало очевидно, что готовится, как и в январе 1990 года массовое кровопролитие в Азербайджане. «Радио, ТВ, многие газеты ежедневно нагнетают антиазербайджанские страсти, - писал я в телеграмме на имя Бориса Ельцина и Руслана Хасбулатова в воскресенье 26 января 1992 года. Посредничества не получилось. Ясно, что под эгидой России готовится кровавая расправа в Карабахе, брошенном на произвол боевиков и особого полка России». Призывал российские власти вывести из Ханкенда (Степанакерта) 366-й полк и предотвратить готовящуюся бойню» (стр. 9).

Приподнимается автором и «занавес» над «секретами» того, как готовятся серии дезинформации и фальсификаций разного рода, подаются жареные «факты-утки» на кухне телеканалов «Останкино» и «Россия», оккупированных армянскими журналистами.

Еще в самом начале, в 1988 году, пишет автор, «Степанакертцы убеждали журналистов, стремившихся на первых порах к объективности и беспристрастности: «О нас следует писать либо хорошее, либо ничего» - «А как же сообщать плохое?» - «Плохое пишите только об азербайджанцах». Вскоре этот немудрящий совет будет воспринят всей демократической прессой России. Авторы же тех первых публикаций в «Правде» и «Известиях», донесших хотя бы отголоски националистической стихии из Степанакерта, вскоре исчезнут с газетных полос» (стр. 29).

Точно так же «стоило политическому обозревателю Центрального телевидения Александру Тихомирову в передаче «7 дней» от 28 января рассказать о кровавых событиях в Азербайджане и потребовать четкой политической оценки происшедшего в Баку, как его тут же «выключили из кадра», а сама передача «7 дней» прекратила свое существование.

Полагаю, что это не столько заслуга тогдашнего Политбюро, сколько старания Эдуарда Сагалаева и его прямых хозяев» (стр. 166).

Ибо, как рассказывает Ю. Помпеев, «сегодня, когда я включаю «Новости» или «Вести» и вижу, что добрая половина авторов репортажей, журналисты или операторы, - люди с армянскими фамилиями, я понимаю, что пример зарубежных лоббистов весьма заразителен и для Эдуарда Сагалаева, одного из руководителей Российского телевидения, «независимого» журналиста, вложившего в телерадиокомпанию, по сведениям газеты «День» свои «личные» 17 миллионов, и для главного редактора «Вестей» господина Минасяна, дельца менее известного, чем господин Сагалаев» (стр. 21 - 22).

Такая активность, конечно же, не может не впечатлять, особенно если учесть пассивность другой стороны, позволившей своему единственному московскому рупору - газете «Панорама Азербайджана» зачехнуть на корню в самый разгар событий.

Обличая ложь и инсинуации российских сторонников армянских экстремистов, таких их платных наемников, как Г. Старавойтова, А. Нуйкин, В. Оскоцкий, А. Беляев, Е. Боннер-Алиханян, автор на многих фактах, неизвестных широкому читателю, раскрывает весь механизм антиазербайджанского заговора, цель которого формулируется так:

«Я бы никогда в жизни не заговорил о национальной принадлежности Минасяна или Сагалаева, если бы не навязанная ими блокада правды об агрессии Армении против Азербайджана, и эту бесстыдную войну поддерживают практически все средства массовой информации, подконтрольные богатой диаспоре и «КриК»унам из Дем. России. *Эта пропаганда имеет целью уничтожение азербайджанцев, как нации*» (стр. 186, курсив мой - Г. Г.).

Именно факты и то, как они освещались в центральных и российских органах печати, а также во всем мире, становятся главным приемом раскрытия темы. Как жанр «литературы факта» определяется в аннотации книга Ю. Помпеева «Кровавый омут» Карабаха». И этим сказано многое.

Располагая фактами, кричащими, вопиющими о боли целого народа, трудно оставаться бесстрастным наблюдателем. Особенно, когда они искажены в кривом зеркале продажной прессы. И книга Ю. Помпеева своего рода прорыв в многолетней информационной блокаде, в которой мы

очутились по милости наших врагов и недоброжелателей, да и (признаемся и покаемся) в силу собственной инертности.

Книга Ю. Помпеева не замыкается в региональных рамках Карабахского конфликта, а наоборот, освещает его в контексте тех катаклизмов, которыми была отмечена история Советского Союза в период его заката. Закономерно поэтому и внимание к роли М. С. Горбачева, как в распаде «советской империи», так и в Карабахском конфликте. В трактовке автора экс-президент выступает в облике эдакого «резидента ЦРУ», сделавшего все, чтобы осуществить планы США по уничтожению «империи зла», использовавшего «проблему» Карабаха как детонатор, взорвавший Советский Союз. Примерно так же, как это делали армянские террористы, взрывавшие автобусы и поезда на дорогах Азербайджана. Во всяком случае, объективно именно таким «взрывным» оказалось правление Горбачева для судеб некогда мощной сверхдержавы.

Но, думается, что Горбачев, приход к власти которого был «спонсирован» армянской диаспорой (от ее ставропольского «звена», составляющего основу теневой экономики края, до армянской общины, преподнесшей Раисе Максимовне «бриллиантовую» карту «Великой Армении»), не ставил себе целью распад Советского Союза. Он хотел всего лишь подновить его откровенно «тоталитарный» и «имперский» фасад. Его потуги удержать Литву от выхода из Союза, его угрозы и, наконец, акты наказания и устрашения в Тбилиси и Баку свидетельствовали именно об этом.

Опираясь на свое армянское окружение, которое «за услуги» ему должно было получить Карабах, он, будучи не в состоянии найти нужный «баланс» в спровоцированном не без его участия конфликте между Арменией и Азербайджаном, упустил контроль над событиями и потерял все: сверхдержаву, свое Президентское кресло, а заодно и репутацию реформатора, у которого руки оказались обгажены кровью.

И в этом смысле автор, безусловно, прав, когда характеризуя обстановку в Азербайджане в канун январских событий 1990 года, подчеркивает, что победа народного движения «означало бы конец коммунистического режима в одной из республик Закавказья. Это стало бы для всех примером революционного перехода от реального социализма к подлинной демократии. Интрига Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны вокруг раздутой проблемы Нагорного Карабаха закончилась бы полным крахом, а, возможно, и концом Ставропольской династии в истории нашего государства» (стр. 161 - 162).

Еще одно свидетельство автора, которое приподнимает завесу над обстоятельствами, мешающими вывести армянские вооруженные силы с азербайджанской территории:

«Когда... я говорил об этом с одним из генералов советской армии, находившихся в Гяндже, он согласился с подобным подходом. «Так что же мешает?» - спросил я. «Нужна команда. Москва молчит», - ответил генерал. «Так, может быть, войной руководят из другого центра?» - осведомился я. Генерал согласно кивнул головой, не решившись назвать точный адрес командного пункта этой необъявленной войны. Думаю, Г. Старовойтовой этот центр безусловно известен» (стр. 86).

Мы понимаем недоумение и возмущение, которые может вызвать грязная политика, основанная на людской крови. Ее последствия могут оказаться куда более, плачевными, о чем умалчивают и генерал, и журналист в беседе между собой.

Попытаемся внести ясность. Речь ведь идет не только о закамуфлированной поддержке армянских экстремистов со стороны средств массовой информации и вооруженных сил России. Речь идет прежде всего о потере престижа, позиций, влияния России в Азербайджане, что противоречит интересам самой же России, «выталкивает» ее из Закавказского региона, оставляя вакуум, пустоту. Но известно, что «свято место пусто не бывает»...

Активизация стран блока НАТО в этом регионе лишь следствие этой политики, в котором политические потери России куда более значительны, чем Азербайджана.

Таков объективный вывод, который напрашивается по прочтении книги Ю. Помпеева. Что же касается Армении, которую всегда использовали как дестабилизирующий фактор в Закавказье (в соответствии с политикой «разделяй и властвуй»). Это объективно сейчас, когда она «успешно» выполнила эту свою функцию на первом этапе, ее дальнейшая активность на этот раз может быть разрушительной для самой России, ее влияния в этом регионе, всей ее политики в СНГ и в мире. И это чувствуют в Азербайджане все его граждане, в том числе русскоязычные.

Это же, думается, должны осознать и в России ее политики и лидеры, ибо, как глубокомысленно замечает автор, «обилие потенциальных российских «карабахов» делает союзничество с Арменией весьма опасным. Да и попытка столкновения с Азербайджаном коренным образом противоречит стратегическим интересам России в мусульманском мире» (стр. 200).

Не ради прошлого и осмысления его уроков (хотя это одно уже делает книгу Ю. Помпеева заслуживающим самого большого внимания), а ради будущего, новых взаимоотношений, которые создаются между Россией и Азербайджаном, их народами, стоит вчитаться и понять написанное автором - объективным летописцем и аналитиком.

Могут показаться спорными некоторые оценки, которые дает автор отдельным политическим деятелем и событиям в их отношении к Карабахской проблеме. И это понятно: ведь события динамичны и переменчивы. Перефразируя известные слова, скажем: «Процесс еще идет»...

Книга Ю. Помпеева вышла в конце 1992 года. С тех пор обстановка в России и Азербайджане резко изменилась. Возможно, сегодня автор внес бы некоторые коррективы в оценки событий и их участников. Но важно другое: общее-развитие «процесса, который пошел»... он предугадал.

Вчитаемся в книгу: «...Политический обман и поддержка бесстыдных агрессоров в Карабахе, предательство бездарных президентов направлены на установление лицемерных норм международных отношений в самой России. Чтобы политика «разделяй и властвуй» по сценарию Бжезинского и Боннэр укоренилась и в умах россиян, когда волна народного недовольства вытолкнет их на улицы наших городов... А потому, скорей всего, гибель российской Салатын, поборницы мира, в условиях политического мрака ни у кого не вызовет ответного протеста» (стр. 142).

Эти слова оказались как бы пророческими. В результате дестабилизации обстановки в самой России в октябре 1993 года, в чем не последнюю роль сыграли армянские «советники», руководимые армянами российские средства массовой информации армяно-российские Салтыни и Чингизы Мустафаевы... Как говорится, что посеешь, то и пожнешь!

Возможно, если бы автор писал свою книгу сейчас, уже после штурма Белого дома и «Останкино», он провел бы параллель, скажем, между тем, что было 20 января 1990 года в Баку и тем, что случилось в Москве, когда танки бывшей советской, а ныне российской армии били прямой наводкой, расстреливая белокаменное здание российского парламентаризма. Сказал же в свое время великий баснописец: «У сильного всегда бессильный виноват!» Но это - к слову.

Подлинная сила народа и государства - не только в ее военной мощи, но и в мудрости, справедливости, честности и объективности, без которых невозможно строить свои отношения с другими государствами и народами. И, наоборот, отсутствие этих принципов в политике и взаимоотношениях, может сделать даже великую державу игрушкой в руках авантюристов и политиканов разных мастей.

К такому выводу подводит книга Ю. Помпеева, написанная о событиях, которые имеют свои причины и следствия, режиссеров и исполнителей, кровь и жертвы... Она будоражит, побуждает думать и размышлять, ибо отражает то, что запечатлено в памяти народа навечно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ МИССИЯ

Конец жизненного пути А. С. Грибоедова, породив много пересудов и кривотолков, стал воистину сложным безграничным объектом для последующих исследований и заметок мемуарного и биографического характера, в которых в определенной степени факты и события жизни поэта и дипломата «подгонялись» под разного рода версии и мнения; они переходили из одной работы в другую, нередко искаженно и неполно, утрачивая свои истинные очертания в разного рода интерпретациях.

Если прочесть факты последних дней его жизни, определивших роковую развязку, причем, освободив эти факты от всякого рода домыслов и предположений, представить их, так сказать, в протокольном ряду, то получим следующую их хронологию.

Оказавшись в Тегеране с намерением претворить в жизнь статьи Туркменчайского трактата, важнейшими из которых, как он определял их сам в своих реляциях и записках, были - получение от иранского двора контрибуции, обмен военнопленными, а также помощь переселенцам, желающим перейти в российское подданство, А. С. Грибоедов сразу же столкнулся с необходимостью решить по крайней мере два, ставших ключевыми в его собственной трагедии, вопроса. Это заступничество за Мирзу Якуба, во-первых, и покровительство двум гаремным затворницам, во-вторых.

Укрыв их, по их же просьбе, в русском посольстве, он вызвал недовольство шаха, при дворе которого служил Мирза Якуб, занимая ответственную должность смотрителя гарема, а также тех, кто усмотрел в факте укрывательства «чужих жен» в стенах посольства, надругательство над обычаями и традициями народа.

Неоднократные обращения к послу, увещевания и предупреждения, которые ему делались разными посредниками, не возымели требуемого действия, и тогда возмущенная толпа, подталкиваемая духовенством, особенно рьяно стоявшим на страже соблюдения обычаев и законов шариата, оказалась у стен русского посольства. Но еще можно было, свидетельствуют современники и сослуживцы Грибоедова, предотвратить трагедию, остановить толпу, удовлетворить требования людей, пришедших к посольству.

Однако Грибоедов приказал стрелять в толпу, и первый роковой выстрел, сделанный одним из казаков, охранявших посольство, сразил одного из толпы. Его тело понесли в мечеть, и духовное лицо - муштеид, обратившись к людям, призвал их отомстить за смерть соотечественника. За этим последовал штурм посольства и его разгром разъяренной толпой.

Таковы факты, изложенные в официальных донесениях. Впоследствии они же легли в основу различных версии, объяснявших причины и обстоятельства гибели дипломата.

Их, эти версии, можно было бы разграничить условно на две группы, если брать во внимание источники лишь «одной стороны» - российской, исключая мнение (за неимением источников и возможности обратиться к архивам) иранской историографии. Итак, согласно одному из «российских» направлений, изучающих вопрос о гибели Вазир-Мухтара, получается, что эта трагедия стала возможной из-за собственных ошибок и «негибкости» дипломата, допустившего ряд непростительных просчетов в своих взаимоотношениях со столь «тонким» и «специфическим» объектом, каким являлся Восток, мусульманский мир.

Эта версия, к слову, определилась в результате расследования, произведенного сразу же, после разгрома миссии, составив основу официального заключения правительства. С годами, по мере того, как поэтическое наследие Грибоедова все более и более заслоняло его дипломатическую деятельность, столь трагически оборвавшуюся, эта версия, несколько видоизменяясь, обретала новые оттенки. Смерть А. С. Грибоедова, как бы вписывалась в галерею трагически оборвавшихся биографий А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, некоторых других писателей и поэтов, «ссорившихся» с самодержавием.

Эта, вторая версия, обозначалась в виде намеков и обмолвок отдельных литераторов, окончательно сформировалась в советском литературоведении. Тогда же была погребена первая и, с нашей точки зрения, наиболее правдивая и объективная версия гибели поэта и дипломата. Более того, исчезли и перестали переиздаваться те материалы, которые эту «первую версию» подкрепляли и обосновывали. Для советского литературоведения гибель Грибоедова - своего рода месть самодержавия за его «вольномыслие», реакция царя не остановившегося в державном

эгоизме на том, чтобы положить голову декабристки мыслящего поэта на алтарь своей «восточной политики».

Две эти версии, при всей их противоречивости, объединяло, естественно, сожаления о случившемся и сочувствие к трагической судьбе человека, принесшего так много пользы отечеству. Недостатками этих двух версий, определивших их неполноту и односторонность, следует считать, с нашей точки зрения, следующее. Первая версия, относительно точно передающая обстоятельства и причины гибели Грибоедова с учетом лишь профессиональных его качеств дипломата, не учитывает всей сложности натуры его как художника, поэта, его мироощущение и настроение. Вторая же версия, акцентируя на вольномыслии и независимости его натуры, приблизившие его к декабристам, игнорируют сами эти обстоятельства и причины катастрофы в Тегеране...

Можно было бы, конечно, сказать, что истина - где-то посередине. Соблазн такого решения имеет основание, и оно, возможно, могло бы дать более объективную и точную картину жизненного финала Грибоедова. Но оно лишь сблизив факторы, хотя и важные, не учитывало бы самого существенного, с нашей точки зрения, - фактора психологического, объясняющего умонастроение Грибоедова в этот период его жизни: его физическое и моральное состояние, усугубляемое болезнью, последствиями походной жизни, чувством дискомфорта в чужой обстановке, необходимостью дипломатического манипулирования в политической игре, пеной которого были большие деньги (контрибуция) и человеческие судьбы (пленные, переселенцы и другие). Кроме того, если учесть его усталость и перманентное желание «сменить обстановку», получить возможность приобщения к любимым музам, а к тому времени, о котором идет речь, и к семейному покою (об этом - письма к Нине Чавчавадзе), станет понятными и его нервозность, психологическое состояние и нетерпимость по отношению к «договаривающейся» стороне. И, разумеется, нетерпеливость, желание как можно быстрее, «разрубить узел», нет, не «развязать», а именно «разрубить». Отсюда ошибки во взаимоотношениях с иранской стороной даже в момент, когда назрела реальная угроза для его жизни и жизни всех сотрудников русской миссии в Тегеране.

Этот «психологический фактор» - едва ли не самый важный в понимании последних дней и гибели Грибоедова - и дипломата, и поэта «милостию божьей», автора блистательной пьесы «Горе от ума», о жанровой природе которой до сих пор нет «согласия» между литературоведами, называющими ее то «комедией», то «мелодрамой», то «трагикомедией». Разумеется, каждый из такого рода определений имеет под собой основание, ибо учитывает какие-то определенные качества и особенности знаменитой пьесы.

Можно было не касаться здесь этого вопроса, если бы не то обстоятельство, что речь идет о гибели и Драматурга, причем, профессионального, который начал свою деятельность с переделывания французских водевилей, поисков сюжетов для русской сцены, создания целого ряда драматургических пьес, иногда в соавторстве с некоторыми из своих знакомых-интеллигентов, задумавшего написать другие пьесы и ожидавшего возможности завершения своих начинаний.

Одно перечисление написанных им пьес может составить представление о глубине и обстоятельности его драматургических интересов: пьесы «Молодые супруги» (1815) и «Проба интермедии» (1818), пьесы, написанные в соавторстве с П. А. Катениным («Студент», 1817), с А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким («своя семья, или Замужняя невеста» 1818) и с П. А. Вяземским («Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» 1823).

После завершения «Горе от ума» (1823), он предполагал продолжить работу именно в сфере драматургической. Так и остались незавершенными начатые им пьесы, среди которых особо выделялись трагедии «1812 год» (1822 - 25 г.г.), «Радамист и Зенобия» (1825 - 28 г.г.) и «Грузинская ночь» (1826 - 27 г.г.).

То, что последующие за «Горем от ума» и задуманные им произведения несли в себе трагедийные мотивы и оформлялись именно в жанре трагедии, думается, неслучайно. От внимания к легковесной французской комедии (а первая пьеса Грибоедова «Молодые супруги» была переделкой комедии Крезе де Лессера) до трагедий, в которой зазвучали героико-патриотические идеи, ставились проблемы самовласти и народа, бунта против тирании, обличения крепостничества и т. п., - таким представляется его мировоззренческая и идейно-эстетическая эволюция.

Следовало бы, пожалуй, перед названными трагедиями поставить и пьесу «Горе от ума», в которой, по верной мысли А. И. Ревякина, «слишком громко звучат трагические и драматические мотивы. Чацкий, ведущий герой пьесы, - лицо не политическое, а драматическое, даже трагическое. Он переживает общественную (социально-политическую) трагедию и личную

(психологическую) драму».⁸⁴ Рассуждая подобным образом, исследователь вместе с тем приходит к заключению, что «Горе от ума» не является трагедией, ибо «незавершимые противоречия не становятся в этой пьесе определяющими, все себе подчиняющими».⁸⁵

Разумеется, считать «полной» трагедией «Горе от ума» было бы в известной степени натяжкой, хотя все элементы «трагедийности» здесь проступают сквозь сатирико-юмористическое хитросплетения сюжета: это и указание на «горе» в заголовке пьесы, на трагические по своему характеру разлад Чацкого с фамусовским обществом, отвергающим его за опасное вольномыслие (его характеристики - «он карбонари», «Ах! окаянный вольтерьянец», «Я думаю, он просто якобинец, ваш Чацкий») и одиночество в финале.

Да, правда, что автор не доводит Чацкого до последней черты - его гибели, ограничиваясь его отъездом. Но куда? Может быть, именно в этой точке сюжета скрещиваются собственно автобиографические элементы с драматическим исходом, побегом героя?!.. Возникает вопрос, который уже занимал исследователей: насколько элемент автобиографического содержит образ Чацкого вообще? Насколько «растворился» автор в своем герое? Ибо верно ведь, что любой автор, создавая драматический образ, невольно отдает ему от себя что-то, пропускает через собственный опыт.

Известны характеристики, данные Чацкому и выделявшие в нем черты героико-трагического характера. Апполон Григорьев называет Чацкого «единственным» истинно героическим лицом нашей литературы.⁸⁶ Герцен: «Чацкий - декабрист, это человек который завершает эпоху Петра I».⁸⁷ Если принять во внимание эти и тому подобные характеристики, то нетрудно увидеть и трагические последствия, которые возможны для лиц, отмеченных печатью революционности и декабризма в эпоху торжества «самовластия».

«Горе от ума» - эта драма, социальная, социально-политическая, до полного соответствия трагедии которой, пожалуй, не хватает лишь гибели героя в финале.

Чацкий по энергичности и деятельности своей природы превосходит своих «младших» собратьев - Онегина и Печорина. Это отмечали и А. И. Герцен, заявивший, что он, Чацкий, «шел прямой дорогой на каторжную работу»,⁸⁸ и И. А. Гончаров, отмечающий, что «Чацкий начинает новый век» по сравнению с Онегиным и Печориным...⁸⁹

Как должна была завершиться драма Чацкого в конце концов? Ведь автор оставляет этот вопрос открытым, как бы для «додумывания» читателям.

Известно, что Онегин, по плану Пушкина, в итоге своих жизненных исканий, должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов,⁹⁰ что неминуемо привело бы героя также к трагическому исходу.

Известен и последний маршрут лермонтовского Печорина - в Персию. Уж не история ли своего старшего брата - Грибоедова вдохновила поэта на подобную опасную для жизни героя концовку романа «Герой нашего времени»? И с тем же предчувствием неясного, трагического исхода для героя?!

Знаменателен в этом смысле эпизод прощания Максима Максимыча с Печориным, который замечает:

«Еду в Персию - и дальше!!»

- «Так вы в Персию?.. А когда вернетесь?.. - вслед Максим Максимыч...

Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и незачем».⁹¹

Раздосованный холодной встречей с Печориным, Максим Максимыч замечает свидетелю этой встречи - автору:

«... Ну какой бес несет его теперь в Персию?... А, право, жаль, что он дурно кончит»...⁹²

Через страницу-другую автор отмечает, «что Печорин, возвращаясь из Персии, умер»,⁹³ и эта констатация соответствует финалу жизненных исканий передовой личности, каковыми были и Грибоедов, и Пушкин, и Лермонтов, и Бестужев-Марлинский и некоторые другие писатели, а в

⁸⁴ А. И. Ревякин. История русской литературы XIX века. Первая половина, с. 93.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967, с. 495.

⁸⁷ Герцен А. И. Полное собр., соч. в 30 томах, М., 1956, том XVIII, с. 180.

⁸⁸ Герцен А. И. Полное собр. соч. в 30 томах, М., 1956, т. XX, с. 342.

⁸⁹ Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1955, том VIII, с. 14.

⁹⁰ Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1950, с. 396.

⁹¹ М. Ю. Лермонтов. Полное собр. соч. Л., 1940, с. 300 - 301.

⁹² Там же, с. 302.

⁹³ Там же, с. 304.

самой литературе - плеяда «лишних людей», казавшихся не в состоянии адаптироваться в своем обществе.

В отличие от Пушкина, а тем более Лермонтова, Грибоедов в 1823 году в момент завершения «Горе от ума» не мог еще увидеть «завершения истории» своего героя. До выступления декабристов еще оставалось два года. Да и несмотря на вольнолюбие героя и зная истинное отношение Грибоедова к декабризму, неизвестно, ввел бы он Чацкого в их среду или нет.

Если в определенной степени идентифицировать героя с его автором, то можно сказать: потребовав «карету» в последнем акте «Горя от ума» для Чацкого, который по свидетельству ряда его биографов и современников, духовно был ему близок, и отправив его «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», Грибоедов наметил маршрут для своего героя именно в героико-трагическом направлении. Однако отправиться «по свету» и обрести поистине героическое завершение судьбы, достойное трагического героя, пришлось не Чацкому, а самому Грибоедову.

Если рассмотреть последнюю миссию Грибоедова в Тегеране именно под этим углом зрения - как трагическую историю жизни, разворачивающуюся перед нами со всеми ее перипетиями и событиями, имевшими место в этот период, то можно увидеть в ней определенную сюжетную линию, собирающую и сцепляющую отдельные факты биографии и личного характера, конфликты и столкновения общественного и политического звучания.

В этой истории есть все элементы, присущие истинной трагедии: сам герой, в данном случае дипломат Грибоедов - человек передовых взглядов, «двойник» Чацкого, конфликт, причем, не какой-нибудь из ряда «социальных» (герой, скажем, противопоставленный своей среде, обществу), а масштабный, обозначенный условиями войны и противостоянием чужому по вере и обычаям противнику, причины конфликта или интрига (достойная лучших образцов романтической поэзии, перекликающаяся с мотивами «Восточных поэм» Байрона), а именно - судьба гаремных затворниц и евнуха, вышедшего из повиновения и преступившего закон, напряженный сюжет, связанный с перипетиями укрывания и защиты беглецов: его завязка (согласие посла дать приют им), развитие действия (требование вернуть беглецов), кульминация (первый выстрел казака), развязка (разгром посольства), приведшая к гибели героя в финале...

Есть здесь и колоритное «место» действия: это - и двор тегеранского посольства, и шахский дворец с негодующими из-за непреклонности посла вельможами, и мечеть, с амвона (минбара) которого мулла призывает своих прихожан отомстить «гяурам» за смерть «правовверного», убитого у стен посольства...

Но возникает вопрос: в какой степени причастен Грибоедов к созданию такой трагедии, возникшей в реальной действительности? Является ли он ее «автором»? Или всего лишь участником, хотя и в статусе «главного героя» ставшего жертвой интриги и коварства, неукротимых страстей и конфликтов?

А, быть может, он, подобно героям античной трагедии, всего лишь слепое орудие рока, персонаж, пытавшийся предотвратить драматическую развязку, смертельный для него исход? Да и стремился ли он помешать трагической развязке, или, безучастный, смирившийся со своей судьбой, желал лишь одного - достойно, в лучших традициях героического действия, в соответствии с привитыми представлениями о чести и достоинстве, принять смерть?!

Ответить на эти вопросы - значит, в определенной степени воспроизвести, объективно и верно, картину происшедшей катастрофы, иными словами восстановить факты, опираясь на свидетельства и документы, которые были преданы забвению или игнорировались в течение последующих десятилетий.

Это, прежде всего, свидетельства И. Симонича, бывшего посланником России в Персии после Грибоедова, К. Бодэ - 1-го секретаря посольства и тех, кто может из первых рук или по личным наблюдениям дать представление о предмете интриги и отношении к нему, то есть действиям Грибоедова в этой связи.

Итак, об интриге. Она, повторяем, связана с покровительством Грибоедова евнуху шахского двора и двум женщинам, сбежавших из гарема Аллаяра-хана - зятя шаха и первого министра двора, «первой особы в Персии», как пишет о нем Н. Н. Муравьев-Карский.⁹⁴ Все три беглеца были армянами по происхождению и, находясь в Персии, приняли магометанство и обычаи страны.

⁹⁴ Н. Муравьев-Карский. Из Записок». В кн.: Грибоедов в воспоминаниях современников, М., 1980, с. 70.

В примечании к сборнику «Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников» Зин. Давыдов со ссылкой на статью Галуста Шермазяняна («Русск. Стар, за октябрь 1901 г., с. 43) дает следующие сведения о евнухе:

«Евнух Мирза-Ягуб Маркарян, армянин, сыгравший, как видно из рассказа Мальцева и др., роковую роль в трагических событиях, закончившихся истреблением нашей миссии; родился в Эривани, где изучил древне-армянский язык, для усовершенствования в котором перебрался в Эчмиадзин; отсюда через некоторое время отправился для продолжения учения в Тифлис, но по дороге караван, с которым шел Ягуб, был атакован персами, большая часть каравана была перебита, а уцелевшие, среди которых оказался и Ягуб, были взяты в плен. В Персии Ягуб был оскотлен, обращен в магометанство и отослан в шахский гарем, где выдвинулся, благодаря знанию бухгалтерии и упрощению системы отчетности; *впоследствии Мирза-Ягуб успешно выполнял поручения шаха по составлению отчетности о приходе и расходовании государственных средств и занял видное положение при дворе шаха.*⁹⁵

Как видно из этого примечания, Мирза-Ягуб, подобно многим из своих соотечественников, проживавших в Персии, не только ассимилировался, обретя и персидское имя, но и (как это имело и имеет и поныне место в истории целого ряда стран: Ирана, Турции, России, Франции, а также до недавнего времени и Азербайджана) был посвящен в высокий ранг государственного чиновника, державшего в своих руках не только рычаги финансового управления страной, но тайны шахского двора и гарема, в том числе.

Отсюда нервозность и настойчивость, с какой шах и его окружение добивалось возвращения Мирзы-Якуба, чей поступок можно объяснить не только желанием вернуться на родину, в Эривань, перешедшего в этот момент по Туркменчайскому трактату к России, но и считать его предательским по отношению к шахскому двору. А если учесть, что им были прихвачены и ценности из казны, а также, в последнюю очередь, в возможность передачи им не менее ценной информации о состоянии дел (политических, финансовых, семейных и т. д.) другой стороне - российскому правительству, станет понятной невозможность потери для шаха его «верного слуги» - Мирзы Якуба.

Что же касается двух армянок - жен Алляяр-хана, то их участие в этом деле, их поступок, так описывает Н. Н. Муравьев-Карский:

«Женщины сии были приведены к нему (Грибоедову - Г. Г.) в дом, где и ожидали выезда посланника, дабы с ним следовать в Тавриз и оттуда на родину.

...Слуга Грибоедова, Александр, молодой человек, преизбалованный и коего он находил удовольствие возвышать против звания его... человек сей стал приставать к армянкам, содержащимся в доме. Женщины сии, может быть, и до сего уже *недовольные тем, что их взяли из пышного гарема* для возвращения в семейства, где бы они стали вести жизнь бедную и в нужде, оскорбленные ласками и приемами Александра, *выскочили в двери и, показавшись на улице, стали кричать, что их бесчестят, насильничают. Что между ними было, того никто не знает, ибо свидетелей никого не осталось.* Иные говорили, что будто сам Грибоедов хотел их прельстить; но сие невероятно, не потому, чтобы он не в состоянии был оказать неверность жене своей (я полагаю, что правила его не воспрепятствовали бы сему), но он бы не сделал сего никогда дабы не навлечь порицания званию своему, особливо в тогдашних обстоятельствах и отношениях своих с Алляяр-ханом».⁹⁶

Обращает на себя внимание ряд моментов в этом описании. Автор, как это обнаружилось в ряде других случаев, допускает, что женщины могут быть «недовольными» тем, что покинули «пышный гарем», что «их взяли». Возникают вопросы: зачем? Кем? Насильно ли? Почему они «на улице» «стали кричать, что их бесчестят, насильничают?»

Уж не специально ли была организована провокация, чтобы обострить русско-иранские отношения? Провокация явно «армянского происхождения», наподобие тех, с которыми уже в наше время мы столкнулись в Сумгаите и Баку?!...

Зная о возможностях миссии Грибоедова по депортации тех, кто захочет получить русское подданство, авторы провокации явно усердствовали, чтобы вызвать к себе внимание и жалость посольства великой державы (не правда ли, знакомый почерк!). В этом они добились своей цели, если учесть, что жители города были взбудоражены неверностью и предательством беглецов-армян. И вот как описывает Н. Н. Муравьев-Карский трагические для армян последствия такого возмущения, ставшие причиной и началом исхода армян из Ирана, который Грибоедов называл «многочисленной сией эмиграцией»...

⁹⁵ Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников». Л., 1929, с. 328. (Курсив наш - Г. Г.)

⁹⁶ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 70 - 71, (Курсив наш - Г. Г.).

«В сие же смутное время армянин Рустам, молодой собою... шел по городу и, по обыкновению своему, расталкивал с дерзостью толпившийся на базаре народ. Кажется, возвращаясь в дом посольства, Рустам был окружен разъяренной толпой. Он стал защищаться, но был вмиг растерзан...

Народ собрался с шумом перед домом посланника (который тогда из осторожности заперся) и требовал выдачи одного армянина, служащего при посольстве, как и Рустам, в должности курьера. После некоторых переговоров, не знаю кем веденных, армянина выдали, и он был в то же мгновение повешен перед домом посольства».⁹⁷

Усиливая недовольство народа поведением армян, которые желали изменить свое подданство, и, зная отношение Грибоедова к вопросу о «переселенцах», его характер и поведение, организаторы провокации намеренно ставили русского посланника в позицию жесткой конфронтации с шахским двором. Как отмечается в комментариях к «Запискам» И. Н. Муравьева-Карского, «преступление, выглядевшее внешне как стихийный бунт, на самом деле было хладнокровно и обдуманно подготовлено: муллы во всех частях Тегерана провоцировали, что русским послом поругана мусульманская вера; бросить же искру в народ (задавленный поборами на выплату куруров российскому правительству) потребовал от священнослужителей мирза Мосих - высшее духовное лицо в Тегеране; в свою очередь он знал, что Фетх-Али-шах жаждет проучить непокорного русского посла, и, наконец, акция эта во многом была предопределена со-ветами английских дипломатов, пытавшихся довести дело до аннулирования Туркменчайского мирного договора».⁹⁸

Кем бы ни подготовлена была эта провокация: верховным муллой Мирзой Месихом или служащими английского посольства в Тегеране во главе с 1-м секретарем посольства Г. Уиллоком, или армянами, служащими как в русском посольстве, так и при шахском дворе и ставивших своей целью организацию переселения армян под покровительство России, очевидно одно - эта акция была связана с армянами, осуществлялась при их непосредственном участии. Она сулила выгоды и их делу, делу переселения их на «российские земли», и потому среди его организаторов могли быть и армяне, скрыто, через посредников руководящих толпой и не останавливающихся даже перед жертвой своих же людей.

Провокация по разгрому русской миссии в Тегеране, как об этом свидетельствуют факты, непосредственно была связана с историей переселения армян из Ирана и расселения их на территориях азербайджанских ханств - Эриванского, Нахичеванского, Карабахского и других. Стратегические цели царизма определялись созданием за счет азербайджанских земель нового Армянского государства - форпоста христианской веры среди мусульманских стран, союзника России в проведении своей политики на Востоке.

Известный мастер исторической прозы Валентин Пикуль в своем романе «Фаворит» одним, но очень точным штрихом, воссоздает эти устремления русского самодержавия.

«Потемкин сообщил ей (Екатерине II - Г. Г.), что вызвал Суворова:

- Велю протопопу кронштатскому мирить его с женою. А потом совещание будет. Я да Суворов! Еще и армяне - Лазарев с Аргутинским. Станем судить о делах ихних. Армяне, люди шустрые, уже и столицу себе облюбовали - Эривань.

- Что толку от столицы, если и страны нет?

- Сейчас нет, после нас будет, - отвечал Потемкин».⁹⁹

О том, как осуществлялась эта акция, получившая воистину государственный размах, свидетельствуют хроники того времени и, в частности, изданное в 1831 году в Москве в типографии (Лазаревых) «Описание переселения армян адербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою».

В этом своем труде русский писатель и журналист С. Н. Глинка (1775 - 1847) начинает историю армян с древних времен, с мифологических легенд о «всемирном потопе» и доводит свой

⁹⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 71

⁹⁸ Там же, с. 356.

⁹⁹ Валентин Пикуль. Фаворит. Роман-хроника времен Екатерины II в двух томах. «Роман-газета». 1988, № 13, с. 66.

рассказ до момента исхода или переселения армян, ссылаясь при этом на армянские источники и «мнения армянских историков».¹⁰⁰

Название этого труда может вызвать недоумение у современного читателя: как это понимать - «армян азербайджанских»? Если учесть при этом, что «Азербайджан» - понятие, включающее в себя две территории (после Туркменчайского договора), а именно Северный (современная Азербайджанская республика) и Южный (нынешняя провинция Ирана), то станет понятным это роковое словосочетание. Армян из Ирана, точнее Иранского Азербайджана, переселяли... в Азербайджан же, его северные ханства, перешедшие к России, то есть «в пределы России»...

Если историко-мифологическая часть этого труда, почерпнутая из армянских источников, основывается больше на амбициозных притязаниях их авторов на обширные территории, охватывающие много стран, то в передаче современной истории С. Н. Глинка придерживается документов, хотя и тенденциозно, с позиций русского самодержавия и идеологов создания «единой Армении», излагающих суть дела, но содержащие вместе с тем и весьма любопытные и неопровержимые факты. Приведем некоторые из них.

Первый, кто в России обратил внимание на армян, был Петр I который «не мог упустить из виду армян. Он старался привлечь их для пользы России, и для собственного их очага. Великий Преобразователь Петр, в походе своем в Персии, лично по многим опытам узнав непоколебимую преданность армянского народа, в ознаменовании признательности, дал ему высочайшие грамоты, нрава и преимущества за воинские его подвиги и за важные заслуги. Он вызвал армян, как полезных сограждан, к водворению в Россию»... (с. 16 - 17).

Именно с этой целью, пишет С. Н. Глинка, «прибыл в отдельный Кавказский корпус полковник Лазарев. Желая усилить политическое влияние на умы армян, Паскевич официальным отношением к высшему начальству вызвал из Санкт-Петербурга сего чиновника, которого даже и одно имя служило армянам поручительством в искреннем к ним расположении сынов России» (с. 36).

Описывая ход переселения армян из Ирана в Россию или, если быть точным, из Азербайджана (Южного) в Азербайджан (Северный) в духе библейского сказания об исходе иудеев в земли обетованные, С. Н. Глинка создает своего рода оду Герою (Паскевичу) и «Вождю переселенцев» полковнику Лазареву, который должен был вывести и выводит, наконец, свой народ из «плена» и «заточения».

Патетический стиль повествования, восторженные интонации, сопровождающие описания исхода армян, явно мешают автору увидеть реальную картину переселения тысяч семейств, брошенных самодержавием на жертвенный алтарь своей восточной политики, увидеть драматический по характеру и воистину вынужденную миграцию населения, оказавшегося в результате агитации в трудном положении беженцев.

«9 марта 1828 года последние русские войска оставили Тавриз. Аббас-Мирза возвратился в столицу свою, уступленную ему великодушием победителей. Армяне из различных селений, смежных Турменчаю, двинулись на Карабах» (с. 48).

Допуская явное преувеличение, автор оговаривает при этом: «не нужно также уподоблять выход армян ни освобождению иудеев из плена вавилонского и ничему другому. Переселение армян из Персии в Россию есть доселе единственное в своем роде событие в летописях всемирных» (с. 49).

Но вот и другие нотки, которые возникают в описании переселения и, что важно, в определении его географического направления:

«Неожиданный прилив народа в области вновь завоеванные, привел в них недостаток в хлебе. В это время Лазарев получил предписание стараться направить путь переселенцев, вместо ханств Нахичеванского и Ерванского, в ханство Карабаг, где по предположениям, ожидали, что есть запасы изобильные и надежные. Прочих же переселенцев определено было оставить на местах до снятия жатвы, а вовсе лишенных способов к пропитанию не переселять» (с. 87 - 88).

Выборочный характер подобного гуманизма, проявленного «Героем Ериванским» - Паскевичем по отношению к армянам, ставшим по воле его правительства несчастными беженцами, ставит новые трудности: по недостатку казенных земель в ханстве Нахичеванском, он (Лазарев - Г. Г.) убедил большую часть армян-переселенцев, снабдя их на путевые расходы деньгами, следовать в ханство Ериванское и ханство Карабах» (с. 90- 91).

¹⁰⁰ Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. Б., «Элм», 1990. с. 3. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

И вот, наконец, строки из письма-отчета, адресованного полковником Лазаревым своему начальнику - генералу Паскевичу:

«По заключении Вами доставленного для России мира с Персиею в 1828 году Ваше Сиятельство удостоили меня быть исполнителем одного из полезных* для Отечества предначертаний Ваших - переселения Христиан из владений Персидских в *новоприобретенные Россиею провинции - Нахичеванскую и Эриванскую, ныне благостию Монарха наименованные Армянскою областью*» (с. 112 - 113. Курсив наш - Г. Г.).

Любопытно одно примечание, которое дается в сноске письма и отмеченное звездочкой после слова полезных». Читаем: «По мнению Министра нашего и людей, знающих хорошо Персию, переселение армян, - пишет Лазарев, - сделало для персидского правительства урону до 4-х куруров. Один курур составляет восемь миллионов рублей ассигнациями» (с. 113).

Интересно, сколько же в рублях потеряли тысячи семей переселенцев, оставивших свои дома и скarb, свои земли и инвентарь? Чтобы нанести урон Ирану (а это красной нитью проходит как в описаниях С. Н. Глинки, так и в рапортах ответственных за переселение лиц), правительство царя могло пожертвовать интересами и своих единоверцев, переселяя их на новые, в климатическом отношении непривычные земли или оставляя на произвол судьбы «вовсе лишенных способов к пропитанию»...

Вот как об этом докладывает Паскевичу его исполнительный подчиненный полковник Лазарев:

«Когда более 5000 семейств приближалось к Араксу... вскоре за тем, мая 8 дня получено мною и предписание Вашего Сиятельства от 24 апреля за № 926, о склонении большей части переселенцев, особенно беднейших, идти в Карабах, где они могут быть во всем обеспечены; о задержании некоторых на местах их жительства (!) и о непереселении неимеющих средств к прокормлению (!!); каковое предписание было исполнено мною на счет тех, кои хотя и объявили желание переселиться, но еще не получили денежного вспоможения» (с. 127 - 128).

Фарисейский характер такой заботы о переселенцах проявлялся в том, что это переселение не могло вызвать одобрения иранского населения, рассматривавшего эту акцию, как своего рода предательство, совершенное армянским населением по отношению к Ирану. Отсюда, как пишет С. Н. Глинка, «мусульмане, в порывах ярости бессильной, осыпали переселенцев проклятиями, а по временам и (каменьями» (с. 57).

В этих условиях, когда в результате переселения иранское население становилось враждебным по отношению к армянам, оставлять какую-то часть их в этом окружении, означало подвергать их опасности и преследованиям. Однако это, по-видимому, мало беспокоило устроителей переселения...

И эта же враждебность ощущалась у стен русской миссии в Тегеране, когда решалась судьба спрятанных Грибоедовым армян, да и его самого тоже...

В свете тех оценок, которые сегодня, когда мы пожинаем плоды этого переселения, можно услышать из уст тех, кто мало что знает о событиях далекого прошлого, представляет интерес вопрос об участии Грибоедова в переселении армян, его отношении к деятельности Лазарева и его помощников. Ключевым документом для характеристики позиции Грибоедова может стать его известная «Записка о переселении армян в наши области», адресованная генералу И. Ф. Паскевичу.

Непредвзятое изучение этого ценного свидетельства русского дипломата позволяет установить следующее. Во-первых, то, что Грибоедов настороженно, без большого энтузиазма отнесся к этой акции правительства, хотя и понимал ее экономическую выгоду для России.

«Обращаясь... к переселенцам - писал он, - я нахожу, что они гораздо полезнее наших грузинских армян, вообще торгашей, не приносящих никакой пользы казне; а перешедшие из Персии большей частью - ремесленники и хлебопашцы».¹⁰¹

В то же время он подчеркивал неподготовленность и авантюрный характер самой акции. Во-вторых, он с явным раздражением и неодобрением отзывался о лидере армян - полковнике Лазареве, который, по словам Грибоедова, «помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим, о формировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необдуманно, и самый Карабах и прочие области, имеющие свое начальство и где особенной власти от давно

¹⁰¹ А. С. Грибоедов «Горе от ума» письма и записки, с. 341.

учрежденных не могло быть допущено».¹⁰² Иными словами, Грибоедов осуждает Лазарева и за то, что тот ставил своей целью завладеть Карабахом и «прочими областями», предоставив их армянам-переселенцам, закрепив за ними эти земли, где уже существовала ханская власть, «давно учрежденная».

Понимая авантюрный характер этих притязаний Лазарева, Грибоедов сообщает - об отношении к этому более осторожного и осмотрительного армянского деятеля князя Аргутинского, который делал замечания Лазареву «несколько раз о его поведении, как это все хвастливо, ветрено и бесполезно. Все прочие дела полковника Лазарева были такого же рода и не стоят того, чтобы о них распространяться. Должно только прибавить, что он человек пустой, но не безнравственный, не способен утаивать казенных денег и делать вред умышленно».¹⁰³ Эта последняя фраза подчеркивает лишь то, что действия Лазарева носили не меркантильно-расчетливый, а скорее военно-стратегический и политический характер, который и не одобрял Грибоедов.

Возникает вопрос, который на сегодня остается открытым или, точнее, дискуссионным кто был инициатором переселения армян в Карабах и на другие азербайджанские земли? Какая роль в этой инициативе принадлежит Грибоедову? Нам представляется, что эта инициатива исходила из правительственных кругов (Николай I, граф Нессельроде, генерал Паскевич), и она была подхвачена армянскими лидерами (Аргутинским, Лазаревым и др.), которые эту инициативу активно начали претворять и жизнь, пользуясь пунктами Туркменчайского договора.

Судя по интонации донесений Грибоедова, по тем критическим и резким оценкам, которые он давал Комитету и руководителям по переселению армян, отмечая негативные моменты, с ним связанные, вряд ли он сам был в числе этих руководителей, несущих прямую ответственность.

Вот почему Паскевич, чтобы проверить то, как осуществляется акция, обращается именно к Грибоедову, как непредвзятому свидетелю событий, могущему дать объективную и беспристрастную информацию о них, чтобы, как пишет дипломат, «узнать достовернее через меня о способах, которые были приняты к переселению армян и Азербейджана (Иранского, - Г. Г.), и о нынешнем их водворении в наших (т. е. ставших российскими после Туркмения, - Г. Г.) областях».¹⁰⁴

В письме-донесении Паскевичу, который лучше, чем кто-либо, знал об истинных инициаторах этой акции, Грибоедов, естественно, не мог бы, даже если хотел бы этого, исказить что-либо в данном вопросе. Он пишет: «Вот истина по сему предмету, как она мне известна: полковник Лазарев почитал себя главным побудителем этой эмиграции, о чем, как вам известно, он изъяснялся довольно гласно... Деятельными орудиями при переселении были: князь Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием».¹⁰⁵

Исходя из гуманистических, а не религиозных или этнических пристрастий и побуждений, Грибоедов оценивает негативные моменты и трудности переселенцев, когда говорит о беспорядках при раздаче денег переселенцам из Урмии («ибо дурно были розданы», «бедным недодано, богатым передано»), указывает по пунктам на основные (к слову, весьма существенные для утверждения исторической правды) причины трудного положения переселенцев-армян:

«1) Армяне большей частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами.

2) Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Все сие в свое время было упущено. Поправить ошибку на нынешний год поздно. Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно. Вашему сиятельству известно, что вообще всех здешних жителей в сложности должно почитать переселенцами, ибо все они были выселены сардаром в весеннее время и находятся в самом скудном положении.

3) Денежное казенное пособие роздано без всякого толку: раздавали по рублю, по два, как нищим, без верных сведений, сколько нуждающихся и кому, что нужно. 25 рублей, выданные единовременно, вдесятеро важнее той суммы, отпущенной дробно, в разные времена. Не принято никакой общей меры, как например: покупки хлеба для содержания целого общества, также для посева на будущий год и пр.».¹⁰⁶

¹⁰² А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 341.

¹⁰³ Там же, с. 387 - 388.

¹⁰⁴ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 387.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ А. С. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки, с. 388

И, наконец, очень важное упоминание о «новых землях», освоенных у Ирана, о которых, по Грибоедову, нет никаких сведений», в областном правлении нет еще вовсе даже поверхностной описи земель и селений за Аракских; еще неизвестно число жителей и в округах по ту сторону Аракса. Об имениях и говорить нечего: никто не знает, кому что принадлежит». Как сообщает Грибоедов, «здешний областной начальник» хотел было «большое число новоприбывших армян переселить за Аракс, но они просили у вашего сиятельства позволения остаться на тех местах, куда их на первый раз временно пристроили, на что и получили ваше согласие. Подполковник князь Аргутинский не отчаивается однако же в возможности привести сию меру в исполнение. Чиновник этот заслуживает по своей распорядительности и честности доверие начальства».¹⁰⁷

Эта положительная характеристика Аргутинского красноречива в том смысле, что она убеждает в трезвом подходе самого Грибоедова в вопросе о переселении армян, о его неприятии метода выживания, вытеснения мусульман-азербайджанцев с их же земель. С Аргутинским, который отличался умеренностью и осторожностью в осуществлении акции российского правительства, Грибоедов рассуждал «о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицеймейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были».

Именно эту правду о расселении армян в Карабахе и на других азербайджанских землях, высказанную некогда поэтом и дипломатом А. С. Грибоедовым, сегодня стараются забыть или припрятать идеологи Миацума. Правду, ценой которой стала и его собственная жизнь...

Впрочем, небольшое отступление, думается, будет уместным здесь, поскольку связано оно с содержанием книги Бориса Балаяна «Кровь на алмазе» «Шах»: трагедия А. С. Грибоедова».¹⁰⁸ К слову, армянские историки издатели и здесь оказались «оперативнее», чем их коллеги в Азербайджане, хотя тема Грибоедова имеет непосредственное отношение именно к азербайджанской истории - и географически, и политически, и по существу.

Разумеется, по своей политической и идеологической нацеленности книга Бориса Балаяна полностью совпадает с книгой его «родного брата» Зория Балаяна: Здесь и весь набор антитурецких выпадов, и выражение ненависти к «иранским поработителям», «закабалившим» многострадальный армянский народ-труженник, и вековую тягу к соединению с братьями по вере, с могущественной Российской державой, и возвеличивание своей собственной истории, игнорирование проблем, связанных с историей Азербайджана. В отношении к нашей истории основным приемом оказывается «фигура умолчания»; пока еще нет откровенных выпадов и притязаний. Как-никак книга вышла в 1983 году, то есть в советское время.

Книга перенасыщена выражениями типа: «об освобождении Восточной Армении (Эриванского ханства? - Г. Г.) от ига иранских завоевателей» (с. 7); «Армянскому населению Западной (?) Армении, вступление России в войну против Турции могло принести освобождение от турецкого ига и присоединение Западной Армении (?) к России - осуществление вековой мечты многострадального народа» (с. 34); «блестящая Шамхорская победа войск армянского генерала Мадатова (награжденного за храбрость тремя шпагами с бриллиантовой инкрустацией) положила начало контрнаступлению русского корпуса»... (непонятно: речь здесь идет об армянской или русской армии? - Г. Г., с. 37); «После блестящей победы, одержанной войсками армянского (?) генерала Мадатова под Шамхором...» (с. 41); «Армянский народ самоотверженно боролся против независимого Каджарского ига» (с. 51). Это - в тот момент, когда в ближайшем окружении Фатали-шаха Каджара находились армяне, занимавшие высокие посты, как первый министр армянин Манучер-хан (Ениколопов), по словам С. В. Шостаковича, «один из самых влиятельных сановников шаха»,¹⁰⁹ лично расследовавший дело об измене другого влиятельного сановника-армянина Маркаряна, или не менее именитый и влиятельный Хосров-хан (урожденный - Кайтамазянц)?...

Следует отметить объективности ради, что автор книги, не в пример азербайджанским историкам, еще в советское время исследуя тему, столь ответственную и в целом «просоветскую»,

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Борис Балаян. Кровь на алмазе «Шах»: трагедия А. С. Грибоедова. Ереван. Изд-во «Айастан». 1983 г. Ссылки на это издание указаны в тексте.

¹⁰⁹ С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 220.

исходил из собственно армянских государственных интересов, давая свои оценки событиям и деятелям под углом к тому, какую роль они сыграли в судьбах Армении и ее народа. Так, «не повезло» в книге генералу Паскевичу - «освободителю» Эриванского ханства, (он же - Паскевич-Эриванский), которому достается за то, что тот «без всякого основания отклонил ходатайство армян о присоединении к России Макинского магала - исторически армянской территории, захваченной в прошлом иранскими войсками. Много путаницы внес Паскевич в сложные вопросы, связанные с контрибуцией» и т. д. и т. п. (с. 77 - 79).

В противовес Паскевичу, к его родственнику А. С. Грибоедову отношение иное: «Находясь в действующей армии, А. С. Грибоедов мужественно сражался на подступах к Еревану, за что был награжден боевой медалью «За взятие Ериванской крепости»... Велики его заслуги и в организации переселения на родину 50 тысяч армян, оказавшихся на чужбине в результате насильственной миграции» (с. 7 - 8). Непонятно, откуда произошла эта «насильственная миграция»: уж не геноцид ли какой, доселе не зарегистрированный армянскими историками? И почему «чужбиной» следует считать Иран и его территории, на которых с давних времен (как и сегодня) проживали, вместе с другими народностями, и армяне. Тем более, надо ли называть сперва «чужбиной», а затем «исторической родиной» Эриванское ханство (или, как называет его автор книги - «Ереван») только потому, что оно сперва находилось в подчинении Ирана, а затем (после Туркменчая) отошло к России?! И что это за понятие «чужбина-родина», значение которого меняется только потому, что меняется «хозяин» - властительная держава?!..

Политическая конъюнктура лежит и в основе характеристики деятельности Грибоедова, как дипломата. «Деятельность А. С. Грибоедова по созданию антитурецкой коалиции в период русско-турецкой войны (1828 - 1829 г. г.)» - название одной из глав достаточно откровенно выражает нацеленность работы Б. Балаяна.

Что же касается причин гибели Грибоедова, то опять-таки они отражены в названии (следующей шестой) главы книги: «Участие каджарского Ирана, султанской Турции (?) и Англии в убийстве А. С. Грибоедова и царская дипломатия (Критический анализ отечественной и зарубежной историографии)».

Цель автора ясна - свалить вину за убийство Грибоедова на все «враждебные» государства, оградив при этом «русскую дипломатию» (см. «нейтральную» оценку ее в заголовке главы) и полностью увести подозрения в этом деле от своих сородичей-армян, от их участия в гибели русского дипломата. Для этого автор даже допускает вроде бы незначительную «неточность» в этнической принадлежности гаремных беглянок - жен Аллаяр-хана, называет их, вопреки документам и свидетельствам, «грузинками» (с. 131)... Так, мелочь... Ведь, действительно, что-то уж много армян оказывается задействованными в этом «злополучном происшествии» (Николай I).

Б. Балаян обращается и к иранским источникам, которые обычно мало или вовсе не используются в трудах на данную тему. Хотя он и стремится интерпретировать факты и события в духе своей концепции, но вынужден приводить при этом точку зрения иранских историков и деятелей, занимающихся этой проблемой. В данном случае для нас представляет несомненный интерес точка зрения иранских ученых на роль евнуха Мирза-Якуба в убийстве Грибоедова. Б. Балаян пишет:

«Из новых авторов заслуживают внимание Шафи Джавади, опубликовавший в 1971 г. монографию «Тебриз и его окрестности», посвященную, главным образом, истории Иранского Азербайджана, и Хушанг Мехдеви - автор «Истории международных отношений Ирана», опубликованную в Тегеране в 1970 г. ... *Евнуха Мирза-Якуба они считают провокатором за то, что он сознательно создавал конфликтную ситуацию*, направляя в богатые дома, тесно связанные с шахским двором, своих людей, из числа армян и грузин, выявляя бывших пленных мужчин и женщин и направлял их в русскую миссию для опроса и возвращения на родину, не имея на это никаких прав (с. 131. Курсив наш - Г. Г.).

Эта точка зрения, выраженная современными иранскими исследователями, одна из немногих, которая, будучи верной по существу, позволяет прояснить и характер всей провокации, связанной с гибелью Грибоедова. Автор, не игнорируя объективность этой точки зрения, пишет: «Вполне объективно ставится вопрос (Шафи Джавади - Г. Г.) и о провокаторской роли в убийстве Грибоедова Мирзы-Якуба и участии шиитского духовенства, находившегося большей частью на службе у англичан» (с. 132).

Ряд иранских исследователей «отрицает политический характер разгрома русской миссии и обвиняет в гибели А. С. Грибоедова... его самого» (с. 110). К такому выводу приходят Али-Акбар Бина, Ахмед Тадж Бахши, Аббас Эгбал и др. Иранский историк Абдул Рази заявляет: «Грибоедов был жертвой своей чрезмерной гордости и высокомерия» (с. 127). Шафи Джавади: «...Грибоедов сам был виноват в своей гибели»... (с. 133).

Для нас, для обоснования нашей версии представляет наибольший интерес высказывание иранского литератора Мирза Сахаби, переведившего и опубликовавшего в 1976 году в газете «Кейхан» свыше 27 отрывков из романа Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Б. Балаян пишет в этой связи: «...Иранский переводчик этой книги Мирза Сахаби по-своему прочел и понял книгу Тынянова о Грибоедове и символично озаглавил ее *«Грибоедов писал новую трагедию»*, предоставляя иранским читателям возможность подумать, что речь идет о трагедии Ирана, постигшей его в результате провала фарисейской дипломатии и политики реваншизма Каджаров, приведших ко второй русско-иранской войне и Туркменчайскому миру» (с. 131. Курсив наш - Г. Г.).

Разумеется, в развитии всякой интриги, в ее развязке и последствиях, очень важным оказывается отношение противостоящей стороны. Грибоедов (и на это указывает большинство источников, да и логика развития событий) избежать опасного обострения ситуации. Однако этого не произошло. Наоборот, все его действия свидетельствуют о бескомпромиссной и жестокой линии поведения в данном вопросе. Почему? Это - предмет особого рассмотрения (об этом - ниже!). А пока ознакомимся с наблюдениями и выводами И. Симонича, профессионала-дипломата, сменившего на этом посту Грибоедова.¹¹⁰

«Катастрофа эта не должна быть приписываема причинам политическим. Лица различных партий и различных исповеданий, коих я расспрашивал, все единогласно сходились на одном весьма важном обстоятельстве, именно, что мой несчастный друг, покойный Грибоедов, в отношении к шаху *принял надменный тон, доходивший до безрассудства*. Фетх-Али-шах после каждой аудиенции, которую он ему давал, уходил столь рассерженным, что весьма легко было предвидеть какое-либо несчастье. Часто при своих придворных ему случалось вскрикивать:

- Кто меня избавит от этой собаки - христианина!»¹¹¹

Возмущение шаха было вызвано не только «надменным тоном» посланника, но, как это явствует из записок И. Симонича и из других источников, нежеланием Грибоедова считаться с обстоятельствами, его настойчивыми требованиями отпустить евнуха и казначея двора Мирзы-Якуба Маркаряна, а также двух армянок - жен Аллаяр-хана.

По мнению И. Симонича, «Грибоедов сделал большую неосторожность, заставив этих женщин перевести к себе в дом, где, кроме мужчин, никого не было», и тому же имелась в виду «совершенно справедливая дурная репутация христиан, составляющих прислугу посланника».¹¹² В связи с поступком Мирзы-Якуба Маркаряна И. Симонич замечает, что «легко понять, как Фетх-Али-шах сильно был оскорблен в сане неограниченного монарха и ревнивого мужа»,¹¹³ и задается вопросом: а должен ли был отказать посол евнуху в его просьбе? Нет, отвечает сам же автор заметок, но при условии, что человек, ищущий покровительства посла, приходит в посольство, рассчитывая на укрытие в нем, а не для переговоров».

... Но тут, ведь, были *предварительные интриги, переговоры между евнухом и армянами, окружившими посланника*», пишет И. Симонич. - Грибоедов имел время сообразить, какое унижение он готовил шаху, ободря предприятия этого человека».¹¹⁴

И. Симонич считает, что Грибоедов должен был уступить шаху в этом деле по двум причинам. Во-первых, потому что «в продолжение двух лет Персия и ее монарх перенесли много испытаний вследствие побед наших и мирных трактатов, нами на них наложенных, то государству-победителю более славы уступать побежденному в его мелочных самолюбивых интересах».¹¹⁵ И, во-вторых он мог предложить евнуху Маркаряну отложить на время свой замысел «тем более, что неизвестно, имел ли он (Маркарян - Г. Г.) право считаться в числе русских поданных, ибо *взят на службу к шаху и принял мусульманскую религию в отдаленную эпоху, когда Эривань принадлежала Персии*».¹¹⁶

И. Симонич отрицательно характеризует и последующие действия и поведение Грибоедова; он порицает его за отсутствие «достаточного терпения и хладнокровия» в решающий

¹¹⁰ Именно эти его записки «Убийство русского посланника» впоследствии игнорировались советским литературоведением.

¹¹¹ Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», с. 202, (курсив наш - Г. Г.)

¹¹² Там же, с. 203.

¹¹³ Там же, с. 204.

¹¹⁴ «Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», с. 204. (Курсив наш - Г. Г.)

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, с. 205. (Курсив наш - Г. Г.).

момент приступа посольства, за то, что тот «велел казакам стрелять по народу». Разбирая случившееся, И. Симонич не может скрыть своего удивления по поводу действий своего предшественника. «Я глубоко убежден, - писал он, - что... если бы он (Грибоедов - Г. Г.) удержал всех своих дома, не позволяя им показываться ни вне, ни у окон,... эта толпа разошлась бы к вечеру сама по себе... Я в этом убежден, зная хорошо характер персиян по совершенно схожим случаям... Но предопределение как бы подтолкнуло Грибоедова».¹¹⁷

Более того, утверждает И. Симонич, даже шах, «зная свой народ, он никогда не думал о могущей случиться катастрофе. Он не мог предвидеть, что *посланник будет столь неосторожен, что решится атаковать целое народонаселение* своими казаками».¹¹⁸

И. Симонич, обнаруживая в действиях Грибоедова какую-то полумистическую «предопределенность», завершает свои записки недоуменным восклицанием: «Непонятная судьба».¹¹⁹

Другое официальное лицо - 1-й секретарь посольства в Тегеране (назначенный уже после гибели Грибоедова) К. К. Боде в статье «Смерть Грибоедова», воздавая должное дипломатическим заслугам русского посланника в Тегеране и его личным качествам, а также указывая на обстоятельства его гибели, которые он «почерпнул из личных расспросов», в то же время приводит факты, которые невольно подводят его к признанию (хотя и косвенному) того, что пытались позднее предать забвению:

«Не стану здесь разбирать всех причин непопулярности Грибоедова как русского посланника, при шахском дворе, приведшей к роковой катастрофе, ограничусь тем, что главная причина состояла в неудовольствии шаха и его сановников против Александра Сергеевича за настойчивость, с которой он требовал выдачи наших русских пленных, укрываемых в гаремах персидских вельмож и во дворце самого шаха, равно как и за открытое покровительство, которое он оказывал тем русским поданным, которые прибегали к его защите».¹²⁰

В этом отрывке указано на три главные причины катастрофы: «непопулярность» Грибоедова «при шахском дворе, на «настойчивость» требований выдачи «наших русских пленных, укрываемых в гаремах», на «покровительство тем русским поданным, которые прибегали к его защите».

Если первая причина могла быть истолкована неоднозначно, то вторая «причина» несла в себе известное противоречие: можно ли считать жен, находящихся в гареме, «пленными»?!. И далее: две жены Аллаяр-хана были армянками, попавшими в гарем с территорий, подчиненных Ирану, а затем уже отошедших к России. Другое дело, что они захотели принять российское подданство. Но и здесь неувязка требований с законодательством страны и шариата: жены, находящиеся в гареме собственность владельца, интересы которого гарантируются законами страны.

И, наконец, третья причина, в изложение которой допущена путаница: для русских подданных естественным было искать покровительство у русского посланника в Тегеране. Естественным и то, что посланник обязан был оказывать всяческое покровительство, и тайное, и «открытое» своим поданным, искавшим его защиты. Но вопрос заключался в том, все ли из этих людей, ищущих покровительства, могли быть причислены к лицам, имеющим «русское подданство». Как, например, две армянки-жены Аллаяр-хана, Мирза-Якуб Маркарян и целый ряд других лиц армянской, грузинской, немецкой национальности?!

Далее, признавая, что «выстрел казака» был «той искрой», которую так жадно ожидали убийцы Грибоедова», К. Боде заявляет: «Грибоедову не оставалось иного исхода, как отразить силу силою и лечь на месте, защищая святое дело права и человечества».¹²¹ Однако именно за этот шаг - «силовой», а не дипломатический, который единственно и мог бы снять напряженность, упрекает своего предшественника И. Симонич.

В связи с этими замечками К. К. Боде, авторы комментариев к сборнику, отстаивая официальную точку зрения, закрепившуюся в литературоведении в советский период, замечают:

«Не будучи свидетелем тегеранской катастрофы он, естественно, пишет только о том, что слышал от других лиц. Поэтому в его рассказе встречаются неточности; ошибочно также и суждение автора о главной причине гибели Грибоедова. Автор видит ее не в стремлении шаха по совету англичан аннулировать Туркменчайский договор, а будто бы в настойчивости, с которой

¹¹⁷ Там же, с. 205.

¹¹⁸ Там же. (Курсив наш Г. Г.).

¹¹⁹ «Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», с. 206.

¹²⁰ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 201.

¹²¹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 204.

Грибоедов требовал выдачи «наших русских пленных, укрываемых в гаремах персидских вельмож». ¹²²

Следуя общепринятой до недавнего времени тенденции и защищая официальную точку зрения, комментаторы К. Бодэ сами допускают и неточности и противоречивые суждения. Получается так: когда чья-либо точка зрения из тех, кто представлен в данном сборнике, совпадает с официальной, то мы должны верить ей, даже если автор «слышал от других лиц». И, конечно, наоборот.

Естественно, что главным побуждением К. Бодэ было оправдать все действия Грибоедова. Отсюда - возникшая противоречивость в его заметках: основываясь на реальных фактах, он пытался их интерпретировать в пользу Грибоедова. Но в отличие от комментаторов советского времени К. Бодэ понимал, что смерть Грибоедова не могла привести и не привела к аннулированию кабального для Ирана Туркменчайского договора, а, наоборот, поставила его правителей в еще большую зависимость от России: к невыплаченным частям контрибуции шах вынужден был добавить новые дары, в том числе один из самых крупных в мире алмазов - «Надир-шах», посланный в знак признания своей вины с миссией принца Хосрова-Мирзы в Петербург.

В этом смысле показательно отношение официальных кругов и самого императора Николая I к событиям, связанным с гибелью Грибоедова. Не видя в ней подрывного для основ Туркменчайского трактата смысла и используя вину и признание в ней иранского правительства для дальнейшего осуществления политики России на Востоке, правительство, по-видимому, не намерено было придавать случившемуся политическое или иное значение, а тем более использовать его с целью давления или новых требований по отношению к Ирану. Николай I лично заявил принцу Хосрову Мирзе: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». ¹²³

Итак «злополучное происшествие»... не более того. Досадное для Ирана и в не меньшей степени и для России «происшествие», которое могло лишь омрачить отношение между двумя странами. Это признание заключено и в словах Николая I. Но возникает вопрос: а кому оно было нужно? В таких случаях обычно подразумевается третья сторона. Кто она - эта «третья сторона»? Разумеется, Англия, подтверждают все без исключения источники. Как же могла Англия реализовать свою политику в Тегеране, оставаясь при этом в тени, не привлекая к этому самих иранцев? Разумеется, такие «исполнители» нашлись в лице еще одной заинтересованной стороны, а именно армян, имевших иранское подданство и желавших теперь, после продвижения России на юг, переменить его на российское.

Изучая вопрос о гибели Грибоедова, ее причины и последствия, мы, разумеется, не можем обойти исторический роман Ю. Тынянова «Смерть Вазира-Мухтара». ¹²⁴ Обращенный к большому кругу читателей, сформировавший и закрепивший в сознании нескольких поколений читателей XX века образ Грибоедова, поэта и дипломата, этот роман во многом опирался на архивные документы и свидетельства современников, большинство из которых было опубликовано в приведенных нами сборниках.

Вместе с тем эта книга - явление художественное, в котором автор имел право дать волю своей фантазии или подчинить ее определенной концепции, отвечающей его замыслу. Не будем забывать, что роман создан был в советское время, и автором, обязанным считаться с идеологическими принципами, которые он мог разделять или, наоборот, не принимать.

Являясь выдающимся произведением художественной прозы, созданным с большим пиететом к Грибоедову и его творчеству, роман отражал, наряду с патриотическим чувством его создателя, и ту авторскую точку зрения на эпоху, жизнь и деятельность своего героя, которая позволяла ему при этом быть независимым и от «дореволюционных» версий, и от тех, которые только-только формировались (роман создавался в 20-х годах).

Несомненные художественные достоинства романа, «независимая» трактовка автором событий жизни Грибоедова, привлечение документов и материалов исторического характера, внутреннее видение писателя, позволившее ему дать точный портрет эпохи, быть верным в интерпретации отдельных событий (деятельности англичан в Тегеране, например, предвосхитить в

¹²² Там же, с. 390.

¹²³ Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников, с. 327

¹²⁴ Юрий Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара». Роман. М., 1988.

чем-то даже исторические факты, о которых заговорили уже в 60-е годы XX века (см. книгу С. В. Шостаковича «Дипломатическая деятельность Грибоедова». М., 1960), - все это определило успех романа, неоднократно переиздававшегося. Однако в главном, с точки зрения историка, вопросе - точной, достоверной обрисовке облика, основанной только на фактах и личных признаниях самого Грибоедова, его дня (и это понятно) не существует однозначной оценки романа. Вот одно из характерных суждений на роман, высказанных в последнее время. В предисловии к солидному и уже цитированному здесь сборнику «Воспоминаний» С. Фомичев пишет:

«Последний год жизни Грибоедова, как известно, послужил материалом романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», где автор «Горе от ума» представлен жертвой вдруг - после 14 декабря 1825 года - «переломившегося времени»... Блестящий романист создал прекрасное произведение, в котором главный герой столько же художественно убедителен, сколько и исторически недостоверен... И если концепция Тынянова до сих пор оказывает влияние на трактовку личности Грибоедова, то только потому, что *научной биографии автора «Горя от ума» еще не создано.*

Последний период жизни писателя, насильственно оборванной, представляется итогом его судьбы, и это не может не отбрасывать свет на весь его облик. Как бы ни были высоки и прекрасны идеалы молодости, их жизнестойкость проверяется в зрелости, и жалким кажется человек, изменивший своим высоким убеждениям».¹²⁵

В этой цитате есть неясные места. Тезис «исторически недостоверен», интригующий читателя, повисает в тексте без необходимого обоснования, нуждается, хотя бы в кратком, объяснении. И в особенности двусмыслен последний пассаж критика: «жалким кажется человек, изменивший своим высоким убеждениям». Верная по смыслу вообще, эта сентенция применительно к Грибоедову остается здесь, в этом контексте, неясной: то ли «жалким» выглядит герой Тынянова, то ли сам его прототип - Грибоедов, которому и адресует С. Фомичев свой упрек.

И в том, и в другом случае этот упрек, как нам представляется, необоснован и нуждается в некотором уточнении. Грибоедов, как это мы отмечали выше, ссылаясь на свидетельства его современников, не только не был фактически членом декабристского общества, но и осуждал их за их «методы» и «формы» государственного переустройства. Поэтому он и не мог изменить «своим высоким убеждениям», которые у него имелись и подразумевали, разумеется, служение своему отечеству. И не обязательно они должны быть связаны с бунтом и выступлением против властей. Поэтому, верно служа отечеству, Грибоедов «не изменял своим высоким убеждениям». Тем более не выглядел «жалким» (ни в романе Ю. Тынянова, ни в воспоминаниях современников), или «жертвой переломившегося времени».

Правда, Ю. Тынянов намечает мотив внутренней неудовлетворенности, свойственной творческой натуре с обостренным чувством ответственности за содеянное, что отличало и Грибоедова, как большого художника, требовательного к себе, к своему прошлому творчеству.

«И вот перед ним встала совесть, и он начал разговаривать со своей совестью, как с человеком. - ... Но ведь у меня в словесности большой неуспех, - сказал неохотно Грибоедов, - все-таки Восток»...¹²⁶

«Трагизм тыняновского Грибоедова - это не трагизм возвышенных героев Корнелия и Расина. Вазир-Мухтар глубоко негероичен... Тыняновские персонажи - неудачники», - такие оценки можно услышать о герое романа и сегодня, в частности, за круглым столом «Литературной газеты», посвященной 100-летию со дня рождения Юрия Тынянова.¹²⁷

Неудачник? Жертва каких-то роковых столкновений? Это у меня - автора наделавшего шуму «Горя от ума»?... Это «ведь у меня в словесности большой неуспех»?! Чего только не напишут потом, с годами, обо мне! Вернее, могут написать...

Да, я не смог поставить свою пьесу на сцене Петербургского театра. Но ведь она во множестве списков была распространена среди любителей изящной словесности! Ее читали, ее цитировали по памяти, ею восхищались. И будут еще долго ценить и превозносить! За все: за слог, образность и метафоричность языка, за идеи, наконец, которые я мог в ней выразить. За героя неординарного, непонятого обществом, чопорным и ограниченным сборищем сытых и

¹²⁵ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 14. (Курсив наш - Г. Г.).

¹²⁶ Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. с. 385.

¹²⁷ «Литературная газета», 19 октября 1994 г., с. 6.

довольных собой Фамусовых, скалозубов, молчалиных... Неудачника в любви, не понятого даже Софьей.

Неудачник... Похожий на меня самого. Но разве может быть удачливым человек, чье сердце бьется не по одной лишь «науки страсти нежной», как прекрасно заметил поэт.

В самом деле, закончится моя миссия, и я отправлюсь в имение моей девочки-жены. Цинандал - чистый, нетронутый уголок природы; патриархальный уклад, пробуждение с ранними деревенскими петухами, ночное небо в крупных звездах... Таких не увидишь в Петербурге, где, возможно, пройдет остаток моей семейной жизни... Где на склоне лет, окруженный домочадцами и любящей женой, поправляющей мои подушки и успокаивающей пилюлями, я отойду на вечный покой...

Да, а прежде я завершу свои трагедии, в которых попытаюсь выразить себя до конца... «Грузинская ночь»... Думаю, неплохое название для трагедии. Да и другая пьеса «Радамист и Зенобия» - о Грузии, ее прошлом, которое позволит мне высказывать, не боясь, что могут упрекнуть в крамоле... Ведь это - все-таки чужая история...

Чужая? Нет, теперь уж и моя собственная... Можно будет поставить проклятые вопросы: о судьбах народа, о самовластии... Как это сделал мой знаменитый теперь уже тезка в своей драме «Борис Годунов». Он создал подлинную трагедию жизни, судьбы, целого царства. Через историю смог выйти ко всему, что есть сущее в нашей России сегодня... И характер-то - крупный, воистину трагический. Представленный на фоне смуты, польской угрозы, нашествия и подлых притязаний на престол со стороны Гришки-Лжедмитрия...

Может, мне замысел еще более связать с личной, знакомой мне лучше, чем кому-либо другому, темой?!.. Что-нибудь этакое, что дошло бы до сердца и ума там, в Петербурге... Что-нибудь мощное, истинно трагическое, вместе с тем собственное, личное. Например, трагедию «Тайны гарема», в которой фигурировали бы две эти женщины, запертые Сашкой в комнатах на первом этаже. Кстати, чего они добивались, выйдя на улицу и зовя на помощь?...

Или быть может, чтобы придать больше восточного колорита, столь модного нынче в Европах... Этот демонический талант... Байрон... Да и не он один... А, может, дать другое название, например, «Милостью падишаха - опоры мира»?.. Или просто - «Персы»...

Постой-ка, ведь такая пьеса уже была создана некогда. Еще в самом зарождении театра в древней Греции. Эсхилом - отцом трагедии. Правда, трагедия была во многом несовершенна. Но по-своему уникальна... Единственная в драматургии греков, замешанной на мифологии, она повествовала об истории, подлинной, недалекой для них истории войны с персами.

И не только о войне, но и мире в том смысле, что великий Эсхил показывал пороки самовластия, основанной на эгоизме тирана, бросившего свой народ по собственной воле, никем не ограниченной, на жертвенный алтарь войны. И, наоборот, Демос, вставший на защиту своей земли, и оказавшийся в состоянии повергнуть в прах полчища Ксеркса, сжег и потопил персидский флот при острове Саламин. Об этом и поведала трагедия «Персы»...

Да, я тоже напишу свою трагедию. Дай только срок. В ней будет все: и персы, и шах-повелитель Вселенной, и русский посланник, повелевающий им от имени другого самодержца... В ней будет интрига в духе романтических произведений, создавших моду на «гаремную тему». И гарем турецкого султана, представленный во всем своем блеске и полном тайн взору европейского читателя в романе знаменитого лорда, поблекнет перед моим «гаремом».

Беглянки... Вон они, там, где-то внизу, запертые Сашкой. Прячутся в миссии русского посланника...

«Шерше ля фам»... Ищите женщину, - гласит поговорка французов. И она в основе любого их водевиля, любой пьесы... А здесь даже не одна, а две. И их «ищут»... Еще как ищут. Угрожают... Подсылают каких-то посредников, грозят божьей карой, наказанием со стороны царя, который, мол, не ведает, что творит его полномочный посланник с персидскими вельможами, обычаями народа...

Эта трагедия должна будет, конечно, отобразить масштабные, в духе героического эпоса, события... На фоне красочной природы Востока... Тех величественных гор, силуэты которых я видел когда-то... Мирза Аббаскули, наш толмач, объяснял, кажется, их название: «Карабах» - «черный сад»... Кажется так, хотя Рустам-бек, сопровождающий миссию армянин, малый дерзкий и своенравный, поправлял его.

«Нет, не бах», а «бахт», что означает «судьба», «рок», - говорил Рустам-бек, споря с лучшим, пожалуй, на всем Востоке ученым-историком, знатоком Кавказа. «Карабахт», а не «Карабах». И это означает не «Темный сад», а «Черную судьбу»...

Рустам-бек говорил это, придерживая за узды своего скакуна, кажется, карабахской масти, и смотрел то на меня, то на Мирзу Аббаскули, загадочно улыбаясь...

А скажи-ка, почему обычно местом действия избирается гостиная или будуар, комнаты и залы... Почему бы не изобразить стихию, скажем, море, бушующее и грозное?.. Или те же горы?!.. Ах, эти классицисты с их правилами... Сделать горы и равнины грандиозной декорацией для изображения событий величественных и значительных!

А, что, если превратить театр прошедших военных действий в подлинный театр?!.. И местом действия сделать, скажем, дворец императора в Петербурге. Затем Тегеран, дворец Фатали-шаха. Отсюда - шаг и - русское посольство с таинственными женщинами и не менее таинственной для зрителя развязкой!

Как это трактуется Аристотелем: с «узнаванием», которое обосновывается перипетиями действия, логически вытекающий из всей завязки?!..

Но что это за шум? Как будто рокот прибоя, который тогда, в ту ночь, когда мы расположились у моря - Хазара, Каспия - не давал мне сомкнуть веки... своим шумом, то нарастающим, то, как будто бы затухающим вдали...

Хлопнула дверь внизу. Кажется, Сашка поднимается ко мне... Ну чего тебе, милый? Что? Чернь? Какая еще чернь? Тегеранская... Идут сюда? Грозят? Ну, полно, полно... Успокойся. Пойдем, посмотрим... Вели казакам занять все места у окон, на балконах, на крыше... А где отряд этого изменника Самсон-хана? Ушел куда-то, говоришь? Да, это означает нейтралитет с его стороны... Подлая душа. Вот кого следовало бы требовать у шаха. Русских перебежчиков-солдат. И их вожака Самсона... Именно о них говорили мне в коллегии по иностранным делам. Их около трех тысяч. А то и более. Спрятались, твари, за шахской спиной... Да и воевали против нас же, против своих русских... Предатели... Требовать их, а не этих женщин, которые, похоже, сожалеют, что пришли к нам. Или, может, их притащили сюда? А, слышь, Сашка? Видно, что они уже соскучились по своим мужьям...

- А, здравствуй, здравствуй, добрый молодец. Что тебе видно там, из окна? Толпа, говоришь? Никак не угомонится? А ты угомони их... Да, да... Ведь в руке у тебя не палка, а ружье. Пальни-ка ты разок в них не бойся... Вот и славно... Убил, говоришь?.. Ничего. Теперь, если не разбегутся, стреляйте все. Пусть все возьмут ружья и пистолеты. И храбро защищают миссию царя-императора...

... Вот и наступил последний акт. Сейчас начнется пальба. Посмотрим конец этой трагедии, в которой мне выпал жребий исполнить и роль ее героя... Героя в собственной, созданной мной же, трагедии?! А создал ли я ее, эту трагедию, сам? Или же оказался всего лишь исполнителем-актером, передвигаемым по сцене рукой более искусного драматурга? Но кого же: самого императора? Шаха и его двора? Английского посольства в Тегеране? А, может быть, евнуха Мирзы-Якуба Маркаряна, прячущегося здесь же, где-то внизу? Вот у кого есть очень ценные сведения о шахском дворе, членах многочисленной челяди шаха, его гареме, скрытом от посторонних глаз за семью печатями. Бог с ними, с его сокровищами, которые он припрятал для себя. Подлинное сокровище - это то, что он знает, хранит в своей памяти. Надо будет порасспросить его как следует о том, что может пригодиться для изображения. Скажем, шахских покоев, гаремных интриг, которыми полны головы этих бестий - восточных женщин...

А вот и пальба. Началось. Громкие удары... Это ломают главные ворота... Запах гари? Откуда он доносится? Что-то, видимо, подожгли...

Выстрелы. Сполохи огня на заднике сцены. Ввести это в декорацию пьесы. В ремарке... Шум толпы. Все это может быть в финале трагедии... Если конечно, мне удастся ее написать...

А если нет? Что тогда? Нужно будет подумать о том, чтобы достойно принять свою гибель. Как подобает истинно трагическому герою. Может быть, кто-то другой где-то там, в будущем, напишет о гибели Грибоедова... О последних часах русского посланника в Тегеране. О смерти дипломата... Погибшего как герой своей же собственной трагедии, сотворенной им, но уже не в театре, а в самой жизни. И им же поставленной на сцене, которая называется Персия, Тегеран... «Последняя миссия» - тоже неплохое название... Но для чего? Надо же действовать, обороняться... Жить, чтобы творить...

Конечно, этот монолог Грубоедова - воображаемый... Это - всего лишь эскиз, набросок, созданный автором этих строк и должный отразить одну из возможных версий его гибели... Объясняющий его гибель потребностью геройского действия, которое принесло бы ему лавры героя после смерти... А лучше бы при жизни. Все же бой, который он должен принять, защищая свою жизнь и достоинство, а главное честь посланника его императорского величества, могло что-то значить в глазах всего двора, людей, знавших его по Петербургу, или слыжавших о нем.

В этом воображаемом монологе нет «неудачника», нет жертвы самодержавного режима, тем более опального «декабриста». Монолог этот представляет ход мыслей человека, в котором интересны и душа художника, жаждущего творческих свершений, возобладают над состоянием чиновника-дипломата. Верность музам, своему главному призванию драматурга не дали ему возможность увидеть опасный для себя разворот событий. То, что увидел бы на его месте всякий заурядный чиновник, приземленный и лишенный воображения, но с обостренным животным инстинктом, позволившим бы ему уйти от опасности, гибко меняя позицию. Но, увы, этому не дано было случиться.

Компромисс - это стихия дипломата, а не тонко чувствующего и жаждущего успеха и славы художника слова, поэта и драматурга, для которого главное - это поступок, героический и трагический финал собственной судьбы, с которым он и шагнул в историю.

Роман «Смерть Вазир-Мухтара» дает большую пищу для додумывания, чем мы и воспользовались, чтобы выразить и свою точку зрения. Он, роман Ю. Тынянова, экспрессивен не только в силу коллизий, в нем заложенных, но и по слогу, стилю, по недосказанности, по провалам в ткани повествования - фигурами умолчания, иллюзиями и намеками.

Писатель Валентин Каверин, автор послесловия к роману и большой статьи о Ю. Тынянове в «Краткой литературной энциклопедии» (М. 1972, том 7, с. 701 - 704) сделал ряд тонких наблюдений. Он, в частности, заметил, что «Горе от ума» - это не только прошлое Грибоедова, но и его будущее».¹²⁸

На пути от полутрагедии к трагедии полной, добавим мы, имея в виду его творческую нацеленность и намерения реализовать свои замыслы драматурга.

Роман «Смерть Вазир-Мухтара» «как бы написан самим Грибоедовым, - пишет в другом месте В. Каверин.¹²⁹ И эта мысль тоже помогает глубже понять поэтику романа, его лиризм и психологичность, выраженные в лаконически сжатых, как пружина, фразах и описаниях.

Вот фрагменты из романа, представляющие последние часы и мгновения жизни Грибоедова по Ю. Тынянову. В них запечатлены и персонажи последнего акта трагедии: Александр или Сашка - денщик и молочный (предположительно родной) брат Грибоедова, доктор Аделунг, Рустам-бек и Дадаш-бек - два армянина, находящиеся на службе у русского посланника, евнух Мирза-Якуб Маркарян и другие.

Этими страницами из романа, страницами, созданными замечательным мастером исторической прозы Ю. Тыняновым (они даются здесь в виде приложения) мы и завершаем наш очерк, посвященный светлой памяти Александра Сергеевича Грибоедова.

- Саша, - сказал Грибоедов, стоя в приемной комнате, рядом со спальней. - Ну-ка, Саша, тащи сюда вино. Корзину тащи или две. И припасы.

Сашка позвал кучера; они возились в кладовой.

Доктор Аделунг, в мундире, сосал сигару. Рустам-бек и Дадаш-бек тоже были в комнате полуодетыми. Комната не имела ни жилого, ни человеческого вида.

- Откупори нам эту бутылку. А остальное тащи-ка на крышу к казакам. Пусть позавтракают. Ваше здоровье, доктор. Это аи.

Доктор Аделунг кивнул головой важно и грустно и чокнулся с Грибоедовым.

И только когда увидела толпа, что казаки на крыше пьют вино и едят, она очнулась. Белокурый человек в казакине, накинута на белье, отдыхал от тяжелой корзины на крыше.

Полетели камнями в ворота.

Ворота чуть дрогнули.

Белокурый человек в казакине, согнувшись, побежал по крыше обратно, во внутренний двор.

Тогда щелкнул выстрел в толпе. Это был первый выстрел, и все его услышали.

Белокурый человек бежал согнувшись.

И крик в толпе: мальчик в кулидже упал. Кровь была у него на лице. Кровь увидели. Его оттащили в сторону кузнец и сапожник. Он умирал.

Заговорили фальконеты. В крышу, в казаков летели камни.

Передние телами без разбега, сотнями тел ударялись в ворота и, оглушенные, падали назад. Казаки торопливо допивали вино.

Человек на лошади показался внизу. Он что-то кричал, махал рукой. Казаки видели, как его стащили с лошади, поволокли к упавшему мальчику, в воздухе поднялись палки, и (человек провалился).

¹²⁸ Юрий Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. Роман. М, 1988, с. 440.

¹²⁹ Там же, с, 444.

Казачи на крыше утерли рты, стали на колена и прицелились.

Так погиб Соломон Меликьянц, который метнулся к русскому посольству, как муха на огонь.

Были одновременны: кровь на земле, ворота, о которые бились тела, высокий белокурый человек, который бежал по крыше, трое или четверо казаков, вдруг растянувшиеся на крыше. И тут же увидели, что крыша конюшни, слева - шире, чем правая, с казаками.

Так десять - пятнадцать человек взобрались на крышу конюшни. Трех передних сняли казаки пулями.

- Джахат!

- Эа - Али-Салават!

- Смерть собакам!

Сотни уже были на крыше первого двора. Казаки отступили в узкий проход.

Зили-султан получил в семь с половиной часов сообщение, что у русского посольства собралась толпа. Сообщение было сделано гулям-пешхедметом, который пришел помочь ему одеться.

Зили-султан одевался медленно. Потом ему подали умыться. Умылся он булькая и фыркая. Он совершил утренний намаз. После намаза подали ему завтрак.

Казаки стреляли. Люди прыгали с крыши одни за другим, десятками. Уже наполнился двор.

Люди метались - направо, налево - и вперед. Направо - был дом Назар-Али-хана. Налево - квартира Мальцева - в баляханэ, а внизу - доктора. Впереди - в узком проходе были казаки. Они не знали, кто где, они метались, как слепые. Искали ходжу, евнуха.

Три сарбаза Якуб-султана указали им на второй двор. Сотня человек с молотами и кинжалами стояли у дверей Назир-Али-хана. Дом, в котором доктор писал тому полчаса свой дневник, били, как человека. Листки пухом летали по воздуху.

Якуб Маркарян увидев, как сразу десять голов всунулось в его дверь. Они открыли дверь и застряли в ней. Слепленные дневным светом, они ничего не видели в полутемной комнате, и глаза смотрели мимо него.

Медленно, важно стал подниматься с ковра Ходжа-Якуб. Потом он шагнул к двери, и люди отступили. Они сжимали в руках кувалды и ножи, и они отступили: никто из них ни разу не видел Ходжи-Мирзы-Якуба. Он был высок ростом, бел лицом, брови его были черны и казались насурьмленными.

Ходжа-Мирза-Якуб смотрел на людей, которых видел в первый раз. Потом зубы его оскалились: евнух улыбался или сжимал челюсти.

- Меня хотите? - сказал он высоким голосом. - Меня хотите? - И еще шагнул вперед.

- Я безоружный, бейте - бзанид!

Молотобоец, медленно размахнувшись, метнул в него молотом, издали, не подходя. Молот попал в грудь. Евнух покачнулся.

Только тогда вскочили в комнату, только тогда руки вцепились в халат. Они прикоснулись к нему. Они держали его. Палки враз ударили по голове, как по барабану.

- Бзанид! - кричал радостно евнух.

Агентер ударил его ножом в живот и кулаком в зубы. ЕГО ударили еще раз в бок, а он все кричал высоким голосом.

- Бзанид, бейте, - и выплевывал зубы.

Его выволокли во двор. Он упал. Мальчик лет пятнадцати, вынув длинный нож, мясничный секач, плеснул над шеей. Старик придавил ногою тупее с другой стороны. Голова полетела, как мяч, за ворота. Там ее поймали. Поймали потом еще руку, на которой плотно держался изорванный голубой рукав, ногу. Поймавшие крепко их держали, высоко поднимая, и грудь их сразу промокла.

- Эа - Али-Салават...

Грохот - разрушали второй двор. На крышах стояли, отдирая дрань. Топорами раскачивали, расшатывали бревна, проваливались, снова вылезали, бросали, раскачиваясь по двое, балки в третий двор. Запыленный голый тополь подрагивал, как пес.

- Александр, Александр, - крикнул Грибоедов, - назад!

Он стоял на узенькой лестнице, ведущей в его покои. За ним стоял Аделунг, за Аделунгом выглядывали Рустам-бек и Дадаш-бек. Пятнадцать казаков на коленях, внизу, вертя головами во все стороны, стреляли по крышам и забору.

Сашка не слышал его. Второй двор гудел и трещал. Стоял туман от известки и пыли.

Сашка, открыв рот, не говоря ни слова, прислушивался. Неизвестно, куда он смотрел. Он выбежал за казачий круг, стоял, смотрел.

- Александр! - крикнул еще раз Грибоедов. Сашка повернулся и посмотрел на Грибоедова. Тут казаки выстрелили: на плоской крыше забора стояло человек десять оборванных персиян. Двое упали и скатились, как кули с мукой, во двор. Третий выстрелил наугад.

Сашка смотря на Грибоедова ясным взглядом, капризно сдвинул брови, неодобрительно скривил рот, согнулся на бок, как будто его укусила муха и упал.

- А, - сказал Грибоедов, - они Александра убили. Мертвый казак лежал, сжимая ружье, рядом с Сашкой. Грибоедов быстро сбежал по лестнице и опустился на колени. Он разжал мертвые руки и вынул ружье. Потом легко взбежал вверх.

И он стал стрелять, целясь, точно и быстро.

Крик заполнил двор, узенький и темный. Люди были во дворе.

Выстрелы были точные.

Люди подались назад. Дворик был очищен. Теперь остались только те, что стояли по стенам. Со стен редко стреляли. Потом стали кидать балки. Одна балка покрыла четырех казаков. Они шевелились под нею.

Доктор Аделунг притронулся рукой к плечу Грибоедова. Грибоедов очнулся.

- Они убили Александра, - сказал он доктору, и губа задрожала.

- Нужно отступить в комнаты, - сказал доктор Аделунг.

Было убито еще двое казаков.

Первая комната - его спальня. Еще была не убрана постель. Сашка так и не прибрал ее.

Девять казаков поместились у окон.

Грибоедов заглянул в окно.

На дворике теперь их было много. Они были белые от известки в полутемном дворике. Он отошел от окна и стал ходить. Ногою он отодвинул чемодан, чтобы было больше места.

- Где кяфир? Где Вазир-Мухтар? - Они не знали кто жил на третьем дворе.

Все выстроились по боковым стенам. Небольшой камень попал Грибоедову в голову, он не заметил боли. Запустив руку в волосы, он почувствовал, что она мокрая, и увидел кровь.

- Фетх-Али-шах пришлет помощь, - хрипло сказал Рустам-бек. - Еще десять минут.

- Фетх-Али-шах... его мать, - сказал Грибоедов, смотря с отвращением на свою красную липкую руку.

Камни летели реже.

- Надо отступить в гостиную, - сказал доктор Аделунг.

Он прислушивался, подняв глаза к потолку. Ему почудились шаги на крыше. Вдруг потолок затрещал под сотнею ног. Послышались острые удары - били топорами. Они перешли в гостиную.

Доктор, втянув голову в плечи, смотрел вперед, в дверь гостиной. Лицо его было похоже на бульдожью морду. Он был почти спокоен. Сверху, на крыше, топали, словно танцевали. Трещало - отрывали дрань.

- Они занимают лестницу, - сказал доктор, взглядевшись. Дверь со двора в спальню была густо забита людьми, в нее ломились сразу сотни, и ни один не пролезал.

Несмотря ни на кого, доктор Аделунг отступил на шагок и вытащил шпажонку из ножен. Грибоедов ходил по комнате, сложив с усилием руки на груди. Доктор, со шпагою в руке, выбежал в спальню.

Грибоедов стал смотреть.

Он видел, как доктор добежал до двери, сунулся в нее и сделал выпад. Потом сразу подался назад. Что-то там случилось. Дверь ясна - отхлынули.

- Молодец.

Доктор рвал в спальню оконную занавеску. Левою руки у него не было, вместо нее был обрубок. Он быстро замотал обрубок тряпкой. Потом вскочил в окно и прыгнул. Грибоедов видел короткое движение: доктор Аделунг сделал выпад шпажонкой в воздухе.

- Молодец, - сказал Грибоедов, - какой человек!

Не было ни Сашки, ни доктора Аделунга.

Известка посыпалась ему на голову. Балки рухнули, он едва успел отскочить. Люди прыгнули сверху. Какой-то сарбаз ударил его кривой саблей в грудь, раз и два. Он услышал еще, как завизжал Рустам-бек, которого резали.¹³⁰

¹³⁰ Юрий Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара, Гл., XI, с. 394 - 399

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный здесь очерк - всего лишь приглашение к размышлению, попытка отказаться от некоторых стереотипов, которые возможны там, где речь идет о такой крупной, неординарной личности, какой был А. С. Грибоедов.

Вместе с тем это - и стремление выйти к истокам событий, находящихся сегодня в центре внимания мировой общественности - конфликту и войне в Карабахе, создавшей реальную угрозу миру во всем регионе.

Именно в период наивысшего обострения взаимоотношений и войны между Ираном и Россией реализовалась дипломатическая миссия Грибоедова, связанная, в частности, с заключением Туркменчайского мирного договора.

Известны последствия этого договора. Россия получила все, что можно было получить, укрепила свои границы, выдвинув их далеко на юг, к Араксу, сделав ее «рекой разлуки». Расчлененный по Араксу Азербайджан надолго лишился возможности обрести реальную независимость и собственную государственность.

Окончательно закрепилась за Ираном другая часть Азербайджана с населением, представляющим «мину замедленного действия», впоследствии не раз «взрывавшейся» волнами недовольства и возмущения, если вспомнить национально-освободительное движение под руководством Саттар-хана в 1905 - 1911 г. г. и размах демократического движения 40-х годов в Южном Азербайджане.

Укрепив свои границы с Ираном, Россия в войне с Турцией уже использовала материальные и людские ресурсы покорившихся азербайджанских ханств. Азербайджанские воины успешно сражались и отличались в боях со своими единокровными и единоверными сородичами - турками. Империя еще только входила во вкус своей основной игры: «разделяй и властвуй!»...

В этом смысле и судьба самого Грибоедова, так много потрудившегося во славу успехов восточной политики русского самодержавия, не представляла большого интереса. «Мавр сделал свое дело!». Последним актом его деятельности во благо государства стал финал его собственной жизни, принесенной в жертву этой политике.

Эта жертва, принесенная во имя Отечества, не пожелавшего дальнейших осложнений с уже поверженным соседом и принявшего потому извинение шахского двора, устраивала в данный период двух соперников, схватившихся в борьбе за сферы влияния в Закавказье.

Вместе с головой выдающегося поэта и честного дипломата на жертвенный алтарь имперских притязаний были положены и земли народа, отныне разделенного надвое. Однако смертью Грибоедова не завершились конфликты и войны в Закавказье, а, наоборот, завязывался новый узел противоречий - так называемый «Карабахский конфликт», чреватый, как показывают события сегодняшних дней, новыми конфликтами и осложнениями, могущими привести к конфронтации в мировом масштабе.

Что же касается значения деятельности А. С. Грибоедова для наших дней, для осмысления проблем, связанных с историей и современным состоянием Азербайджана, кризисом межнациональных отношений в Закавказье, то нам представляется наиболее верными следующие выводы.

А. С. Грибоедов, как дипломат - свидетель и участник многих значительных событий русско-иранской войны, оставил ряд ценных документов, подтверждающих необоснованность притязаний армян на Карабах. В частности, они свидетельствуют об их переселении из Ирана и заселении на территориях азербайджанских ханств.

В процессе переговоров с иранским правительством именно А. С. Грибоедов впервые указал на возможность предоставить независимость Азербайджану, подтвердив тем самым, право азербайджанского народа на самостоятельную государственность.

Впервые А. С. Грибоедов сделал попытку дипломатическим путем объединить Азербайджан, правда, в рамках Российской империи. И хотя эта попытка не увенчалась успехом, но сама постановка вопроса достойна внимания и не утратила своего исторического значения.

Не занимая проармянскую или проазербайджанскую (тем более проиранскую) позиции, Грибоедов исходил в своих действиях и поступках из интересов Российской империи, был проводником ее политики на Востоке, в Закавказье, пытаясь облечь ее в гуманистическую оболочку, совместить с человеколюбием и цивилизованными принципами. Потому он и стал жертвой

своих же гуманистических принципов, которые оказались не просто литературной (его творчество) или политической (его дипломатическая деятельность) декларацией, но органически преломились в его делах и помыслах, в его действиях и поступках.

Будучи вовлеченным в события явно провокационного характера, он стал жертвой межнационального и межрелигиозного конфликта, в котором значительным дестабилизирующим фактором стали иранцы армянского происхождения.

И если принять во внимание неудовлетворенность поэта и драматурга тем, что его основное произведение - «Горе от ума» не было поставлено на сцене театра, ходило по рукам в списках, а также творческую его нацеленность на создание подлинной трагедии, в которой не осталось бы места недомолвкам или домысливанию, то станет понятным и смысл его жизненного финала: смерть дипломата, поэта и драматурга - это воистину «горе от ума». Это - продолжение гениальной пьесы, ее вторая и последняя часть. Это - своего рода драма, драма собственной жизни, которую гениально сложил ее «автор» - Александр Сергеевич Грибоедов.

Баку, декабрь 1994 года.